
ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На смену.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 34 (2043)

21 АВГУСТА 1966

44-й год издания

МАРШРУТ УКАЗАН ПЯТИЛЕТКОЙ

Ну, что тебе сказать про Ибджибдек

Ускорить строительство и ввод в действие мощностей на Красноярском и Братском алюминиевых заводах, а также Красноярском заводе алюминиевого проката.

Из Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану

Таежный аэродром.

В. ТИХОМИРОВ

Фото автора.

После тесных и пыльных улиц старой, левобережной части Красноярска дорога наконец вырывается на простор. Через полчаса показывается поселок Индустриальный — место прописки нового гигантского алюминиевого завода — КРАЗа.

Над действующими цехами дымят трубы, чуть дальше идет монтаж перекрытий нового корпуса, и в разных концах его ярко вспыхивают белые огни электросварки. Слева, похожие на гигантскую паутину, перечеркнули небо электрические провода мощной подстанции, справа — целая роща кранов, машины в клубах пыли.

Первые два корпуса электролиза уже действуют, дают стране металл. Длинные корпуса лишь изредка освещаются тревожным пламенем: плещется только что родившийся красноярский алюминий. Правда, это не совсем точное определение: основной поставщик глинозема сейчас Павлодар. Но в Приангарской тайге уже открыты большие месторождения алюминиевой руды — бокситов. Там начало настоящего красноярского алюминия. И мы туда путь держим.

...Наконец-то я добрался до самой что ни на есть тайги, до изыскательского участка с экзотическим эвенкским названием — Ибджибдек. Неподалеку — в трех — десяти километрах — работают бурильные установки. После нескольких тысяч километров пути от Москвы до Красноярска десяток километров до бурильщиков показался мне сущим пустяком. Но в тайге свои понятия о расстояниях. Иногда легче добраться из Москвы в Красноярск, чем за десять километров в лагерь Северный.

В лагерь мы поехали с начальником участка Г. Ф. Грицино на мощном тягаче-вездеходе.

— Глянь! Тайги хозяин идет,— с уважением сказал один из наших спутников, показывая на верхушки падающих лиственниц и елей.

Это шел на новую точку бурения могучий трактор с набором труб, буров и другим оборудованием на санях, сделанных по-сибирски прочно, из столетних сосен. Но и хозяин тайги иной раз ползет полкилометра за несколько дней. Приходится спиливать большие, в обхват, деревья, перекидывать настилы через топи и болота.

В Северном стоит несколько больших палаток. В их тени шесть парней занимаются своими делами — читают, бреются, играют в карты, лениво переругиваются, обсуждая последние футбольные баталии. Из репродуктора несется популярная в Сибири песенка про то, как девчата в туфельках модельных идут по вечной мерзлоте. Правда, здешние женщины предпочитают ходить в иной обуви. В Москве 20 градусов тепла, сообщает радио. А здесь прямо-таки пекло — за тридцать. А вообще сейчас тут самое золотое время. Правда, продлится оно недолго, потом начнется сезон комаров и мошек. Без накомарника и энцефалитника из палатки не высунешь носа.

Однако, несмотря ни на что, буровые работают днем и ночью, летом и зимой, когда от лютого мороза лопаются трубы, а на металле, если неосторожно прикоснешься рукой, остаются лоскуты кожи. Но все-таки летом труднее. Земля подтаивает и плывет под ногами. Даже вездеходы порой ничего сделать не могут. Горючее возят на самом надежном виде транспорта — на лошадях.

В прошлом году одна установка провалилась в подтаявшее окно по самую кабину, а буровой агрегат торчал вверх, как ракета. Трудно даже представить, сколько сил, нервов и времени потребовалось, чтобы вытянуть эту 15-тонную махину из вязкого месива.

Кого только не встретишь в этих местах, какие только обстоятельства не забрасывают сюда людей!

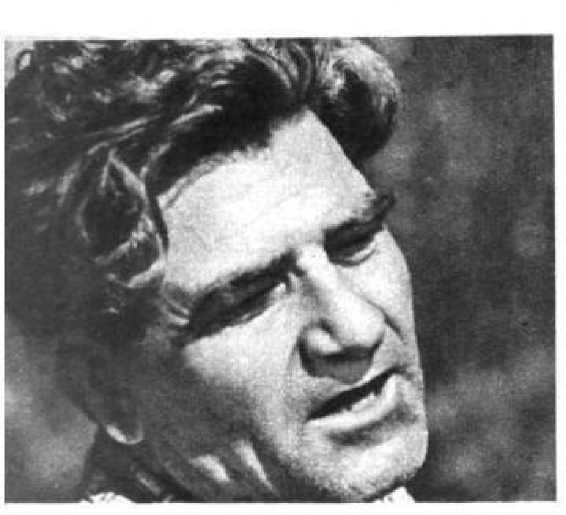
Многие приехали в Сибирь по комсомольским путевкам. В восемнадцать лет человека часто манит возможность посмотреть мир не на киноэкране и не на обложке иллюстрированного журнала. Встретил я и земляка-москвича. Приехал по «путевке», только по совсем иной — судебной. Был отличным рабочим. Начал выпивать — стал тунеядцем. Сейчас бурит со своими товарищами по 1 200 метров вместо 526, положенных по норме. Даже перегнали знаменитую бригаа-

Бывшие воины-пограничники Николай Рудаков, Борис Лизенко и Олег Олизвер — солдаты ударной стройки.

КРАЗ — марка красноярского алюминия.

Участковый механик Н. К. Воронин.

Тамара Макарова и Рита Митькина пока первокурсницы.

ду старшего мастера Новгородцева, завоевавшую третье место в социалистическом соревновании буровиков республики. Участковый механик Николай Воронин, Кузьмич, как все его здесь называют, приехал из курортного Сухуми.

Многие, вспоминая Москву и другие города, говорят, что надо уезжать отсюда, но остаются еще на год, еще и еще. Потом такие разговоры становятся реже, и человек остается тут навсегда. Уже не может жить без трескучих сибирских морозов, без тихой грусти холодных речек, без величественной тайги.

Григорий Федорович Грицино почти четверть века работает в изыскательских партиях. Начал рабочим, сейчас начальник участка. Работает на участке и Тамара Васильевна Токмань, женщина с пятнадцатилетним таежным стажем. «Город — это не для меня. Через три часа я там буквально падаю от усталости»,— рассказывает она о поездке в Москву. Я иду следом за ней по таежной тропе, стараюсь не отстать: глаза застилает туман, и трудно перевести дыхание. А она эти восемь километров вышагивает два раза в сутки — на работу и обратно.

Тут жизнь трудная, богатая и радостями и неприятностями, но если бы нужно было главное в ней выразить тремя словами, то можно было бы сказать: «Месторождение бокситов открыто». В этих словах — многолетний напряженнейший труд сотен людей: геологов, буровиков, геофизиков, шоферов, летчиков, рабочих.

Еще в сороковых годах в Приангарье были обнаружены признаки бокситов. В пятидесятые началась их разведка. Сейчас самое важное — дать прогноз размеров здешних богатств, дать оценку Чадобецкого месторождения. То, что запасы руды имеют промышленное значение, уже ясно. Теперь надо пойти дальше и назвать примерную цифру. Но это не единственная забота, потому что в том же Приангарье найдено другое месторождение. Еще трудно судить о его размерах, но геологи надеются, что оно окажется еще крупнее и лучше по условиям залегания.

Ох, как нелегко даются небольшие строки заключения геологов: «Месторождение имеет промышленное значение»! Еще пройдет несколько лет, прежде чем можно будет оценить его мощность в миллионах тонн и окончательно определить контуры залегания руды. Впереди нелегкие дни и ночи работы в тридцатиградусную жару и пятидесятиградусный мороз. Еще много крови выпьет ненасытная сибирская мошка. Еще, может быть, придется сидеть по неделям и пить один чай сорта «белые ночи» с сухарями, как это было не так давно в Ибджибдеке, когда из-за непогоды не летали вертолеты, а по размокшей тайге не мог пройти даже вездеход. Но это трудности, которые обычно сопровождают каждое геологическое открытие в безлюдных районах. Пройдет несколько лет, и бокситы из этих месторождений будут поступать в цеха КРАЗа и на строящийся в тайге Братский алюминиевый завод.

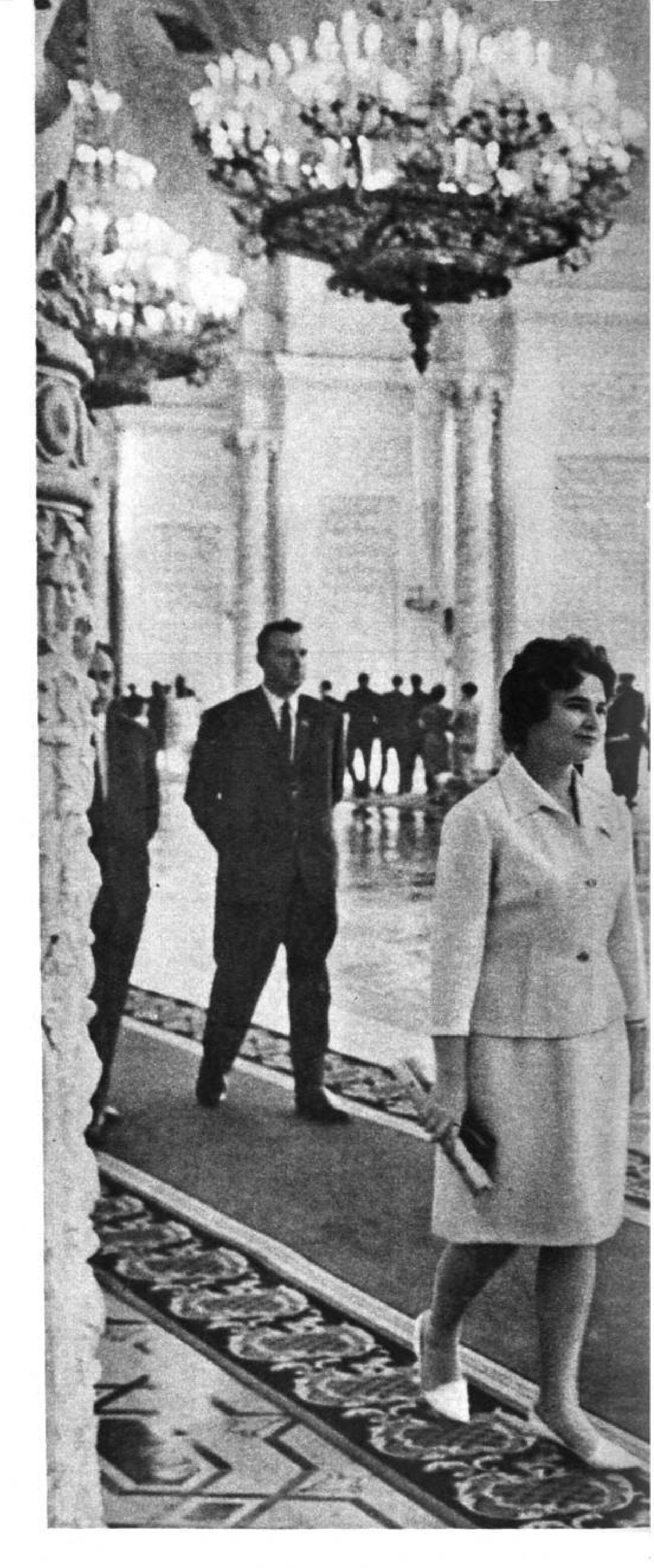
Пока геологи штурмуют Приангарскую тайгу, в Красноярске готовятся принять богатства ее недр. К концу пятилетки на КРАЗе будут работать на полную мощность одиннадцать корпусов электролиза, вступит в строй цех алюминиевого проката. В индустриальном техникуме при заводе уже учатся будущие специалисты по цветному прокату. Они придут в цех, который пока лежит в портфелях проектировщиков.

Цех в портфеле. Специалисты на первом курсе. Бокситы в земле. Завод строится. Но уже прокладываются дороги через тайгу в район месторождения, уже скоро даст море электроэнергии крупнейшая в мире Красноярская ГЭС...

Нелегок труд изыскателей. Только радио доносит сюда вести с Большой Земли. Трудно с продуктами, не хватает фруктов и овощей, кино — редкость. И, рассказывая мне обо всем этом, радист К. А. Антонов, приехавший сюда из Талнаха — он там с самого начала изысканий работал,— как бы между прочим заметил:

— В Талнахе еще тяжелее было. А сейчас там каменные дома...

Здесь тоже поднимутся дома, и девчонки, обязательно в модельных туфельках, будут ходить по вечной мерзлоте.

СЕДЬМАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Каким будет завтрашний день российских деревень? Этот вопрос обсуждался на VII сессии Верховного Совета РСФСР шестого созыва, которая состоялась в Москве, в Кремле.

Сессия обсудила доклад первого заместителя Председателя Совета Министров РСФСР К. Г. Пысина «О состоянии и мерах по дальнейшему расширению строительства предприятий и учреждений культурно-бытового обслуживания сельского населения».

И докладчик и депутаты, выступавшие в прениях, отмеча-

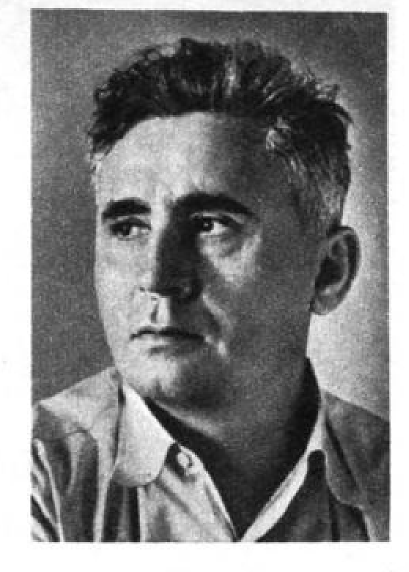
ли, что сейчас имеются все условия для того, чтобы обеспечить сближение уровней жизни сельского и городского населения при одновременном общем повышении уровня жизни советского народа.

На сессии были утверждены Указы Президиума Верховного Совета РСФСР.

На снимке: Перед началом заседания. Депутаты Верховного Совета РСФСР Л. Н. Спренко, сборщица Краснодарского завода электроизмерительных приборов, В. И. Монахов, газовщик Ново-Тульского металлургического завода, Т. А. Гонтарь, главный агроном колхоза «Россия», Краснодарского края.

Фото А. Устинова.

ДОЛГИХ ЛЕТ, НОВЫХ КНИГ!

Анатолию Калинину — пятьдесят. В жизни каждого труженика такой рубеж — примечательная дата. В кругу литераторов и вообще у людей творчества принято в пятидесятилетие товарища говорить ему о том, что прожитые им полвека — еще не так много, это, мол, пора зрелости и самое главное еще впереди...

В этих добрых пожеланиях — теплота людских сердец и, конечно, известная доля испытанной временем правды о возможностях человеческого разума, его творческой воли. Но правда и то, что, говоря между нами, пятьдесят лет — уже не так мало, что это пора зрелого возраста и подведения известных итогов.

Вот потому, что это не так мало, мне и трудно поверить, что Анатолию Калинину пятьдесят: так живы в памяти наши вчерашние школьные годы в маленьком донском городе Миллерово, в ста пятидесяти километрах от станицы Вешенской...

Я хорошо помню Анатолия — вдумчивого ученика, решительного поборника ребячьей справедливости, смуглого остроглазого паренька с густыми темными вихрами, выходца из известной на Дону учительской семьи, уроженца окружной казачьей станицы Каменской (ныне город Каменск-Шахтинский).

Он пришел в большую советскую литературу из журналистики. А журналистом стал очень рано — мальчишкой, в бурную пору коллективизации. С той поры и началась его самостоятельная трудовая жизнь.

Четырнадцатилетним подростком с рабочей агитколонной Анатолий едет в глубинные хутора и станицы Дона. Суровое и героическое это было время. С фронта коллективизации написал Калинин свои первые заметки, стихи, очерки... Несколько лет работал в редакциях районных и городских газет Дона, Кубани, Кабарды.

В канун войны в Ростове вышла первая повесть А. Калинина — «Курганы». И хотя в ней еще чувствовалась некоторая незавершенность, одно не вызывало у читателей сомнения — в литературу пришел незаурядный художник.

С первых дней Великой Отечественной Анатолий Калинин — военный корреспондент «Комсомольской правды». Автору этих строк довелось не один раз видеть его на фронте. Скромный, внимательный к товарищам, кристально честный, мужественный и всегда оперативный, Калинин печатает в «Комсомолке» волнующие, глубокие по содержанию фронтовые корреспонденции, очерки, рассказы.

Он много работает. Еще гремят жестокие бои, а в руках читателей уже написанная по горячим следам, вся исполненная ненависти к врагу и любви к советскому солдату военная повесть «На юге». Следом выходит повесть «Товарищи». В первые послевоенные годы Калинин пишет роман «Красное знамя», вобравший в себя и эти первые две военные книги.

Он всегда на переднем крае — и в дни войны и в дни мира. Широким кругам читателей хорошо знакомы талантливые очерки и рассказы Калинина о беспокойной, стремительной, как горный поток, жизни советской деревни: «Неумирающие корни», «На среднем уровне», «Лунные ночи»...

Началось строительство Волго-Дона, и Анатолий едет в Цимлу — не в творческую командировку, а просто пожить и поработать на одном из участков возводящейся в донской степи гидростанции. Пройдут годы, и он расскажет читателям в романе «Запретная зона» о большом и важном, о том, что никогда не забывается.

Уже давно Анатолий Калинин живет в хуторе Пухляковском, у самого тихого Дона. Все его творчество посвящено тем, кто трудится рядом. Но и теперь, заканчивая новую книгу о современниках, Калинин нередко возвращается к еще не раскрытым, опаляющим темам минувшей войны... Таковы его глубоко интернациональные произведения «Суровое поле», «Цыган», «Эхо войны» и только что опубликованная в журнале «Огонек» первая часть романа «Гремите, колокола!» (вторая часть, над которой работает писатель, также будет публиковаться в «Огоньке»).

Особого внимания заслуживают очерки писателя о Шолохове. Они вошли в отдельную книгу «Вешенское лето». Пожалуй, это — самое сильное из всего того, что напечатано об авторе «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

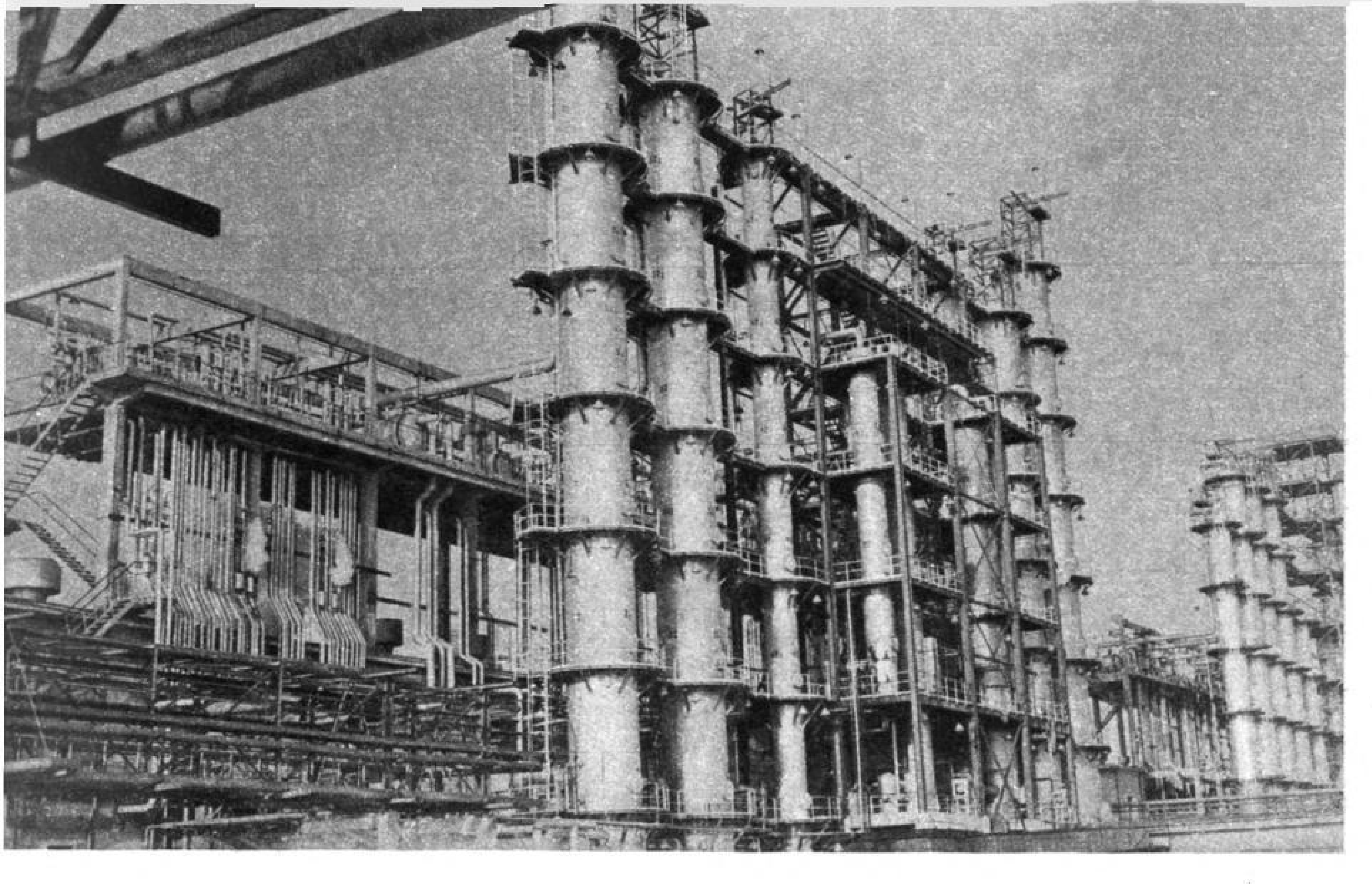
Каждая строка Калинина имеет один источник. Имя этому источнику — жизнь народа. Неразрывные связи с теми, кому он служит, бесчисленные и такие нужные людям общественные дела его достойно оценены донцами. Казаки избрали Анатолия Вениаминовича депутатом Верховного Совета России.

Талант Анатолия Калинина заметно возмужал. Он мастерски владеет сюжетом и искусством психологического анализа. Язык писателя по-народному искрометен. Его книги написаны красочно и достоверно. Повести «Цыган» и «Эхо войны» я бы назвал поэмами о красоте, душевной щедрости и благородстве советского человека — истинного гуманиста, порожденного Октябрьской революцией и воспитанного партией коммунистов.

...Я пишу об Анатолии Калинине, и мне припоминается один литературный вечер. Он проходил несколько лет назад в Ростовском Доме ученых. Говоря об авторе «Красного знамени», «Сурового поля», «Цыгана», Михаил Александрович Шолохов назвал его «очень талантливым и очень скромным писателем» и добавил: «Люблю его, как сына».

Анатолий Калинин — один из постоянных авторов «Огонька». Коллектив нашего журнала от души желает ему крепкого здоровья, долгих лет, новых книг, так уверенно прокладывающих путь к горячим читательским сердцам.

Михаил АНДРИАСОВ

Город Георге Георгиу-Деж стал одним из центров химической промышленности Румынии.

Место, где произошли удивительные события

Борис **ИВАНОВ**, специальный корреспондент «Огонька»

Телеграмма из редакции нашла меня на пути в Бакеу. В ней предлагалось «подготовить в текущий номер материал в связи с национальным праздником Румынии». Раз путь лежал в Бакеу, так почему бы не написать репортаж именно об этой области. Ведь от перемены мест слагаемых сумма не меняется, а область Бакеу — одна из крупнейших в Румынии — заметное слагаемое в общем балансе достижений страны за двадцать два года народной власти.

О земле, подобной Бакеу, замечательный румынский писатель Садовяну когда-то с горечью говорил: «Место, где ничего не произошло». Сейчас, проезжая по ее городам и селам, хочется воскликнуть: «Какое диво дивное сотворили свободные человеческие руки!» Когда-то тихая, дремотная провинция стала бурлящим промышленным краем. Даже на моей памяти произошли здесь вещи преудивительнейшие.

Восемь лет назад, путешествуя по Румынии, волей случая я попал в село Борзешти. Лето выдалось в ту пору жаркое. Путь проделан был длинный, хотелось передохнуть. Тем более, что и место располагало к остановке. Кругом — невысокие лесистые горы. Чистенькие дома под черепичными крышами в куще садов, цветы на окнах и в палисадниках как бы говорили о достатке и заботливости хозяев.

Постучались в первый попавшийся дом с деревянными головками по фасаду. Вышла женщина с озабоченным лицом, по которому трудно было сказать, сколько ей лет. Есть такие лица: морщины избороздили лоб, залегли у краешков губ, у висков седина, а в глазах, ясных и свежих, сверкают огоньки. Улыбнется — морщинок вроде и нет, или это белизна ровных зубов затушевывает их на мгновение.

Посмотрела на нас женщина строго: видимо, оторвали от дела. Попросили у нее воды. Улыбнулась хозяйка (тогда-то она и показалась нам совсем молодой), а через минуту вынесла холодного густого молока. Когда же узнала, что один из путников москвич, принялась рассказывать, пока мы опорожняли румынские сосуды, о достопримечательностях своего села. В нем, оказывается, родился Штефан Великий — господарь Молдовы, запечатлевший свое имя в истории подвигом в битве с турками. Показала нам и церковь, сооруженную по высокому повелению господаря.

Вот и все, что у меня осталось в памяти об этом первом посещении села Борзешти.

И когда сейчас, спустя восемь лет, румынские друзья пригласили посетить Борзешти, я с радостью согласился. Минувшее всегда кажется сегодня особенно дорогим и желанным. Видимо, потому, что вновь переживаешь то, что тронуло тебя, когда был моложе, а потому хочется пусть на мгновение окунуться в молодые годы.

Но этого чувства мне испытать не удалось. Когда на горизонте показались тонкие трубы, выбрасывающие в небо не дым, а огонь, изящные металлические башни, стеклянные квадраты цехов, гигантские амфоры, дышащие паром, Константин Флория, бухарестский журналист, сказал:

— Ну вот и приехали. Впереди Борзешти.

— Как Борзешти? — невольно вырвалось у меня.

— Очень просто, химкомбинат.

Разочарования не было, хотя душу охватило недоумение и восторг. Не ожидал. И так быстро от Борзешти осталось одно наименование. А где же тот милый дом и та сердечная румынка? Возможно, работает на химическом комбинате или на комбинате по производству синтетического каучука, что расположился поблизости, ответили мне. Многие из села стали химиками. А живет она скорее всего в городе Георге Георгиу-Деж. Это всего в нескольких километрах отсюда.

Знакомясь с производством, я внимательно всматривался в женские лица. А вдруг встречу? Чем черт не шутит! Новый комбинат огромен. Его цеха раскинулись на территории в 120 гектаров. И чего только не делают здесь из нефти пять тысяч тружеников: полихлорвинил, соды, ядохимикаты, удобрения! Всего 57 названий различной продукции выпускает комбинат. Из этого числа чуть меньше половины экспортируется в двадцать стран Европы, Азии и Америки.

Большую силу комбинат набрал в последние годы. И не только потому, что он оборудован самыми современными аппаратами и машинами. Люди, которые им управляют,— тонкие специалисты своего дела, а стали они такими благодаря широкой сети школ повышения квалификации. Тут постоянно работают школы операторов, мастеров, техникум. Это как бы три ступени к институту. Занятия ведут инженеры комбината. Такой постоянный контакт у агрегата и в классе помогает слушателям лучше, глубже и быстрее освоить науку химию.

Говорят, химическое производство вредно для здоровья. Отсюда укороченный рабочий день, молоко, дополнительные отпуска. Но вредность эту можно свести к минимуму. И в Борзешти это доказали таким необычным способом. На всей площади комбината посадили фруктовые деревья, цветы. Чем же увенчался

Дворцы здоровья на Черноморском побережье.

Фото Аджерпрес.

На поля румынских деревень пришла страдная пора урожая. Начало жатвы румынские крестьяне по традиции отмечают веселым празднеством. →

Архитекторы Виолета Константинеску и Петря Вирджиния, лауреаты государственной премии, обсуждают новый проект.

этот агротехнический опыт? Вокруг цехов зеленеют кроны яблонь, а розы и петуньи отлично цветут на газонах и клумбах. Значит, воздух вокруг здоровый и свежий. Удалось сделать его таким умелой работой всех звеньев предприятия, что, как известно, зависит от образованности, технической культуры людей.

Забота о человеке пришла в Румынию вместе с победой народной власти. Труженики всего химического комплекса (в него входят и те, кто выпускает каучук, дает энергию и тепло) живут в городе Георге Георгиу-Деж. Что о нем можно сказать? Кто хочет увидеть подобный социалистический город, приезжайте в Георге Георгиу-Деж. Город новый. Но этого мало. Он так рационально распланирован, так тщательно отделаны все его дома и службы, ухожены улицы, что сам вид города несет радость, покой и счастье. Дома его пяти-, десятиэтажные, хоть и построены предельно просто, по двум-трем стандартам, очень разнообразны, светлы и индивидуальны. Это достигается благодаря умелому использованию цвета, мозаики, стекла, камня и рельефа местности.

К союзу архитекторов и художников примкнули и садовники. По городу буквально текут реки цветов. Они везде, яркие и сочные, и на улицах и площадях, на балконах и витринах магазинов.

Я уже не говорю о коммунальных услугах. Здесь есть все, что делает домашний труд легким и приятным. Если моя старинная знакомая из доброй памяти села Борзешти живет здесь, она отнюдь не скучает по своему уютному домику.

Молодцы строители! Один из них стал знаменит на всю страну. Это Георге Бучеля. Прославился он тем, что предложил всем своим друзьям за год сэкономить один процент стройматериалов. Поддержали его товарищи. Семь миллионов лей осталось в государственном банке. Подняли экономию до двух процентов. Опыт удался. И что удивительно: дома, которые строил Бучеля, становились лучше и краше.

Жители города выдвинули Георге Бучеля кандидатом в депутаты Великого Национального собрания. Единодушно за него проголосовали горожане. Теперь он не только строит, но и вершит государственные дела.

Удивительные события происходят там, где и не предполагаешь. Но человек может предполагать. Располагает же всем на румынской земле народ.

Голоса поэтов Румынии

Тома Джеордже **МАЙОРЕСКУ**

Ильич

В ворота вечности
стучали мы, Ильич,
чтоб в бронзовом и мраморном обличье
навечно
сохранить
твое величие,
простое,
человечье.

Но памятникам жизни не постичь.

Живой,
простой и человечный,
ты входишь с нами
в вечность,
и вечность
ты нам подарил,
Ильич.

Перевел Кирилл Ковальджи.

●

Мария **БАНУШ**

Я люблю этот мир

Люблю я Землю с каждым днем сильней!
Люблю дыханье ветра в темных кронах,
Вселенную и все созвездья в ней,
Простор небес, рассветом озаренных!

Люблю я эту дивную звезду,
Где мы с тобой пустились в путь когда-то:
Рука в руке, на счастье и беду,
Где нашу дружбу сберегли мы свято.

Люблю я шар земной! Люблю такой,
Каким он станет — мирным, человечным;
Он — зыбка, где мужает род людской,
Жемчужина в ночном сиянье млечном!

Перевел Аркадий Штейнберг.

●

Аурел **РЭУ**

Плавучий остров

В золотые сумерки над плесом
В безмятежной тишине пространства
Близится ко мне плавучий остров,
Странник и пугливый и прекрасный.

Он из камыша и мягкой мяты,
Из корней и корневищ озерных,
И встречает зори и закаты
Одиноко, грустно, беспризорно.

К берегу какому он пристанет?
С кем свою судьбу навеки свяжет?
С кем он пить заздравной чашей станет?
И кому «люблю» когда-то скажет?

Он к земле пока что неприкаян.
Сны он видит только неземные.
Я его ни в чем не упрекаю:
Будет время — будут сны иные.

Одинок, и горд, и независим,
Остров мой плывет напропалую.
Я, наверно, остров этот чистый
С девушкой любимой завоюю!

Перевел Виктор Боков.

ВОЗДУХ — НАШ!

Закончился чемпионат мира по высшему пилотажу. Наша сборная завоевала первое командное место и главный приз — Кубок Нестерова.

На состязаниях в Тушине впервые было разыграно звание чемпиона мира по высшему пилотажу среди женщин. Этот почетный титул достался советской спортсменке Галине Корчугановой. Королева воздуха — так назвали ее журналисты. А королем стал обладатель большой золотой медали Международной авиационной федерации и титула абсолютного чемпиона мира по высшему пилотажу среди мужчин преподаватель из Кемерова Владимир Мартемьянов.

Чемпионат выявил не только лучшего аса, но и лучший спортивный самолет. По единодушному признанию участников чемпионата — это «ЯК-18ПМ», созданный конструкторским коллективом под руководством Генерального конструктора, дважды Героя Социалистического Труда А. С. Яковлева.

По установившейся традиции после состязаний наши летчики летали на самолетах гостей, а те опробовали в воздухе «ЯК-18ПМ». Среди гостей были и профессиональные испытатели, которые советскую машину исследовали с большим знанием дела. Капитан французской команды Марсель Шаролле, например, проверил «ЯК-18ПМ» на пилотаже, испытал его устойчивость и у земли, при посадке. Зарулив на стоянку, он сказал: «Это именно тот самолет, на котором должны летать все летчики-спортсмены». Английский летчик Нел Вильямс, полетав на нашем самолете, подтвердил мнение французского коллеги и добавил: «ЯК-18ПМ» отличается высокой гармоничностью и хорошим обзором. Хорошая акробатическая машина с мощным двигателем». Такое же мнение у спортсменов-летчиков Югославии, Румынии, Болгарии, Испании, США...

После состязаний на зеленом поле Тушинского аэродрома состоялась коронация чемпионов мира и призеров соревнований. Был вручен и приз, учрежденный журналом «Огонек» для лучшей зарубежной спортсменки. Этот приз получила двадцатилетняя француженка Мадлен Делькруа.

— Я выросла в авиационной семье,— рассказала Мадлен.— Мой дед поручик Леховской окончил летную школу вместе со знаменитым Нестеровым. Папа тоже умеет летать. Он пригнал мой самолет — чешский «Акробат» — в Москву, а я с мамой прилетела пассажирским рейсом. Очень тронута радушным приемом, оказанным нам в Москве, тронута вашим призом. Вот только хотелось бы в воздухе показать большее мастерство и встать на пьедестал рядом с чемпионкой.

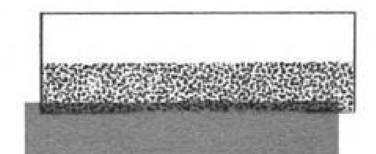
А. ГОЛИКОВ

На снимке: В. Овсянкин — серебряный призер чемпионата с главным призом — Кубком Нестерова.

Конкурс читателей:

БРАТЬЯ НАВЕКИ

БРАТЯ ЗАВИНАГИ

Кто из читателей «Огонька» поедет в Болгарию?

Напоминаем вам, что этой поездкой будут премированы два наших читателя, которые займут первые места в конкурсе «Братья навеки». Среди остальных премий — предметы искусства, ценные болгарские сувениры. Этот конкурс посвящен советско-болгарской дружбе. Участие в нем могут принять все наши читатели, прислав нам интересный очерк, историю, быль, памятную фотографию или рисунок. На конверте просим вас написать: на конкурс «Братья навеки». Подробно условия конкурса были опубликованы в «Огоньке» № 29.

Интервью «Огонька»

Форум психологов мира

Почему двое вроде бы одинаково способных мальчишек учатся неодинаково? Один что ни день приносит домой «пятерки», другой — то и дело «тройки» да «двойки». Почему один человек, встретившись с опасностью, удирает без оглядки, а другой в такой же ситуации, наоборот, смело идет ей навстречу? Что происходит в организме человека, когда он радуется или впадает в уныние?

Восемь дней в переполненных аудиториях Московского университета звучала разноязыкая речь, сталкивались мнения, разгорались споры.

Психология — одновременно старая и молодая наука. Старая потому, что познать психику человека и животных стремились люди еще в глубокой древности.

Новая потому, что изучение закономерностей поведения высших животных и человека в точных экспериментах началось лишь в начале XX столетия и непосредственно связано с именем великого И. П. Павлова, уверенно предсказавшего единение физиологии и психологии.

Мы обратились с просьбой к двум делегатам XVIII Международного конгресса психологов рассказать о проблемах, обсуждаемых на различных симпозиумах.

Кипрский гость Москвы

Между тремя частями света лежит гористый остров, к судьбам которого в последние годы не раз было приковано внимание мировой печати.

— Географическое положение нашей страны,— говорит мой собеседник, глава Кипрского комитета афро-азиатской солидарности Васос Лиссаридис,— во многом объясняет то внимание, которое обращают на наш маленький остров ведущие державы мира. Это одна из причин трудностей, переживаемых молодым кипрским государством, трудностей, искусственно раздуваемых врагами Кипра. Именно ключевое положение Кипра в восточной части Средиземного моря, между Европой, Азией и Африкой, объясняет то упорство, с которым цепляются за наш остров англичане, не желающие расставаться с устроенными на нашей земле военными базами.

Но рано или поздно мы добьемся того, к чему стремимся уже давно, и обеспечим кипрскому на-

Встретились посланцы

Четыре дня продолжался в Мурманске большой, ставший уже традиционным праздник мира и дружбы народов стран Северной Европы — Финляндии, Швеции, Норвегии и Советского Союза. Накануне границу пересекли в автомобилях и автобусах пятьсот финнов, шведов, норвежцев. Государственные деятели, рыбаки,

Профессор Х. ДЕЛЬГАДО,
руководитель нейрофизиологической лаборатории Иельского университета в США.

Могуществен современный человек. Но позвольте мне сравнить его с древними животными, у которых потрясающий избыток, переизбыток сил находился в огромной диспропорции с его мыслительными способностями. Судьба древних животных известна — они вымерли. Природа преподала нам великий урок.

Да, нам необходимо развивать свой ум, а для этого прежде всего познать свой мозг. Вот неизмеримая область приложения современной психологии.

Что и как происходит в нашем мозгу? Какие и где протекают процессы, конечным результатом которых является чувство голода, страха, духовной неудовлетворенности или, наоборот, эмоции положительного свойства? Какие материальные процессы лежат в основе поведения человека? Вот вопросы, ответить на которые психология сможет только после того, как сумеет изучить материальные основы психической деятельности. Подступиться к решению этой задачи мы смогли технически лишь в последние 5—10 лет.

Мы узнали, в каких областях мозга локализуются те или иные чувства, эмоции человека и животных. Мы получили возможность вживлять в различные области мозга — без какого-либо ущерба для животного — микроэлектроды, своеобразные принимающие и передающие радиостанции, посредством которых можно не только получать сведения о биоэлектрических процессах в нервных структурах, но и сознательно управлять этими процессами.

Например, мы вживляем электроды в определенную область мозга быка, раздражение которой вызывает приятные ощущения. Опыт чрезвычайно демонстративен. Представьте себе: разъяренное животное мчится на человека, готово его растерзать, но в этот момент включается радиопередатчик, в мозг поступает импульс — и настроение животного резко меняется. Бык сразу становится миролюбивым, он чуть ли не ласково улыбается и смущенно помахивает хвостом.

Последние опыты — фильм о них демонстрировался на конгрессе — мы проводили на стае обезьян. Импульсы, посылаемые в разные области мозга через определенные промежутки времени регулярно изменяли настроение, я бы даже сказал, характер животных, причем именно так, как хотели мы.

В самые последние годы исследователи научились вживлять в мозг, образно говоря, миниатюрные химические лаборатории, которыми также можно управлять на расстоянии: проводить анализ химических реакций, протекающих в мозгу, впрыскивать в определенные области мозга те или иные химические возбудители и т. д. Нетрудно представить, какие фантастические возможности открываются перед современной наукой, перед ее завтрашним днем...

В нашей лаборатории ведут совместные исследования ученые из США, Югославии, Польши, Аргентины и других стран. С осени этого года к нам присоединится и специалист из Советского Союза.

Профессор А. ЛЕОНТЬЕВ,
лауреат Ленинской премии, президент XVIII Международного конгресса психологов

Сегодня, спустя немного дней после окончания конгресса, я с глубокой удовлетворенностью могу утверждать: его программа выполнена.

Перед нами, организаторами, стояла сложная альтернатива: собирать ли узкий круг ученых, занимающихся «чисто» психологическими, классическими проблемами или предоставить трибуну конгресса всем современным направлениям, имеющим хотя бы косвенное отношение к психологии. Мы пошли по второму пути и не ошиблись. Делегаты и гости могли представить себе широкую панораму стремительно развивающейся науки.

В чем причина этого стремительного развития? В современных условиях создалась насущная необходимость исследований человека, его психики для создания научно разработанных методов воспитания и обучения, организации труда, решения ряда медицинских проблем. Не менее важное значение приобрели проблемы социальной психологии, изучающей закономерности поведения людей в коллективах — больших и малых. Ключевой для теоретической психологии является проблема отражения, проблема сознания.

В последние годы на стыке психологии и медико-биологических наук возникают новые, так называемые междисциплинарные области науки. Им на конгрессе было уделено очень большое, если не сказать преобладающее, внимание. Явно видно стремление ученых разных стран перевести все научные работы по психологии на рельсы точных, инструментальных экспериментов. При этом они используют в первую очередь тонкие электрофизиологические и биохимические исследования, а также методы кибернетики, математического анализа и моделирования. Это направление ярко продемонстрировали такие, например, симпозиумы, как «Математическое моделирование психических процессов», «Нейрофизиологические исследования поведения животных», «Кибернетические аспекты интегральной деятельности мозга», «Биохимические основы поведения» и многие другие.

Наконец, большое внимание мы уделили важнейшему вопросу: как развивается личность в условиях разных культур. Я считаю, что сегодня на нашей планете происходит явное сближение уровней умственного, психологического развития высокоразвитых стран и стран пробуждающихся, в недалеком прошлом колониальных. Именно сегодня эта область психологии может активнейшим образом содействовать всестороннему духовному прогрессу человека, общественному прогрессу.

И последнее. Конгресс убедительно продемонстрировал, что все важнейшие проблемы, о которых я говорил, могут успешно обсуждаться в обстановке полного доверия, откровенности, доброжелательного отношения.

Психология — наука гуманная в самом высоком смысле слова. Ее цель — способствовать развитию человечества и миру на земле. Поэтому так важно объединение усилий ученых, посвящающих свой труд этой цели.

роду свободную жизнь в свободной стране, без чужеземных военных баз, без иностранного вмешательства в наши внутренние дела. И надо сказать, что на этом пути мы встречаем постоянную поддержку и помощь со стороны Советского Союза. Ваша страна одной из первых признала Республику Кипр. Успешно развиваются советско-кипрские торговые отношения. Мы поставляем вам виноград, цитрусовые и фруктовые соки. А из СССР мы получаем необходимое нам промышленное оборудование, тракторы для наших полей, цемент для наших новостроек, а последнее время и другие товары. Сравнительно недавно вступило в действие соглашение о воздушном сообщении между нашими странами, и теперь Никозию за четыре часа связывают с Москвой ваши замечательные «ИЛы». Эта трасса, так же как и морское сообщение,— нити дружбы молодой республики с могучей страной социализма.

А. ИГНАТОВ

МИЛЛИОНОВ

журналисты, рабочие, крестьяне — сторонники мира, противники войны.

Характерная особенность мурманской встречи солидарности, эмблемой которой была голубая незабудка с четырьмя лепестками — флагами Советского Союза, Финляндии, Швеции и Норвегии,— живое человеческое общение, полное сердечности, взаимного уважения.

Участники праздника были едины в своих утверждениях: жизненно необходимо крепить мир, развивать экономические, культурные связи, добрососедские отношения, положить конец американской агрессии против Вьетнама. Все это записано в единодушно принятом участниками Обращение к общественности Финляндии, Швеции, Норвегии и Советского Союза.

М. АНДРЕЕВ

На снимке: члены шведской делегации.

Фото Б. Вирина и Б. Кузьмина.

Соглашение подписано

На днях почетный президент итальянского концерна «Фиат» профессор Витторио Валлетта и начальник Главного управления по импорту машин и оборудования из капиталистических стран Министерства внешней торговли СССР В. Н. Сушков подписали в Москве генеральное соглашение о совместном строительстве в Советском Союзе завода легковых автомобилей. Подписанием этого соглашения, при котором присутствовали министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев и министр автомобильной промышленности СССР А. М. Тарасов, завершены переговоры, проходившие в Турине и Москве.

— Сотрудничество фирмы «Фиат» с Советским Союзом,— заявил журналистам Витторио Валлетта,— несомненно, найдет огромное поле деятельности, и мы чувствуем большую ответственность, которую берем на себя, подписывая это соглашение.

Наш концерн предоставляет Советскому Союзу на взаимовыгодных условиях кредит в триста миллионов долларов сроком на десять лет. 600 тысяч легковых автомобилей — такова мощность проектируемого завода. К строительству его привлекается несколько итальянских фирм, вырабатывающих станки и оборудование.

Как же будет выглядеть новый автомобильный гигант?

600 тысяч в год. Это значит: две тысячи автомобилей должны ежедневно сходить с конвейеров завода. Три с половиной тысячи различных станков заполнят его цеха. Общая длина всех конвейеров достигнет двухсот тридцати километров. 138 автоматических линий будет на вооружении нового автомобильного гиганта.

Автомобиль «Фиат-124», который станет выпускать завод, прост в управлении, неприхотлив, комфортабелен и сравнительно недорог.

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Едва ли думал комсомолец тридцатых годов Николай Сизов, что он станет когда-либо писателем. Свои молодые годы он отдал боевому комсомолу. Был он и комсоргом ЦК ВЛКСМ на заводе малолитражных автомобилей, когда завод еще только строился, секретарем Московского комитета ВЛКСМ, одновременно являясь членом бюро ЦК ВЛКСМ. Затем партийная работа, а сейчас — депутат Московского Совета, избран заместителем председателя исполкома Моссовета.

На всех участках, куда посылала его партия, он всегда и везде оправдывал ее доверие.

С детства влюбленный в литературу, он и сам пробует писать. Еще в 1949 году публикует большой очерк «Мария Волкова» о передовой ткачихе Орехово-Зуевского комбината. Затем выпускает книжки «Сердца беспокойные» и «Стреляный воробей», а в 1964 году выходит его первое крупное произведение — роман «Трудные годы», получивший признание читателей и литературной критики. Роман привлек к себе внимание глубиной анализа происходящих событий. В нем широко и разносторонне показывается жизнь в ее противоречивом течении.

Новая повесть Н. Сизова, «Арбат и Селенга», написана в другом плане. Она изобличает общественную вредность перестраховщиков, формалистов, вскрывает самую сущность отрицательных явлений, мешающих нашему обществу.

Герои Н. Сизова — люди, настойчиво размышляющие над острыми вопросами жизни. Писателю удается в своих произведениях раскрыть жизнь в ее драматических поворотах, интересно показать судьбы и характеры своих героев. Любовью к своему народу, к его великим делам исполнено все его творчество.

Сейчас у Николая Трофимовича наступил зрелый возраст — ему исполнилось пятьдесят лет. Поздравляя его с этой датой, надеемся, что он и впредь будет счастливо сочетать депутатскую работу с творчеством писателя и еще не раз порадует читателей своими новыми произведениями.

Виктор ШИШОВ

Интервью «Огонька»

На далеком Кергелене

Борис КАЗАК,

Олег РАСПОПОВ

Борис Казак и Олег Распопов — молодые ученые, участники франко-советских научно-исследовательских работ, посвященных земному магнетизму. Исследования проводятся одновременно на острове Кергелен (Индийский океан) и в районе деревни Согра (Архангельская область). Руководит работой с французской стороны профессор Жандрен.

Кергелен и Согра — так называемые сопряженные точки, то есть точки в северном и южном полушариях, соединенные одной и той же силовой линией магнитного поля Земли. Исследования в таких точках — методически новый способ изучения электромагнитных явлений, происходящих в околоземном пространстве.

Действительно, имея в руках оба конца магнитной силовой линии, изучая характер явлений и их изменения ото дня ко дню, можно прослеживать процессы, происходящие на расстояниях от десятков до десятков тысяч километров над поверхностью Земли. Наблюдения в сопряженных точках проливают свет на природу многих видов колебаний электромагнитного поля Земли, позволяют использовать записи с этими колебаниями для суждения о потоках заряженных частиц в магнитосфере, о свойствах солнечного ветра, непрерывно обтекающего Землю, и, наконец, о проникновении заряженных частиц в ионосферу Земли.

Б. Н. Казак и О. М. Распопов были первыми советскими учеными, работавшими на Кергелене. Получены весьма ценные материалы, которые в ближайшее время будут обрабатываться большим коллективом ученых в Институте физики Земли и обсерватории Борок Академии наук СССР.

В. ТРОИЦКАЯ,
доктор физико-математических наук, руководитель советских работ по программе «Согра — Кергелен»

1

Около столовой стоит деревянный столб со стрелками-указателями. От обыкновенного дорожного столба его отличает, пожалуй, лишь то, что почти все стрелки повернуты к северу. На указателях — все столицы и крупнейшие города нашей планеты. И, конечно, Москва — 13 тысяч километров на северо-запад. На юг смотрит стрелка «Южный полюс». Он совсем близко: Кергелен — субантарктика. Вот куда мы заехали.

Должны признаться: обычно нас удивляло, что очень многие очерки начинаются с дороги. Мы считали это неким литературным штампом. А теперь, когда сами стали рассказчиками, вдруг обнаружили, что нам тоже хочется начать с самого начала — с пути на Кергелен.

Аэродрома на Кергелене нет. И в этом смысле он труднее достижим, чем даже Антарктида,— туда хоть летают самолеты. Небольшой (4 тысячи тонн водоизмещением) теплоход «Галлиени» — единственный вид сообщения с остальным миром.

«Галлиени» приходит на Кергелен три раза в год. Он привозит и увозит людей и доставляет на остров все: от гвоздя до новейших измерительных приборов; от жестянок с пивом до маленьких четырехместных вертолетов. «Галлиени»— это источник жизни, и каждый его приход — событие.

Календарь отмечается так: 60 дней до «Галлиени», 59 дней до «Галлиени» и т. д. А бывает и 200 дней. Это осенью, в апреле. Но этого мы не видели. Мы провели на Кергелене лето — между вторым и третьим, последним в этом году, рейсами.

Наши ящики с аппаратурой (магнитофоны, осциллографы, самописцы, магнитометры)— числом 32 и весом 100 килограммов каждый — приехали на Кергелен раньше нас. «Галлиени» захватил их первым своим рейсом из Марселя.

Мы летели через Париж, потом из Марселя через Африку и Мадагаскар на остров Реюньон. И оттуда—на «Галлиени», через двенадцать дней — на Кергелен.

Кергелен, необитаемый остров на самом югé Индийского океана, был открыт в конце XVIII века французской антарктической экспедицией. И назван в честь ее капитана — Ива Жозефа де Кергелена. Полторы сотни лет сюда лишь изредка заходили норвежские китобои. Говорят, именно они завезли на Кергелен оленей. Обживать остров начали ученые. В 1949 году Управление южных и антарктических территорий Франции основало здесь научную станцию. Сейчас на Кергелене зимуют до 70 человек — геофизики, ионосферщики, картографы, геологи, биологи... А летом, вместе со строителями, население вырастает до 150 человек.

Все мы в детстве глотали книжки о путешествиях и, конечно, знали, что существуют на свете вулканические острова. Знали, но, как выяснилось, совершенно не представляли себе эти куски суши, гигантские груды камня, к которым действительно невозможно пристать. А если и выберешься на берег, обязательно наткнешься на ржавую цепь или какой-нибудь обломок — молчаливый свидетель былых кораблекрушений.

Таков архипелаг Крозé, который мы увидели на пути к Кергелену; такова бóльшая, гористая часть острова. Пейзаж удивительный: темные, мокрые от брызг и потому блестящие скалы, выросшие из воды. Бьющиеся о них волны. Черный базальт и серый океан. Серое небо, затянутое мчащимися тучами,— здесь почти всегда ветер. Ни единого дерева. Только на равнине трава—неяркого зеленого цвета. На горы низко надвинуты белые шапки — вечный снег и лед.

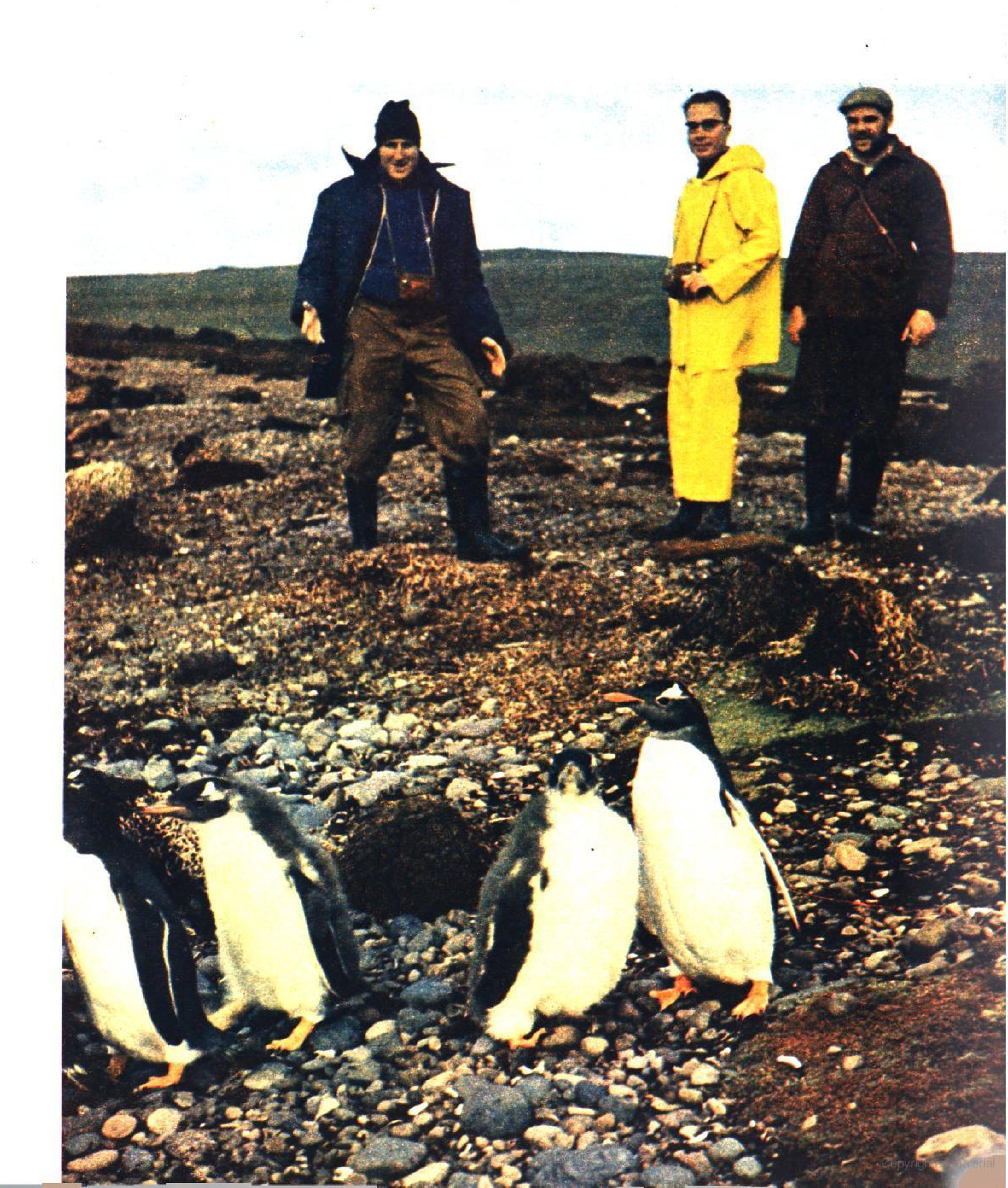
Черное, белое, серое. Ветер (110 километров в час) и дождь — летом. Ветер (200 километров в час), снег и дождь — зимой. Считанные—всего несколько в году— солнечные дни.

Мы родились в рубашках: мы увидели конечную цель нашего путешествия в ясный солнечный день. Французская субантарктическая научная станция Порт-о-Франсе — поселок из низких металлических домиков, выкрашенных серебристой краской. Их десятка полтора. Кирпичное здание одно — церковь, она же по совместительству маяк. На куполе (около 12 метров высотой) крест и прожектор. За поселком ярко-красный барьер, величиной с семиэтажный дом — для запуска метеорологических шаров, защита от постоянного ветра с гор. Самое высокое сооружение на Кергелене —72-метровая ионосферная вышка из металла. Эта великолепная штука приехала на остров тем же «Галлиени» и была собрана четырьмя парижскими монтажниками. С верхней площадки, где установлены антенны, открывается вид на всю равнинную часть Кергелена. Мы поднимались на вышку и фотографировали оттуда. Но все это было много позже. В первый день мы спали, как убитые, несмотря на оживленное хрюканье морских слонов: на их лежбище выходили окна отведенной нам комнаты.

2

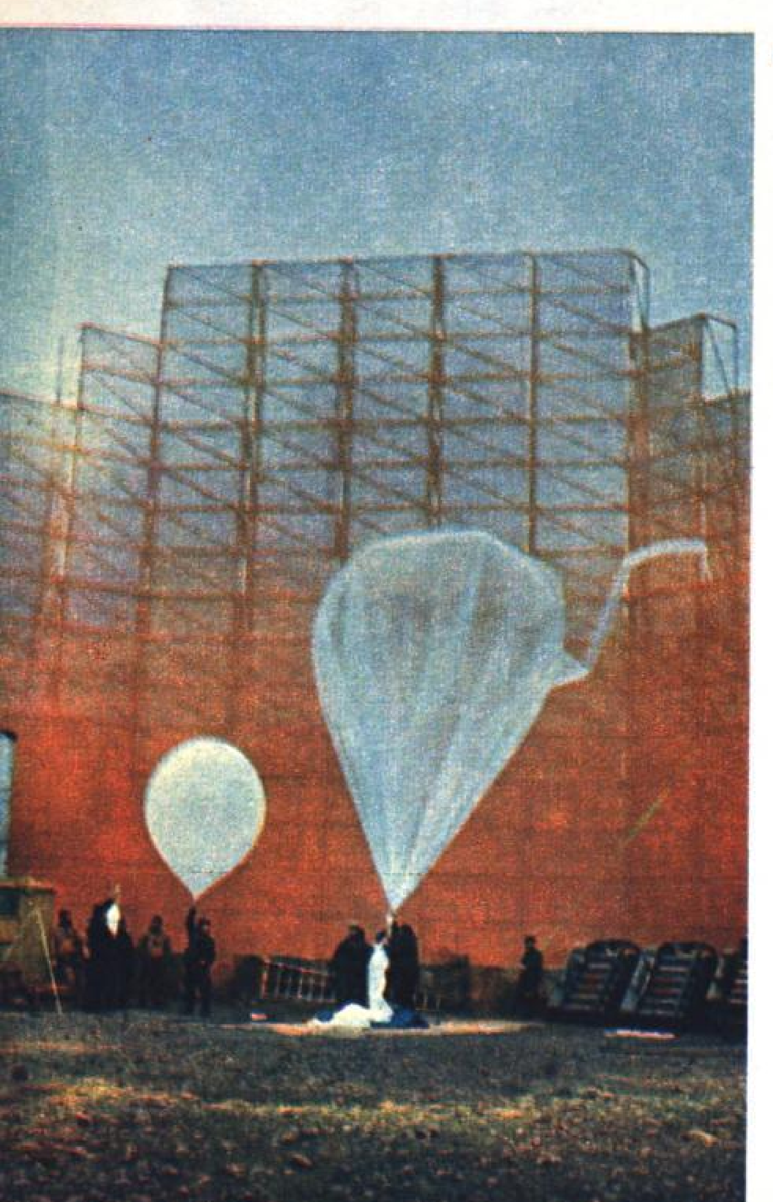
Не будь внешних воздействий, магнитосфера — магнитное поле Земли — имела бы форму огромного шара радиусом, в 7—10 раз превышающим земной. На самом же деле она имеет более сложную, постоянно изменяющуюся форму, и вот с чем это связано. Солнце излучает мощный поток частиц. Так называемый солнечный ветер. У солнечного ветра есть магнитное поле: его создают движущиеся заряженные частицы. Оно взаимодействует с магнитным полем Земли, деформируя магнитосферу, подобно тому как ветерок сдувает и вытягивает мыльный пузырь. Магнитосфера Земли всегда сдвинута в ночную сторону, образуя хвост, величина которого зависит от силы солнечного ветра. Но это не единственный результат взаимодействия магнитосферы с потоком частиц. Часть из них захватывается магнитосферой. Именно эти заряженные частицы и образуют вокруг Земли радиационные пояса. Они же причина полярных сияний—не разгаданного до конца замечательного явления природы. Частицы движутся только вдоль магнитных силовых линий, подобно тому, как располагаются мелкие металлические опилки в школьном опыте с постоянным магнитом. На концах одной и той же силовой линии можно найти сходные явления. Согра и Кергелен как раз и расположены там, где силовая линия выходит из Земли. Наблюдая в этих местах различные явления, можно представить себе процессы, происходящие на выбранной силовой линии в самых верхних слоях магнитосферы. То есть процессы, происходящие в околоземной плазме.

Состояние магнитосферы и особенно радиационных поясов совершенно необходимо знать для дальнейшего развития космонавтики: ведь пока еще ни один космонавт не пересек радиационного пояса. Именно магнитосфера защищает нас от жесткой космической радиации. Исчезни она завт-

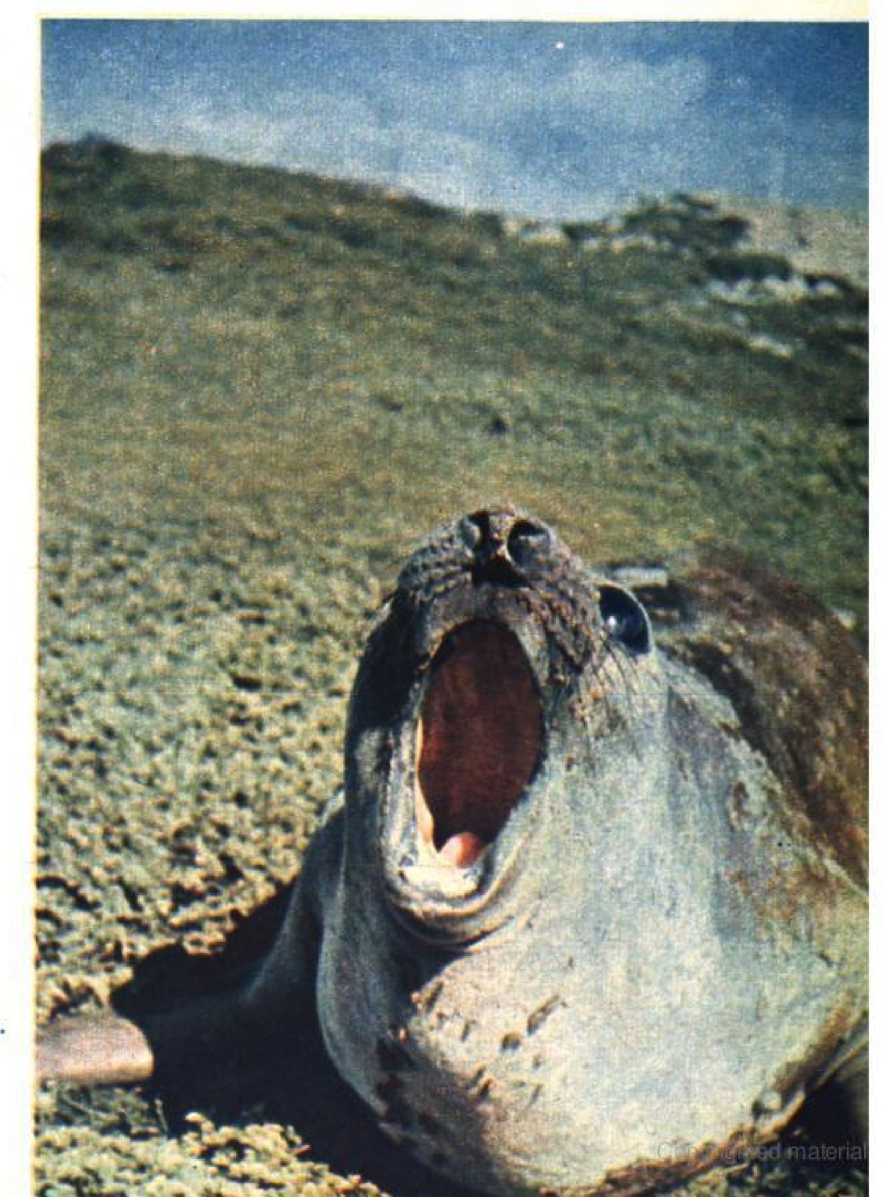

Встреча с аборигенами острова Кергелен.

Остров Кергелен.

Для измерения космической радиации.

Морской слон.

ра — и все мы погибнем. Магнитосфера — покрывало, укутывающее Землю.

Короче говоря, мы занимаемся очень интересным и важным делом. Работа состоит из эксперимента, вернее, наблюдений, обработки результатов и расчета. На Кергелене мы наблюдали. Занятие это довольно однообразное: измерения, измерения, измерения... Тщательная регистрация вариаций магнитного поля Земли...

3

Начало одновременного сеанса непрерывных наблюдений Кергелен — Согра назначено было на 10 марта. Времени впереди было достаточно. Когда мы открывали свой первый ящик, один из тридцати двух, ждавших нас на складе, настроение у нас было самое лучезарное. Но нас ждал, мягко выражаясь, неприятный сюрприз.

Прибор был сломан.

Наша реакция не годится для описания. Хорошо еще, что в тот день мы не представляли себе полностью размеров постигшего нас бедствия.

Сейчас Борис не без удовольствия рассказывает, как он молотком выпрямлял погнувшиеся магнитофонные оси, но тогда было не до шуток. Проклиная себя самих, недооценивших морскую качку, мы принялись за работу. И полетели дни — починка, наладка, установка — с восьми утра и до восьми вечера. Конечно, одним бы нам не справиться, но мы были не одни. И прежде всего мы познакомились с однофамильцем великого математика — мсье Галуа. На дверях его комнаты висит надпись: «Лаборатория точной механики». Мсье Галуа — молодой парень с редкой рыжей бородкой и усами — действительно великолепный механик и не зря утверждает, что работает с микронной точностью, даже когда режет фанеру. В комнате у него несколько станков, разметочный стол, на котором живет кролик, и разбросано множество всяческих инструментов. Работать на станках он нас не допустил — все делал сам — и помог нам здорово.

На Кергелене мы не чувствовали себя гостями. Но когда нам требовалась помощь, мы ее получали. А когда пришло сообщение о том, что «Луна-9» достигла поверхности Луны, нашу радость разделили все.

Мсье Гишар, шеф Кергелена, картограф по специальности, устроил прием по поводу этого события. И на память мы привезли на родину телетайпные папирусы из тех, что ежедневно вывешиваются в кергеленской столовой. Это нечто вроде газеты — новости, принятые по радио из Парижа.

10 февраля мы подняли на мачте два флага: СССР и Франции. В честь открытия нашей измерительной станции мы устроили прием.

Пролетел еще месяц, и наступило 9 марта, канун одновременного сеанса. Уверены, что и на Согре в этот день прозвучала та же фраза, что у нас: «Ну-ка доставай шпаргалку, посмотрим, что там написано». Так называлась у нас программа исследований, составленная в Париже под руководством доктора физико-математических наук Валерии Алексеевны Троицкой и профессора Жандрена. Ее доставали на всякий случай. Разумеется, мы знали ее наизусть.

Потом были десять дней круглосуточного дежурства у приборов. А еще через неделю пришел «Галлиени» — последний раз в этом году, — и мы простились с Кергеленом.

Как мы жили эти 75 дней? Работали. Иногда ходили в гости, иногда принимали гостей. Смотрели кино. Слушали радио. Из наших программ ловился почему-то один «Маяк», и мы попадали почти всегда на передачу «Доброй ночи, малыши», так что выслушали целую кучу сказок. Бродили по Кергелену, был у нас даже трехдневный поход с ночевкой — собирали геологические образцы. Вместе с нами были Жорж Лоран и Бернар Руссо.

Нас провожал Франсуа Бомардьон, инженер-энергетик, начальник ионосферной группы. «Шеф ионосферы», как его называют здесь, — здоровый мужик, с фигурой тяжелоатлета, невысокий, блондинистый, с длинной рыжей бородой, типичный бретонец, как он сам говорит о себе. Это именно он в первый же день в столовой, у входа, где снимают куртки и шапки, закричал нам порусски: «Здравствуйте! Как поживаете?» Можете себе представить наше удивление и радость. К сожалению, выяснилось, что этим исчерпывается почти весь его запас русских слов, вывезенных из Москвы, где студент Бомардьон несколько лет назад слушал курс в энергетическом институте.

Ну и, конечно, во время всех наших блужданий по острову мы щелкали фотоаппаратами, а Олег жужжал кинокамерой. На Кергелене есть что снимать. Его фауна — морские слоны, пингвины, птицы. Это, так сказать, от бога. А есть и от человека: олени, бараны, дикие коты и великое множество кроликов. Предки всего этого зверья были вполне домашними, а теперь одичали. Особенно коты — черно-белые, крупные, они живут в норах и не подпускают человека ближе чем на 50 метров. Что же касается кроликов, то это просто бич Кергелена: тут нельзя положить на землю кабель — перегрызут не только изоляцию — проволоку тоже...

Однажды мы участвовали в прокладке кабеля на ионосферную станцию, которая расположена поодаль от поселка. Это был всекергеленский воскресник. Погодка, надо сказать, была мерзейшая: ветер, дождь со снегом. Впрочем, как обычно. Работали абсолютно все, а Борис успел еще и поснимать. Так что мы сделали фотомонтаж и вывесили его в столовой, написав по-французски: «Молодцы!» Он имел большой успех.

4

И вот позади Кергелен, позади Париж. В столице Франции мы пробыли месяц, обрабатывая материалы. Это был месяц напряженнейшей работы, и он принес удовлетворение. Мы как бы почувствовали в руках магнитную силовую линию, соединяющую Кергелен и нашу Согру: многие записи, сделанные в течение одновременного сеанса, оказались совершенно одинаковыми.

В Согре сейчас лето, а на Кергелене — зима.

Но разница времен года ничего не меняет. По-прежнему дружно работает советско-французская геофизическая пара Согра — Кергелен.

Теремок не из сказки

Н. ХРАБРОВА

Холм под Смоленском. Высокий, в акварели ромашек, клевера, кипрея, душистой медуницы. Хозяйкой стоит на холме береза и ласково машет зелеными рукавами. Пойдешь на ее зов — не пожалеешь: увидишь с высоты, как уходят в синеву просторы пленительного края — Центральной России. А рядом с самой березой увидишь одно из чудес этого края — талашкинский Теремок.

Лучше всего отправиться в Талашкино в понедельник, среду или пятницу: тогда с деревянной садовой скамьи у Теремка встанет навстречу вам невысокая девушка — Лариса Сергеевна Журавлева, художница-график, искусствовед.

— К сожалению, мы пока еще мало знаем о детстве и ранней юности Марии Клавдиевны Тенишевой — так начнет она рассказ об одной женской судьбе. И, обойдя вокруг Теремка с его добрым запахом сухого дерева, с цветными сказками его резьбы, по чистым ступеням войдем в сенцы и станем свидетелями и участниками этой судьбы. Мы узнаем ее с того года, когда молодая женщина, ученица петербургских живописцев, в том числе Репина, и парижских, в том числе Жюльена, становится женой князя Тенишева и поселяется под Смоленском, в имении Талашкино. Мы узнаем, что хорошо образованная и понимающая искусство, она не только не почувствовала себя оторванной от него в деревенской глуши, но углубилась в него. Только это искусство рождено не в мастерских художников, а в деревенских избах. В каждой деревне, в каждой избе свои художники: краснодеревщики и резчики, скульпторы и живописцы-керамисты, мастера кружев, вышивок, ткачества, вязания... Иначе, как художниками, и не назовешь бесчисленных и безвестных творцов красоты.

Так начинаются коллекции Марии Тенишевой.

Она не позволяет себе ни малейшего дилетантства, ни малейшей вкусовщины. Она приглашает в Талашкино знатока древнерусского искусства и ярого собирателя предметов народного быта И. Ф. Барщевского. За короткое время на средства Марии Клавдиевны он собирает столько художественных народных изделий в дополнение к ее первоначальным коллекциям, что в Талашкине им становится тесно. Тогда в Смоленске, на Рославльском шоссе, Мария Клавдиевна строит прелестное двухэтажное кирпичное здание для музея «Русская старина», куда в 1905 году и переселяются коллекции.

А в Талашкине Мария Клавдиевна создает нечто подобное абрамцевским художественным мастерским. Она шлет приглашения многим художникам России, и они становятся ее постоянными гостями. С. В. Малютин, влюбленный в русскую старину, делает для мастерской проект Теремка. Построенный в старом русском стиле, он дошел до наших дней в его первоначальном виде. Сам Малютин и преподает в мастерских, где работают окрестные резчики, гончары и вышивальщицы. Не один Малютин у них в учителях, — учат их, или, как мы теперь сказали бы, консультируют, Репин, Врубель, Николай Рерих, Константин Коровин, Валентин Серов, Васнецов, Поленов, Поленова, Якунчикова и сама Мария Клавдиевна. По их рисункам и эскизам талашкинские крестьяне создавали произведения, в которых сила народной одаренности соединялась с утонченностью и культурой больших талантов русских.

«Мои талашкинские мастерские есть проба искусства русского. Ежели бы искусство это достигло совершенства, оно стало бы общемировым — то есть с ним произошло бы то, что случилось с картинами Вашими», — писала Мария Клавдиевна Васнецову.

В 1905 году Тенишева возила свои коллекции в Париж. Лувр отвел под них несколько залов. Три года в этих залах парижане открывали народное искусство России. Отзывы о выставке и ее учредительнице были восторженными. Объявились и покупатели, которые предлагали Марии Клавдиевне огромные суммы. Но она в 1908 году увезла свои коллекции в Россию и отдала их Смоленскому историко-этнографическому обществу.

Были в собрании такие богатства, как самая крупная в мире коллекция акварелей. Были живописные полотна крупнейших художников России и Запада. Были смоленские, вологодские, архангельские «украсы» — предметы народного творчества. Была «скрыня» — сундук с серебряными, золотыми, медными и бронзовыми украшениями и утварью. Были иконы старинного русского письма.

Многое утерялось в вихрях нашего бурного века. И сама Мария Клавдиевна, совершив трагическую ошибку, кончила дни свои вдали от родины. Но большинство собранных ею сокровищ сохранилось и украшает экспозиции смоленских музеев — краеведческого, исторического, картинной галереи. В Талашкине, на холме под березой, стоит каменная усыпальница, построенная при участии Н. К. Рериха с его смальтовой мозаикой Спаса Нерукотворного над порталом. А в Теремке — вышивки, кружева, мебель, сделанные крестьянами по эскизам художников. И коллекции Марии Клавдиевны: расписные прялки, набойные и пряничные доски, затейливые самовары и мудреные замки, солонки, сахарницы, кресты, кадила, лампадки, горшки муравленые и деревянные пасхальные писанки, лукошки, сани, кузова, балалайки, лоханки.

— Тоня! — просит Лариса Сергеевна юную светлокосую девушку. — Надень-ка смоленский наряд.

Тоня уходит и вскоре возвращается в тканом сарафане, расшитой кофте и переднике, от которых сразу хорошеет ее задумчивое большеглазое лицо. Такой и предстает перед нашим объективом сбереженная старина в Талашкине.

Жаль, на отшибе находится Теремок — пока только смоленские художники по тканям пользуются в своем творчестве его коллекциями. А ведь большинство смоленских орнаментов воплощает и дух и мощь нашего времени. Ждет в гости художников Теремок!

Семен БАБАЕВСКИЙ

ОТЪЕ

Весна в том году на Прикубанье была ранняя, и акация в Южном зацвела уже в середине мая. Цвела буйно, щедро, и запах ее, особенно в жару перед дождем, был ни с чем не сравним. Парило с утра, воздух был горяч, и сладковатый аромат акаций устойчиво держался над городом. На западе клубились тучи, черные, со свинцовым отливом. Гремела гроза, по-летнему раскатисто и тревожно. Ветер поднимал столбы пыли, кружил и гнал их, а потом налетал ливень такой силы, что над асфальтом, над жестяными крышами дымилась водяная пыль, а сбитые лепестки, как снежинки, липли к мокрым камням. Свинцово-черная туча ползла и ползла через Южный, поливала и поливала, медленно удаляясь в степь и вставая там черно-синим заслоном. Далеко в степи еще угрожающе гулко громыхал гром, молния крест-накрест чертила иссиня-черную тучу, а над зеленевшим городом в просветы между туч, как в раскрытые окна, уже смотрело солнце, жаркое, веселое,— хотело убедиться, хорошо ли умыты улицы, дома, посвежели ли деревья, помолодела ли земля.

После дождя Алексей Фомич Холмов в подавленном настроении вышел на балкон, еще залитый водой. Давно Холмов стал замечать, что зимой в непогоду, а весной и летом во время грозы у него ломило затылок. Вот и сегодня с утра боль в затылке была такая острая, что нельзя было ни повернуть головы, ни притронуться к ней. И то, что болела не вся голова, не лоб, не виски, а только затылок, угнетающе действовало на самочувствие Холмова. Глубоко, всей грудью он вдохнул сырой, пахнущий дождем и акацией воздух. Осторожно положил ладонь на затылок, наклонился к перилам и с грустью посмотрел на бегущие по улице и по двору ручьи, на акацию с ее мокрыми гроздьями голубоватых цветов.

На Холмове был серый, сшитый по моде костюм, придававший его сухопарой фигуре юношескую стройность. Голова у него совершенно белая, без плешин и залысин. Мягкие, похожие на шелк волосы гладко зачесаны. Он смотрел на мокрую, затененную акацией улицу, и во взгляде его таилась тоска. В доме слышался разноголосый говор, смех, веселые женские голоса. Это друзья и сослуживцы пришли проводить Холмова, и им было весело потому, что они находились в доме человека, которого уважали. «Да, они по-прежнему меня и уважают и любят,— думал Холмов.— Даже теперь, когда я над ними уже не властен, когда я навсегда покидаю их, и не известно, когда мы еще встретимся, они пришли ко мне и хотят, чтобы в час нашей разлуки и мне и им было весело... А мне вот грустно, и никто не знает, отчего мне так грустно...»

Среди других голосов выделялся басовитый, приятный голос Андрея Андреевича Проскурова. Еще не прошло и года, как он занял тот пост, какой занимал Холмов, и он, как казалось Холмову, не успел войти в непривычную для него роль.

— Сюда нельзя, товарищи! — нарочито громко говорил Проскуров, желая, чтобы услышал Холмов.— Пусть Алексей Фомич, как это поется в песне, перед дальней дорогой один постоит и помечтает! Тише, товарищи!

И этот нарочито громкий голос Проскурова и то, что после его слов «Тише, товарищи!» все голоса разом смолкли, только лишний раз подтверждало ту мысль, что любовь к Холмову тех, кто собрался в доме, была искреннею, неподдельною любовью. И это радовало. Холмову казалось, что не только друзья-сослуживцы жалели о разлуке, но даже акация, что годами смотрела в окна его дома, ее намокшие голубоватые кисти тоже как бы говорили, что и они любят Холмова, что и им жалко расставаться с ним, да еще и в такую красивую пору весны... «Милая акация, и мне жалко расставаться с тобой. Но что я могу поделать? Надо, надо уезжать,— мысленно говорил он.— Так сложились обстоятельства. А тут еще врачи, жена... Требуют, чтобы я ехал к морю... Так что осталось сказать одно только слово — прощайте. Прощайте, друзья, и не поминайте лихом, прощайте все, кому я был дорог, прощай и ты, белая акация, и ты, родной город...»

И опять, наклонясь к перилам, говорил сам себе: «Но что я могу поделать? Так сложились обстоятельства...» Смысл этих слов означал для Холмова многое. И прежде всего то, что причиной его ухода на пенсию было не плохое здоровье, о чем все знали и во что все верили, а что-то совсем иное, о чем никто, даже жена, не только не знал, но и подумать не мог. «Так сложились обстоятельства...» Это была его личная тайна, и хранилась она в сердце еще с лета прошлого года. Недели за две до уборки позвонили Холмову из Москвы. Говорил человек, каждое слово которого было для Холмова важнее приказа. Поздоровавшись и спросив о здоровье, он сказал Холмову, чтобы прикубанские колхозники проявили инициативу и стали запевалами по сверхплановой сдаче зерна нового урожая.

— Пойми меня правильно, Холмов! Тебе оказана честь! Запев нужен, слышишь, Холмов, нужен запев эдак плана на два, а то и на три!

И тут случилось то, что никогда еще не случалось, но что, надо полагать, когда-то должно было случиться: впервые Холмов не подчинился человеку, которому многие годы подчинялся во всем и безропотно. Холмов сказал, что два плана ни за что не поднять, что урожай на Прикубанье ожидается средний, и если вывезти зерна два плана, то колхозники и в этом году останутся без хлеба. Говорить ему было трудно, потому что тот, с кем он говорил, его не слушал.

— Это еще что за паника! — слышалось в телефонной трубке.— Нужен запев! Пойми меня правильно, Холмов! Нужен запев!

— Я правильно вас понимаю, но какой уж тут получится запев? — отвечал Холмов.— Не запев, а слезы...

— У тебя что? Все еще болит затылок?

— Нет, не болит...

— Тогда какие же могут быть слезы? Что за чепуху мелешь, Холмов?

— Плохо у нас нынче с урожаем,— говорил свое Холмов.— В прошлом году были запевалами — вывезли все, подчистую... Нельзя же, как говорит притча, рубить сук, на котором сам сидишь...

— Придумал притчу? Побасенку? Выбрось, Холмов, эту притчу из своей больной головы, пока над ней еще не грянул гром! Готовь обязательства! Если Прикубанье не запоет, то кто же тогда запоет? Нужен настоящий запев! Это, надеюсь, тебе понятно, Холмов?

И положил трубку. «Ну вот и все, вот и конец,— думал Холмов.— Да, теперь-то гром обязательно грянет...» Он ждал вызова в Москву. Готовился к предстоящему неприятному разговору. Но дни шли спокойно. Холмова в Москву не вызывали, к нему тоже никто не приезжал. Как-то проездом побывал у него Федор Федорович Нечаев. Когда-то вместе они были на комсомольской работе — оба секретарями райкома. Позже вместе учились в Высшей партийной школе. Холмов после учебы вернулся на Прикубанье, а Нечаев остался в Москве — заместителем министра сельского хозяйства.

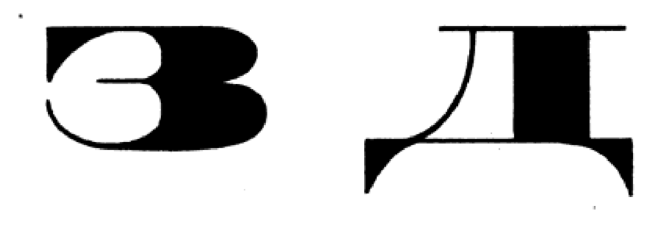
Когда они вдвоем остались в кабинете, Холмов рассказал другу о своем недавнем разговоре по телефону. Нечаев прохаживался по кабинету. Кабинет был просторный, с широкой ковровой дорожкой, лежавшей от дверей к столу. Останавливался и разводил руками. (У него была привычка останавливаться и раз-

---

Глава из романа «Белый свет».

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

водить руками, когда он сердился или удивлялся.)

— Не понимаю! — Стоял, широко раскинув руки.— Да и как такое можно понять, Алексей! Или ты сам себе враг, или ты из ума выжил?

— Иначе поступить я не мог...

— Геройствуешь? — Опять Нечаев остановился и развел руки.— Кому, скажи, Алеша, нужно это твое геройство в кавычках? Да, да! Не ухмыляйся! Именно в кавычках... Ты же воробей стреляный, знаешь, почем фунт лиха, и как же ты посмел не подчиниться, не принять то, что тебе рекомендовано? И кем рекомендовано? Да и подумал ли ты о том, что, сделав запев и сдержав слово, и ты уже на щите, о тебе говорит вся страна? Да за такие дела, ты же знаешь, Героя получают! А что тебя ждет теперь? — Нечаев остановился и развел руками, будто желая обнять Холмова.— Нет, Алеша, ты еще не знаешь, что тебя ждет, и в этом твоя беда!

— Не о себе моя печаль, Федор,— сказал Холмов.— Нельзя же из года в год оставлять без хлеба тех, кто его производит...

— Да ведь это же Прикубанье! — воскликнул Нечаев.— Наша житница! Тут оглоблю воткни в землю — и вырастет яблоня...

— И на Прикубанье, Федор, тоже люди живут...

— Алеша! Прошу тебя! — Нечаев подошел к другу.— Не валяй дурака... Еще не поздно исправить ошибку. Возьми телефонную трубку, попроси Москву и скажи одно только слово...

Нечаев снял трубку и протянул Холмову. Холмов взял ее, подержал в руках и положил на место.

— Не могу,— сказал он глухо.— Понимаешь, не могу!

— Но почему? Весленеевский казак в тебе проснулся, что ли? — И Нечаев улыбнулся.— Жалко стало своих прикубанцев...

— При чем тут свои или чужие?

— Так в чем же дело? Мне-то не можешь сказать?

— Я дал слово...

— Кому?

— Одному человеку...

— Кто он, этот человек?

— Корнейчук...

— Кто, кто?

— Григорий Корнейчук... Ты его не знаешь. Есть в моей родной станице Весленеевской такой Гриша Корнейчук...

— Послушай, Алексей, а как твой затылок? — И Нечаев дружески обнял Холмова.— Все так же болит, ломит?

— И ты о том же? — Холмов отстранил руку друга.— При чем тут мой затылок?

— Не сердись... Это я так, к слову пришлось.

— На щите, говоришь? Героя дадут? — Холмов грустно усмехнулся.— Не нужны мне ни щит, ни звание Героя...

— Не узнаю тебя, Алексей Холмов, честное слово! Или тебя подменили, или что с тобой?

— Может, это и к лучшему, что не узнаешь меня... Сядь, Федя, и послушай.— Холмов усадил друга на диван, сам сел рядом.— Перед самой уборкой я побывал в Весленеевской. Как ты знаешь, в этой станице я родился и вырос. Получилось так, что в Весленеевской я не был лет десять. Станица лежит в горах, у истоков Кубани, и как-то случалось, что всегда я проезжал мимо Весленеевской... Там у меня живут два брата — Игнат и Кузьма. Повидался с ними, а потом поехал по полям и фермам. Ты видел бы, Федор, как в последние годы заплошала станица!.. На всем Прикубанье такой бедности я не видел...

— Значит, плохо работали твои землячки, вот и живут бедно,— сказал Нечаев.— Ведь так, а?

— В том-то и суть, что не так, Федя, совсем не так,— возразил Холмов.— Работают мои землячки хорошо, даже больше, чем хорошо. Но старания их держатся на одной сознательности, как до предела натянутой струне. Натяни ее еще немножко — и она разорвется... Люди трудятся так, что диву даешься, откуда у них берется такое напряжение сил, это удивительное желание трудиться, это, я сказал бы, чувство долга. Перед этими старательными тружениками надо становиться на колени и снимать шапку. А что они получают за свой труд? Ничего или почти ничего. Заставь тебя, или меня, или пятого-десятого работать без зарплаты. Что мы запоем?

— Ну, это сравнение ни к чему,— сказал Нечаев.

— Почему же оно ни к чему? Колхозники— тоже такие же люди, как и мы с тобой,— продолжал Холмов.— Председателем там Григорий Корнейчук. Кубанец, человек терпеливейший из терпеливых и энтузиаст, каких мало. Бывший фронтовик. Партизанил на Кавказе. Домой вернулся без левой руки... И знаешь, что сказал мне Григорий Корнейчук, когда мы остались одни в поле? Страшные слова... У тебя, говорит, оружие есть? Я смотрю на него, к чему, думаю, эта шутка? А он побледнел, рука трясется. Зачем, спрашиваю, Корнейчук, тебе оружие? Застрели меня, говорит, вот тут, в поле... Да, да, не улыбайся, Федя, так и сказал: застрели...

— Может, этот Корнейчук просто пошутил?— спросил Нечаев.— Хотел попугать тебя, а?

— Нет, Федор, это была не шутка,— ответил Холмов.— На войне, говорит, видел смерть и презирал ее. Хотел выжить и выжил, хотел строить жизнь, а вот не могу. Почему? — спрашиваю. Потому, говорит Корнейчук, не могу, что в последние годы мы не богатеем, а беднеем. Ты, говорит, приехал в станицу, разговаривал с людьми, видел их глаза? Поглядел, поговорил и уехал. А мне тут жить... Тебе, Федя, сознаюсь: жалко мне стало Корнейчука. Может, нехорошо это — жалость. Но я обнял Корнейчука, как брата, и дал ему слово, что то, что было с хлебопоставками, больше не повторится... На полевом стане мы собрали колхозников. И перед ними я повторил это же свое клятвенное слово... Как же я могу теперь отступить от своего слова?

— Да, все это, конечно, весьма печально.— Нечаев встал и зашагал по кабинету.— И все же поступил ты опрометчиво... И знай, Алексей, так это для тебя не кончится... Вспомнишь и меня и эти мои слова, да будет поздно.

Прошло лето. Кончилась уборочная страда. О Холмове, казалось, забыли, и он решил, что предсказания Нечаева не сбылись. Но осенью, перед партийной конференцией, Холмова вызвали в Москву. Говорил с ним инструктор, работник молодой, учтивый, и говорил вежливо, даже любезно.

— Как ваша голова, Алексей Фомич?

— Все так же...

— Плохо, плохо... В народе говорят, что все беды идут от больной головы... Как вы полагаете, Алексей Фомич?

— Полагаю, что это не так...

— Кто-то еще из древних мудрецов сказал, что самое важное для человека — здоровье. Именно о нем, о здоровье, надобно заботиться. Вы с этим согласны, Алексей Фомич?

Холмов молчал. Ему неприятен был этот разговор.

— Вот и вам, Алексей Фомич, необходимо всерьез подумать о своем здоровье... Отойдете от дел, сбросите с плеч груз забот и хлопот и заживете спокойно... И пусть вас это не огорчает. Пришла пора, как говорится в шутку, уезжать с ярмарки. Смешное выражение— «уезжать с ярмарки»? А по мысли — очень точное. И понимать эту мысль надо так: все, что было, уже распродано, и человек уезжает со своей житейской ярмарки с чувством исполненного долга. И не надо хмуриться, Алексей Фомич. С ярмарки уезжаете не вы первый и не вы последний. Так что на конференции отчитаетесь в последний раз и с почестями уйдето на заслуженный отдых...

У Холмова щемило сердце. Вспомнил предупреждение Нечаева и ничего не сказал. Да и что можно было говорить? «Пришла пора уезжать с ярмарки...»

В том году Холмов не один ушел на отдых. Многие его друзья, с кем доводилось встречаться на пленумах в Москве, тоже оказались не у дел. Еще раз, и уже в последний, они встретились на съезде. Приехали с правом совещательного голоса. Делегатами их уже не избрали. И как они ни бодрились, как ни старались казаться и важными и непринужденными, а былой уверенности ни в походке, ни в манере говорить уже не было. И на их лицах и во взглядах лежала печать приниженности и затаенной обиды. Но по фойе они прохаживались так же не спеша, как и раньше, шутили, смеялись так же непринужденно и весело, как и прежде, показывая этим, что их ничуть не смущает то, что они имеют совещательный голос и что занимают места не в партере вместе с делегатами, а на балконе, рядом с гостями...

Они подтрунивали один над другим.

— Ну что, Холмов, значит, уезжаем с ярмарки?

— Дорога не очень тряская, ехать можно,— отшучивался Холмов.

— А я так сужу: откуда уезжать — с ярмарки или с базара — важно, что уезжать!

— И кто, скажи, придумал такое хлесткое словцо — «уезжать с ярмарки»?

— Кто придумал? Известно кто. Народ! Кто же еще? Фольклор!

Через улицу от одной акации к другой была протянута проволока. Как паук на паутине, на ней повис орудовский знак. С балкона проволока была совсем не заметна, и Холмову казалось, что знак сам по себе покачивался в воздухе и говорил: «Сюда нельзя!» Сколько лет этот диск с желтым ободком и с «кирпичом» посредине надежно охранял покой этой улицы! Сколько лет редко какая машина могла проехать по чистенькому асфальту, чтобы сразу же завернуть во двор, обнесенный высоким забором цвета каштановых листьев! «Сюда нельзя! Смешно,— думал Холмов.— А разве не смешно то, что тот, чей покой охранял этот запретный знак, покидает и этот особняк и эту тихую улицу? Сын Антон и Чижов приготовили ему новое гнездо. Улетай, Холмов, как перелетная птица в теплые края... Здесь ты больше не нужен...»

Теперь, когда он с нестерпимой болью в затылке последний раз вышел на балкон, когда мысленно всем и всему говорил «прощай», когда его сердечные струны не звенели, как бывало, маршами, а звучали тихо и грустно, Холмов впервые подумал, что, может быть, зря все эти годы между акациями маячил запретный знак. Пусть бы и эта улица шумела машинами так же, как шумели все другие городские улицы. Но почему в душу ему заглянуло это сомнение? Что Холмову теперь этот знак? Он уедет и забудет все, что тут было. Но почему раньше он никогда об этом знаке не думал? Знак висел, а Холмов проезжал мимо, совсем его не замечая. Тогда сама эта мысль могла бы показаться странной и неуместной. А теперь? От таких вопросов на душе у него стало еще тоскливее, и он

мысленно сказал: «О чем печалюсь? Пусть печалится Проскуров. Ему теперь тут жить, ему и думать...»

Он наклонился и посмотрел во двор. Как бывало и раньше, когда он уезжал в Москву, у подъезда выстроились легковые машины. Впереди, как и раньше, стояла та самая вороная «Чайка», которая была получена месяца за два до ухода Холмова на пенсию, и тогда она принадлежала только ему, Холмову. И хотя и сегодня Холмова повезет та же «Чайка», но он понимал, что поедет на ней последний раз, что эта мягкая, спокойная в беге машина теперь принадлежит Проскурову и что Проскуров лишь из уважения согласился, чтобы Холмов уехал на «Чайке». «А мог бы и не согласиться? Да, мог бы...» И сердце защемило, заныло, и затылок заболел так сильно, что Холмов сцепил зубы и скривился.

Стоял и видел, как внизу Чижов и сын Антон ставили в багажник не «Чайки», а Антоновой «Победы» чемоданы, как жена Ольга, оставив в доме гостей, не доверяя домработнице Елене, сама размещала и в «Чайке» и в «Победе» какие-то кульки, бумажные свертки, раздутые авоськи, корзинки. «А может быть, мне следует тут же отказаться от «Чайки» и уехать с сыном на его старенькой «Победе»?— подумал Холмов.— Хватит, Холмов, на «Чайке» ты свое отъездил...»

— Любуешься, Алексей Фомич, акацией? — спросил Проскуров, выйдя на балкон.— Красота! Чудо!

— Весна!— сказал Холмов. — Прекрасная пора, как и молодость...

Своей сдержанной улыбкой Проскуров говорил Холмову, что он с ним согласен. И сразу же, перестав улыбаться, так, как бы между прочим, сказал, что на завтра он назначил заседание бюро.

— Сегодня провожу тебя, Алексей Фомич, а завтра за дело.

— Без меня заседаешь, Андрей? Привык уже?

— А что привыкать? Дело-то знакомое!

Неприятно было Холмову сознавать, что те, кто совсем еще недавно без него, казалось, и шагу не мог сделать, во всем советовался с ним, прислушивался к нему, теперь же обходятся и без него. Даже ради приличия Проскуров не сказал, что без Холмова ему, мол, трудно, а сказал: «Дело-то знакомое!» Не показывая обиду, Холмов спросил:

— Какие вопросы?

— Надо спасать посевы,— ответил Проскуров.— Задождило! Льет и льет, сорняки из земли чертом прут!

— Ну, ну, как говорят, шуруй, действуй.— Холмов вынул из кармана пиджака коробку «Казбека».— Кури!

Они закурили, а говорить им, оказывается, было не о чем. У Проскурова на уме свое — сорняки, а у Холмова свое — отъезд. Приличия ради им обоим хотелось постоять на балконе, чтобы те, кто был в доме, смотрели на них и думали, что у них есть какие-то свои и очень важные разговоры. Холмов смотрел на струйку дыма от папиросы, на свою сухую кисть и думал о том, что особняк, в котором прожито столько лет, сегодня освободится и что завтра в него с семьей переедет Проскуров; что на этом просторном, как веранда, балконе будет стоять не он, Холмов, а Проскуров; что жизнь за зеленым забором потечет так же спокойно, как она текла здесь всегда. Так же будет цвести акация, так же меж ветками будет покачиваться орудовский знак, говоря: «Сюда нельзя!» — и так же редко какая машина будет проезжать по улице. «А что тут неестественного? — думал Холмов.— Логично. Жил в особняке Холмов, а теперь по праву будет в нем жить Проскуров. И хотя он недавно приехал из района и там, в районе, привык жить в обыкновенной квартире, но раз у него сейчас моя должность, то полагается ему и мое жилье. А как же? И пусть себе живет на здоровье, как жил я, и пусть себе воюет, как воевал я, с сорняками и иными бедами...»

Проскуров смотрел на плывшие по небу лохматые тучи. Недалеко, за городом, поднималась темная стена, и молния чертила по ней огненные линии. «Опять в Усть-Каменке поливает,— думал Проскуров.— И что за напасть? Пропадут посевы...» Он понимал, что говорить о дожде и о сорняках здесь, на балконе, не время и не место. На прощание ему хотелось сказать Холмову что-то приятное, и он спросил:

— Ну, что доложил Чижов? Хорошее жилье приготовили они с Антоном в Береговом?

— Хорошее или плохое, но приготовили,— сухо ответил Холмов.— Какой-то домишко...

— Благодатный уголок на земле — этот Береговой! — сказал Проскуров, чтобы что-то сказать.— Климат исключительный. И море, и лечебный источник, и воздух. Как раз то, что нужно... А какие леса! Карагач, дуб, ясень... А ежевики полон лес!

— Кому это ты расхваливаешь? — с обидой в голосе спросил Холмов.— Береговой-то я знаю, может, и лучше тебя...

— Я к тому говорю, что поезжай, Алексей Фомич, в Береговой, устраивайся там и живи,— краснея и как бы оправдываясь, говорил Проскуров.— Ежели в чем будет нужда, дай знать. Окружим заботой, поможем. Я уже звонил Медянниковой...

— Вот это ни к чему...

— Пусть знает, кто поселится в ее городе,— сказал Проскуров.— И Чижову я наказал ехать с тобой. Пусть поживет в Береговом столько, сколько нужно... Без Чижова тебе будет трудно.

— От Чижова не откажусь.

— Главное для тебя, Алексей Фомич,— продолжал Проскуров, доверительно улыбаясь Холмову,— отдых и отдых. Ты его заслужил! Отдыхай, поправляй здоровье, наслаждайся жизнью. Особенно важно — набраться новых сил...

— Силы-то мне, Андрей, зачем? — Холмов с тоской смотрел на тлевшую папироску.— Зачем теперь они мне, силы?

— Для себя самого,— с той же приятной улыбкой на молодом лице ответил Проскуров.— Для личного, так сказать, благополучия...

— Говоришь, для себя, для личного благополучия? — Холмов прошелся по балкону, выпрямляя худые плечи и поднимая белую голову.— Личное благополучие? Наслаждение жизнью! Что оно такое, Андрей, личное благополучие и наслаждение жизнью? Ответь, поясни! Улыбаешься и молчишь? — Холмов обнял Проскурова.— Андрей, Андрей, или мы так воспитаны, или, сказать, в каком-то особом тесте замешаны, что личное благополучие и наслаждение жизнью не для нас... Так, а?

— Да, оно, конечно, так... Но все же...

Проскуров не раз замечал за Холмовым привычку при случае прихвастнуть и сказать о себе красивое словцо. Но на этот раз и в голосе и во взгляде Холмова было видно, что сказал он так о себе не ради самопохвалы, что отъезд в Береговой был для него нерадостным и нежеланным.

— Как другу сознаюсь,— продолжал Холмов тем же грустным голосом.— Это теплое царство, именуемое Береговым, мне и даром не нужно. Ты же знаешь, я неожиданно рано стал пенсионером, и душа моя эту новую для меня жизнь не приемлет. Понимаешь, душа не принимает! И я согласился уехать в Береговой только потому, что оказался не у дел, и оставаться в Южном и видеть, как все делается тут без меня, выше моих сил. И врачи требуют и жена...—Тяжело, всей грудью вздохнул.— Как буду жить в Береговом? Как привыкну к безделью? Ничего, брат, я не знаю. Да и ни думать, ни говорить об этом не желаю. Поговорим о тебе, Андрей! Ты молод, у тебя затылок не болит, и бессонница тебя не мучит.— Кивнул на висевший на улице запретный знак.— Вызови к себе этих блюстителей тишины и прикажи убрать.

— А ты почему не убирал?

— Да потому, что раньше до этого не додумался,— ответил Холмов.— А ты не во всем следуй моему примеру. Пусть свободно едут машины...

— Да, верно,— согласился Проскуров.— Ни к чему эта преграда...

— Ну, когда переселишься в мои апартаменты? — весело спросил Холмов.— Завтра? Или сперва отремонтируешь? Тут ремонт потребуется пустяковый. Прикажи Гусляренко — в три дня сделает...

— Что-то нету желания сюда перебираться.— Проскуров отвернулся и отошел к перилам.— Как-то, понимаешь, не хочется...

— Не скромничай, Андрей, ни к чему,— твердо сказал Холмов.— Занял мое место, так занимай и мое жилье. Что положено, то и бери. А как же?

— Не получается.— Проскуров смотрел не на Холмова, а на заслон из туч, стоявший за городом.— Не получается потому, что дом-то уже отдан детишкам...

— Как отдан? — удивился Холмов.— Сам пожелал? Или позвонили и приказали?

— Горсовет так решил... Да и я тоже не возражал.— Проскуров с улыбкой смотрел на грозовую тучу, ему хотелось с улыбкой посмотреть на рассерженного Холмова, и он повернулся к нему.— Алексей Фомич, да так оно и лучше... Ведь все еще трудно в городе с детскими садами.

— Заигрываешь с народом? — морща лоб, спросил Холмов.— Ты где этому научился? В районе?

— Ты меня знаешь...

— Знал, верно, знал, а выходит, теперь уже не узнаю.— Холмов усмехнулся.— Вижу, хочется тебе поднакопить политического капитальца. Вот, мол, какой добренький. Холмов-де сколько лет жил в особняке и о нуждах матерей не думал, а Проскуров, видите ли, приехал из района и сам отдал особняк детям? Так, а?

— Нет, не так, и ты не злись.— Улыбки не стало на лице Проскурова.— Ну, скажи мне, чего ради я полезу в этот дом? Мы с женой думали... Ни к чему нам это помещение... Да и как-то даже стыдно...

— Удивительно, какой ты совестливый,— своим обычным, не терпящим возражения тоном сказал Холмов.— Да и что в том плохого, если руководитель живет в отдельном доме? Что? Молчишь, Андрей Андреевич... А ты не молчи!

— Алексей Фомич, честно скажу... Не хочу повторять твои ошибки...

— Что? Что? Мои ошибки? — Холмов рассмеялся.— Может, я ослышался? Какие ошибки, Андрей? И почему ты заговорил о моих ошибках не тогда, когда был в районе, а именно сегодня, когда пришел меня провожать? Почему?

Проскуров не ответил. Курил и молчал. Смотрел на наплывшие на город тучи.

«И зачем я сказал ему это? — думал он.— Не нужно было огорчать старика. Все одно ничего не поймет... Совру, скажу, что пошутил... Пусть уезжает с мыслью, что он велик и непогрешим и что без него все здесь будет так же, как и при нем...»

Холмов тоже курил, поглядывал на грозную тучу и думал о том, что жизнь, оказывается, устроена странно и непонятно, и как это он именно непонятную ее сторону раньше не замечал.

«Вот пока у меня была власть, пока не Проскуров, а я, Холмов, был здесь главное лицо, никаких ошибок у меня не было, все считали меня и умным, и честным, и порядочным, и все даже восхищались мною и старались подражать мне. Но вот у меня не стало власти, и первый же Проскуров, мой, можно сказать, ученик и воспитанник, заговорил о моих, Холмова, ошибках. Неужели Проскуров так быстро забыл все, что я сделал ему хорошего? И если так говорит Проскуров, то что могут сказать другие?..»

Чтобы успокоиться, Холмов мысленно стал уверять себя, что дело тут, конечно, не в его ошибках. Какие могут быть ошибки в том, что Холмов жил в отдельном доме? Улица была закрыта для проезда? Но разве сам он ее закрыл? Нашлись услужливые подхалимы. И ее можно открыть... Суть тут не в улице и не в доме, а в том, что Проскурову, работнику молодому, неопытному, ЦК не разрешил жить в том же особняке, в котором жил Холмов... Эта догадка ему понравилась, и он, чуть заметно улыбаясь, подумал: «А что? Правильно! Так и нужно. Молод еще Проскуров. Там, повыше нас, знают, что не каждому дано право жить в доме, в котором жил Холмов, и это вполне логично... Пусть Проскуров еще заслужит такую честь...»

— Что молчишь, Андрей? — спросил Холмов.— Или в уме ошибки мои подытоживаешь?

— Какой ты стал нервный... Беда! — ответил Проскуров.— Как спичка... С тобой и пошутить нельзя... Не зря, выходит, врачи советуют тебе жить у моря... Шутку не понимаешь?

— Ну, то-то... Шутник, я тебя знаю... А круг

с «кирпичом» убери завтра же... Ну, пойдем в дом!

Улыбаясь и показывая этим, что им весело, они вошли в дом, и сразу взгляды гостей обратились к Холмову. Дмитрий Петрович Корнев, по рекомендации Холмова ставший заместителем Проскурова, полнолицый, улыбающийся брюнет, подошел к Холмову, и не один, а с красивой женой, прижав своим локтем ее голую, полную и коричневую от раннего загара руку. Жена Дмитрия Петровича носила смолисто-черную высокую прическу, формой своей похожую на копенку сена, и умела застенчиво улыбаться. Перебивая друг друга, муж и жена давали Холмову советы, касавшиеся моря.

— По вечерам непременно сидеть на берегу и любоваться закатом. Морской закат очень успокаивает,— уверял Дмитрий Петрович.

— В такие моменты особенно важно глубокое дыхание,— добавила жена Дмитрия Петровича.— В вечерние часы морской воздух исключительно насыщен йодом... А где наша милая Ольга Андреевна? — спохватилась она.— Пойду разыщу!

И ушла быстрой, энергичной походкой.

Просторная лестница устлана ковровой дорожкой. По ней быстрыми шагами поднялся веселый, деловитый и до педантичности во всем аккуратный Чижов. Следом за ним Елена и Игнатюк, бывший шофер Холмова, а теперь шофер Проскурова, несли на медных подносах шампанское и бокалы. Гости радостно посмотрели на подтянутого, в армейской форме Чижова, понимая, что это он, Чижов, ради проводов Холмова еще вчера купил шампанское.

«Молодец, Чижов! — одобрительно подумал о своем помощнике Проскуров.— Мне и в голову такое не могло бы прийти, а он все сделал, все приготовил, и кстати... Знает, каналья, что к чему и где что нужно...»

Подозвал к себе и негромко, чтобы никто не слышал, сказал:

— Виктор, поживешь у Алексея Фомича столько, сколько нужно... Помоги ему во всем. Да смотри, чтоб все было в полном порядке.

— Не беспокойтесь, Андрей Андреевич... Все будет в лучшем виде,— ответил Чижов.

Глухо стреляли пробки, слышались тосты, смех, веселые голоса. Гости с удовольствием пили в меру холодное, пролежавшее ночь в холодильнике, игристое вино, и все желали Холмову и Ольге Андреевне (она так и не поднялась наверх) счастливой дороги и счастья там, в Береговом. Взгляды, улыбки говорили, что ни у кого из присутствующих иного желания нет и быть не могло. Их блестящие глаза, их улыбки излучали столько радости, что она передалась и Холмову, даже боль в затылке уменьшилась, и он, глядя на веселые лица, поднял бокал и сказал:

— Благодарю, друзья! А теперь предлагаю посошок на дорогу. По русскому обычаю!

Разом, дружно выпили «посошок». К Холмову так же учтиво, как он обычно подходил, подошел Чижов и, вынув из нагрудного кармана гимнастерки часы, сказал:

— Все готово, Алексей Фомич... Можно ехать?

— Да, едем!.. По коням!—нарочито громко и весело крикнул Холмов.— Тронули!

Холмов и Проскуров с женой направились к «Чайке», а другие провожавшие — к своим машинам. Еще на лестнице Чижов опередил Холмова и Проскурова и открыл дверку «Чайки», улыбаясь и говоря:

— Прошу!

Ольга Андреевна уже сидела в машине, грустная, со слезами на глазах. Садясь рядом с женой на мягкое сиденье, Холмов заметил, как у нее дрожали губы и по бледным щекам текли слезы.

— Антоша обиделся,— сказала она о сыне.— Приехал за нами, а повезет наши чемоданы... Надо было и нам ехать с Антоном...

— Ничего, поедем на «Чайке». Дорога-то дальняя,— негромко ответил Холмов.— И Антону обижаться тут нечего...

Проскуров и его жена уселись на откидных креслах. Чижов хотел было садиться на свое место рядом с Игнатюком, уже молчаливо сидевшим за рулем, но вспомнил, что забыл отдать Гусляренко ключи от дома, и побежал по лестнице. Гусляренко, немолодой, полный мужчина, в своих парусиновых сапожках неслышно уже ходил по комнатам и проверял, все ли имущество осталось на месте. Осмотрел шкафы, письменный стол с чернильным прибором из уральского камня-самоцвета. Высокую, с круглым, как шляпа, абажуром лампу почему-то поднял, подержал в руках и снова поставил на стол.

Когда вошел Чижов, Гусляренко как раз осматривал спальню.

— Проверяешь? — язвительно спросил Чижов.

— Должность, Виктор Михайлович, обязывает,— ответил Гусляренко, приподнимая матрац.— У тебя своя должность, а у меня, извини, своя... Я же проверяю не по умыслу, а по должности,— стоял на своем Гусляренко,

снимая с постелей простыни.— Алексей Фомич тут жили? Жили. Никто не отрицает. Теперь их тут нету, а имущество висит на чьей шее? На моей!

— Да понимаешь ли ты, Гусляренко, что Алексей Фомич — человек необыкновенный?— И опять Чижов, не находя слов, покачал головой.— Или тебе и этого не понять?

— Это я понимаю,— согласился Гусляренко.— Может, он и необыкновенный, это верно, а только для меня Алексей Фомич — человек дажеть и непонятный. Рассуди, как он жил? Как птица в чужом гнезде. Ни своей кровати, ни стола. Все, на что ни глянь, чужое. А мог бы, при своем положении, кое-что и нажить. Не нажил. А теперь вот выпорхнул из казенного гнезда да лети, как птица. Все, что было тут, все осталось. А как жить станет там, на новом месте? Ить весь его багажик поместился в чемоданах. Через то и непонятный и дажеть загадочный он для меня человек...

— Эх ты, серость!—Чижов с горькой улыбкой посмотрел на Гусляренко.— Сам ты загадочный тип! Да Алексей Фомич стоит выше всех этих твоих корыстных печалей! Ты хоть это понимаешь? Он их презирает, эти твои корысти! Ну на! Бери ключи — и прощай!

И Чижов побежал по лестнице. Сел рядом с Игнатюком, и вороная «Чайка», покачиваясь и шурша колесами, послушно покатилась со двора мимо орудовского знака. Выехав на промытый дождем, весь в буйной зелени проспект, она стала быстро набирать скорость. Следом, боясь отстать, спешила вереница машин.

Жена Проскурова приятным голосом просила Ольгу Андреевну успокоиться, говоря, что там, в Береговом, очень хорошо бывает весной, вот сейчас, и осенью — в сентябре и октябре. После этого она приятно улыбнулась Холмову, повернув к нему свою красивую, повязанную косынкой голову.

— Нам, женщинам, надо учиться выдержке и рыцарскому спокойствию у мужчин,— сказала она.— Смотрю на вас, Алексей Фомич, и радуюсь. Вы так же спокойны, как будто и не покидаете и нас и родной для вас Южный. Настоящий рыцарь! Хоть и старинное это слово, а к вам оно ох как подходит! Не смотрите на меня так строго и не отказывайтесь! Рыцарь! Честное слово, рыцарь! Вся ваша жизнь... Я не раз говорила Андрюше: учись у Алексея Фомича, учись...

Холмову было приятно слушать то, что говорила ему Проскурова, женщина, как он считал, не только с изюминкой, но и образованная, рассудительная. Но еще более ему приятно было видеть горожан, стоявших на тротуарах. Любовь и свою признательность ему выказывали не только те, кто ехал с ним, но и те, кто выстроился на тротуарах и глазами провожал вереницу машин. Увидев впереди «Чайку», горожане останавливались, улыбались, и эти стоящие, улыбающиеся люди вызывали у Холмова особенно приятное чувство. Ему вдруг захотелось остановить «Чайку», выйти из нее и сказать: «Друзья мои! Товарищи! Прощайте и не поминайте лихом!..» Не остановил «Чайку», не вышел из нее. Почему? Постеснялся. Может быть, стоявшие на тротуарах люди так, из любопытства, смотрели на «Чайку», может, они не знали, что в ней ехал Холмов, что он навсегда покидал родной город... А может, и знали?

Распрощались далеко за Южным, как раз на развилке двух дорог. Все вышли из машин. Крепкие рукопожатия, грусть и тоска в лицах. Холмов и Проскуров по-братски обнялись. Ольга Андреевна, целуя жену Проскурова, всхлипывала...

И вот уже на мокром асфальте остались машины, люди. Мимо, мимо понеслись залитые водой, в яркой зелени, поля, чистенькие, умытые лески и перелески. Небо сплошь укрыто низкими косматыми тучами. Чуть не касаясь блестевшего асфальта, перед самой машиной дорогу перелетела грачиная стая.

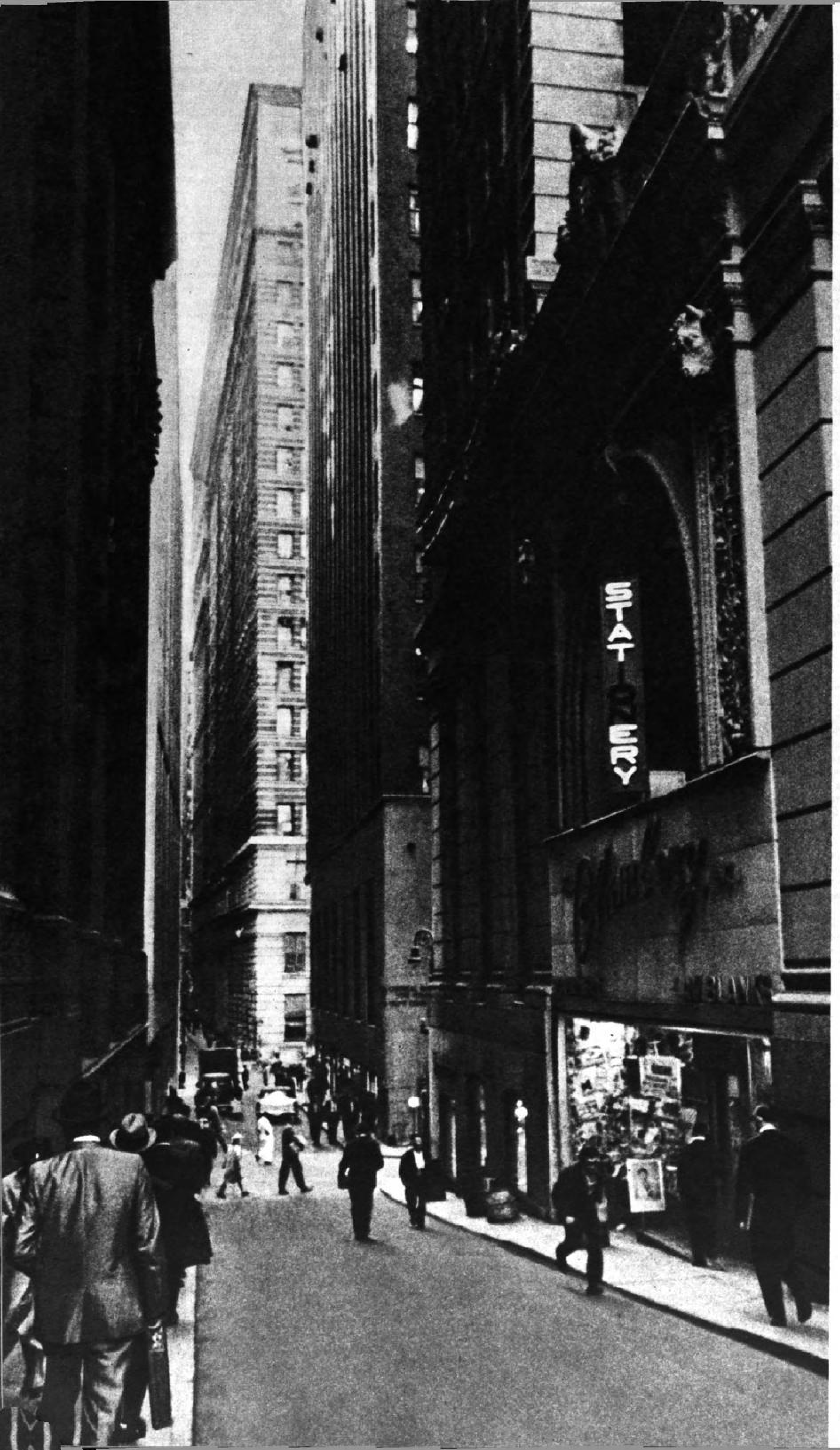
«Чайка», почуяв простор, как выпущенная на охоту гончая, набирала скорость легко и плавно. Казалось, она улетела бы, если бы у нее были крылья. Теперь следом за ней спешила только одна «Победа», которой управлял Антон. Чижов, сидя рядом с Игнатюком, по-хозяйски посматривал назад: то на «Победу» — не отстает ли, то на мертвенно-бледное лицо Холмова.

Заморосил дождь — все сильнее и сильнее. Капли, как слезы, стекали по ветровому стеклу. Пальцы-очистители судорожно забегали по стеклу, сгоняя воду. Холмов не стал смотреть на старательную работу очистителей. На сердце у него было тоскливо. А тут еще и этот моросящий дождь, и эти мокрые поля с грачиными стаями, и боль в затылке, тупая, непереставющая. Он принял таблетку, которую подала ему Ольга, налив в стакан из термоса горячего чаю. Холмов полулежал на мягком сиденье, вытянув ноги и всем телом ощущая покачивание рессор. Седую голову откинул назад, лицо его стало еще бледнее, жесткие брови сбежались на переносье, закрытые глаза глубоко ввалились, как у мертвеца.

— Виктор, не надо гнать машину,— сказал он, не открывая глаз.— Будем ехать спокойно. Надо заночевать в совхозе у Пономарева.

— Обязательно заночуем у Пономарева,— охотно согласился Чижов, понимая, что Холмову надо отдохнуть.— Да и спешить-то нам некуда.

«Как он изменился! — подумала Ольга, с тоской глядя на мужа.—На себя уже не похож... И похудел и пожелтел... Да, правы врачи. Давно надо было ему уехать к морю...»

Солнцу не пробиться на дно каменных ущелий нью-йоркских улиц.

Все последние дни меня занимала мысль познакомиться с посредническим бюро по подысканию работы, находившимся в доме номер восемьдесят на Уоррен-стрит,— с «невольничьим рынком», как его здесь называют, и посмотреть, что там будет со мной.

...На лестнице огромный плакат предупреждает, что хождение без дела по коридорам запрещено. Но никто на него не обращает внимания. Все расхаживают. Люди также стоят, прислонившись спиной к стене и засунув руки в карманы брюк, сидят на корточках по углам или бесцельно бродят вдоль коридоров. Редко кто из них разговаривает, и редко кто обращает внимание на других. В слишком сильно натопленном помещении душно, но духоту эту все же, очевидно, легче переносить, чем холод, потому что никто не уходит из помещения, и даже наоборот, все больше людей протискивается внутрь.

Вскоре многочисленные комнаты, коридоры заполняются до отказа безработными.

Два человека вернулись из Нью-Йорка. Немецкий писатель Вальтер Кауфман написал о своей поездке книжку «Встреча с Америкой». Итальянский фотограф Марио Гарруба привез из Нью-Йорка серию снимков.

Какой увидели американскую столицу итальянец и писатель из ГДР, работавшие совершенно независимо друг от друга? На этот вопрос дает ответ публикуемый отрывок из книги Вальтера Кауфмана и снимки Марио Гаррубы.

Хотя человек в спортивной куртке все время внушает себе, что доллары в его кармане делают его независимым, он все же не может оградить себя от окружающей атмосферы борьбы за существование, атмосферы, все более сгущающейся. Она овладевает им, словно лихорадка, едва он оказывается в кругу ищущих работы. Он ни с кем не разговаривает, и никто не заводит разговоров с ним. Он белый, раньше никто его тут не видел, что же это за человек?

Он вбирает голову в плечи и входит в одну из комнат. Он не садится на одну из многих скамей, а остается стоять в проходе, как бы рассматривая на доске объявления о спросе на рабочую силу.

Служащий, человек плотного телосложения, в очках, выходит из-за барьера.

— Что могу я для вас сделать?

— Вы имеете меня в виду?

— А кого же, если не вас?

— Но я ведь лишь только что пришел сюда, а другие ждут уже больше моего.

— Вы что же, хотите работу или не хотите?

Человек в спортивной куртке утвердительно кивает головой и указывает на доску с объявлениями.

— Случалось ли вам уже мыть тарелки?

Человек отвечает утвердительно: некоторое время назад ему пришлось в качестве судового стюарда перемыть бесчисленное множество посуды.

— Разве на судах имеются машины для мойки посуды? — спрашивает служащий.

— На судах, где я плавал, их не было.

Служащий сердится.

— Зачем же вы отнимаете у меня время? Для этой работы требуется опытный человек, умеющий работать на такой машине.

Человек в спортивной куртке покидает комнату и переходит в другую, в которой ждет такое же множество безработных — все они негры, вплоть до хилого старика, который, словно окаменев, сидит в первом ряду, опустив голову на руки. Истощенные черные лица обращаются в сторону вошедшего. Он не успел еще найти место, чтобы сесть, как его снова вызывают раньше всех других.

— А что же было мне ему отвечать?

— Что-нибудь вроде того, что вы всю жизнь только и делали, что готовили бутерброды во всех мыслимых на свете ресторанах. Черт возьми, это ведь было бы курам на смех, если бы вы не получили здесь работы раньше, чем все эти нигеры!

«К сожалению, он прав»,— подумал человек в куртке, направляясь к выходу из здания.

Человеком в куртке был я.

• • •

По исторической случайности Уолл-стрит носит вполне соответствующее название: там, где в 1653 году был сооружен вал для защиты от индейцев, теперь, словно бастионы, направленные против людей всего мира, возвышаются здания банков и трестов — крепость с фасадами из стекла и мрамора такой высоты, что лежащие внизу ущелья улиц всегда находятся в тени. За этими совре-

рах — перед ломбардами, темными, закопченными пивнушками, безотрадного вида ресторанами и пансионами, в которых можно за один доллар получить на ночь мрачную конуру с населенными клопами кроватями.

Вечером бездомные люди, у которых нет этого доллара, слоняются у ворот или пробираются, крадучись вдоль тротуаров, в отчаянной надежде раздобыть попрошайничеством денег, чтобы переночевать в теплой ночлежке Армии спасения, где за несколько центов дают тарелку супа, чашку кофе и проповедь впридачу.

На углу стоит полицейский и играет резиновой дубинкой. Он наблюдает, как некая личность пытается за скромную сумму в два доллара всучить мне, как он заверяет, золотую булавку для галстука с настоящей жемчужиной. Я советую ему убраться, и продавец исчезает в тени стены. Теперь полицейский тоже исчез, но я снова вижу его, когда огибаю угол, уже в действии: сво-

В царстве реклам и машин.

Ребятишки на параде. Пока все игрушечное оружие, снаряжение, солдаты...

ВО МРАКЕ МАНХЕТТЕНА

— Пойдете делать бутерброды? — спрашивает служащий.

— Пойду.

— У меня есть работа во всех районах города. Вы где живете?

— В Бруклине,— врет куртка.

— И в Бруклине есть у меня хорошая работа. Пятьдесят пять долларов, с четырех часов до полуночи. Вы когда-нибудь уже делали бутерброды?

— На судах,— говорит человек.— Я был стюардом.

— Хорошо. А не скажете ли вы мне, сколько человек бывает на таком судне?

— Примерно пятьдесят...

— И сколько у вас там времени для приготовления сандвичей?

— От двух до трех часов.

— Но это же немыслимо! — восклицает служащий.— Убирайтесь! Мне нужны люди, приготовляющие сто пятьдесят бутербродов за час, а не бездельничающие стюарды!

Уходя, человек чувствует на себе несколько провожающих его взглядов. Худой рабочий со впалыми щеками, один из немногих здесь белых, останавливает его у выхода.

— Зачем вы, идиот, наболтали ему все это? — спросил он человека с презрением, ткнув его чубуком трубки в плечо.

менными валами титаны денежного мира вели беспощадную борьбу за свое финансовое господство.

В конце дня, когда заканчивается борьба текущего дня, войска этих незримых титанов, легионы служащих, кассиров, машинисток-стенографисток, телеграфистов, уборщиц выходят из крепости мимо статуи (статуя эта — Вашингтона — стоит перед биржей), исчезают под землей в метро или теряются из виду на другой стороне улицы, у церкви из темно-коричневого известняка, высокая и остроконечная колокольня которой увенчана крестом (это церковь святой троицы на углу Бродвея и Уолл-стрита). Длинные вереницы сверкающих автомашин, обслуживаемых шоферами, увозят командиров этого войска, банкиров, маклеров домой или к огромным морским птицам — частным самолетам, стоящим на воде в близко расположенном Скайпорте на Ист-ривере.

Севернее бруклинского и манхеттенского мостов, к востоку от китайского района и главного управления нью-йоркской полиции, широкая улица отделяет еврейский квартал от итальянского. Эта улица — Бауэри. Некогда эта улица была центром театральной жизни Нью-Йорка. Сейчас там разыгрываются драмы не только в теат-

ей дубинкой он сверлит тело свалившегося у тротуара человека. Человек стар, беден, лицо его при свете фонаря похоже на желтую маску. Наконец он начинает шевелиться. Он застонал, когда полицейский стал сильно бить его по ступням: «Вставай, топай дальше!»

Дальше... Но куда?..

Уолл-стрит, китайский район, Бауэри, деловитые маклеры с портфелями, снующие на бирже, восточные торговцы, предлагающие в воротах свои товары, оборванные нищие, шатающиеся по улицам в поисках десятицентовой монеты, «кадиллаки» и могущественные банки, ручные тачки и китайские рестораны, рваная обувь и подозрительные отели с барами сомнительной репутации — все это на расстоянии одной мили.

Да, я получил впечатление о многоликой жизни Нью-Йорка еще до того, как посетил посредническое бюро на Уорренстрит. Но что бы я за эти дни ни видел, чего бы я ни начитался в газетах и журналах, ничто не в состоянии было затмить в моей памяти лицо старика, когда он, понукаемый полицейским, с трудом выпрямился и побрел дальше, лицо человека, жизненный путь которого кончается в сточной канаве на Бауэри.

Биржа. В ее главном зале, по площади равном футбольному полю, заключаются сделки, продаются и покупаются акции.

Владимир СОЛОУХИН

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ СУРИКОВ

И вот передо мной полотна Сурикова. Почему вдруг именно в том, а не в другом человеке просыпается способность к искусству? У Нестерова есть фраза в воспоминаниях, относящихся ко времени, когда он учился в реальном училище. Первый год прошел — ничего. Съездил на каникулы. Начался второй год обучения. И вот фраза: «Я начинаю выделяться по рисованию». Почему? Откуда?

Вероятнее всего, талант накапливается по капельке, передаваясь по наследству, от колена к колену, как цвет волос, черты лица или характера, прочие склонности. Он пробирается по родословной, как огонек по бикфордову шнуру, чтобы однажды, в каком-нибудь там поколении, разразиться ослепительным взрывом. Он мог не проявляться в предыдущих коленах, но непроявившиеся крупицы его все равно передавались дальше и копились, копились, дожидаясь своего появления.

Никто не знает, что такое талант, где его искать в человеке. Ясно одно: что талант — какая-то удивительная, редкая особенность, доставшаяся одному человеку и не доставшаяся другому, как достались ни за что, ни про что удивительные голосовые связки Шаляпину, Собинову или Карузо.

Как по бикфордову шнуру, тянулось это нечто, именуемое талантом, и к Сурикову. На уровне предыдущего поколения начало понемногу вспыхивать и как бы искрить. Отец Сурикова любил музыку и хорошо пел. Дядя художника — Хозяинов, рисовал и писал маслом. Другие дядья тоже рисовали, копируя с литографий. Мать, хотя и была неграмотная женщина, плела великолепные кружева и с большим вкусом вышивала гарусом и бисером целые картины. Василий Иванович свидетельствовал потом: «Мать моя не рисовала, но раз нужно было казачью шапку старую объяснить, так она неуверенно карандашом нарисовала: я сейчас же ее увидел».

Талант, значит, был как данность. Но, конечно, нужны были другие, теперь уж внешние условия, чтобы он не ушел еще дальше, в последующие поколения, либо не погиб, едва-едва проявившись.

Николай Васильевич Гребнев, которому нигде нет памятника, прежде всего повинен в том, что Россия имеет Сурикова. Скромный провинциальный учитель рисования заметил проклюнувшийся из красноярского быта яркий и как бы даже нездешний росток. Дальнейшее можно сравнить именно с внимательным уходом садовода за редким, дорогим, случайно доставшимся цветком.

Суриков вспоминает об учителе: «Гребнев меня учил рисовать. Чуть не плакал надо мной. О Брюллове мне рассказывал, об Айвазовском, как тот воду пишет,— что совсем как живая; как формы облаков знает. Воздух — благоуханье. Гребнев брал меня с собой, где акварельными красками заставлял сверху холма город рисовать. Плэн-эр, значит. Мне одиннадцать лет тогда было. Приносил гравюры, чтобы я с оригинала рисовал. «Благовещение» Боровиковского, «Ангел молитвы» Неффа, рисунки Рафаэля и Тициана... Я очень красоту композиции любил. И в картинах старых мастеров больше всего композицию чувствовал. А потом начал ее и в природе видеть». А потом, добавить бы нам от себя, в расцвете и славе Сурикова будут называть композитором.

Но это потом. Надо ведь еще выбраться из красноярской глуши. Подросшее, взлелеянное художником-неудачником растеньице нужно было пересаживать в столичную, петербургскую почву. На поездке в Академию художеств настаивал все тот же Николай Васильевич Гребнев, который, наверное, почувствовал, что, может быть, только теперь он вправе сказать себе, что прожил на земле не зря. Чувство это необходимо каждому художнику, в особенности неудачнику, кончающему свои дни в ранге учителя рисования в сибирском казачьем городке Красноярске.

К этому времени пенсия матери Сурикова составляла три рубля в месяц, да еще десять рублей приносила сдача жильцам верхнего этажа. Правда, сам Суриков уже умел выручать кое-какие деньги, например, за раскраску пасхальных яиц — по трешнице за сотню. Что касается матери, то она готовила Васю в чиновники. Был сделан первый шаг: будущий Суриков поступил писцом в Красноярское губернское управление.

Подробные сведения обо всем этом можно, разумеется, найти в любом изыскании о Сурикове. Мне просто хочется отметить те внешние условия, от которых зависела судьба таланта, а также впоследствии ту распорядительность, с которой отнесся к своему таланту сам его невольный обладатель. На Сурикове все это виднее, чем на ком-либо другом.

Итак, есть талант, нашелся первый садовод, наступила пора пересаживать талант в иную, а именно в столичную почву. Губернатор П. Н. Замятин устраивает у себя званый обед. Приглашаются наиболее именитые, то есть наиболее богатые, граждане. Во время обеда губернатор неожиданно предлагает устроить складчину, чтобы на собранные деньги отправить подающего надежды Сурикова в Петербург, в Академию художеств.

Характеры в Сибири попадались размашистые, только чуточку раззадорь. Золотопромышленник П. И. Кузнецов решает один, без мелочной складчины, покровительствовать будущему художнику. В наших теперешних книгах слово «покровитель» берется обыкновенно в кавычки. Никак мы не можем допустить, чтобы золотопромышленник оказался вдруг покровителем. Не вяжется одно с другим в нашем сознании.

Дальнейшая судьба таланта зависела теперь единственно от того, как распорядится им сам хозяин. Если не касаться столь сложного и столь не тронутого никакой наукой вопроса, что, может быть, во многих случаях именно талант является хозяином положения, именно он, может быть, диктует поведение, подчиняющегося ему, исполненного тщеты обиталища. Прочтите у Пастернака: «Когда строку диктует чувство, оно на сцену шлет раба».

Так или иначе можно и в дальнейшем допустить несколько разных вариантов. Юноша попадает из глуши в блистательную столицу. Вы только подумайте, сколько всевозможных соблазнов! Самый первый и самый страшный — мода. Общественное мнение. Газетная шумиха и критиканство. Видимость успеха, от которого может закружиться юная голова...

Где успех, там и деньги. А где деньги, там и желание получать их все вновь и вновь. По физической силе и выносливости красноярский казак мог бы дать два очка вперед даже Верещагину, Айвазовскому и Репину, на счету которых сотни и сотни мелких, больших и даже огромных холстов.

Не будем брать другие варианты, вроде разбазаривания молодости и сил, с постепенным выходом на наклонную плоскость, в нижнем конце которой знакомая нам должность учителя рисования в Красноярске, да и то, как говорится, в лучшем случае. А кроме того, всевозможные влияния, от которых невозможно отмахнуться молодому, формирующемуся художнику! И действительно, беда замахивалась над буйной казацкой головой. Одно время Сурикова потянуло к античному миру, к классике, к академизму. Уж к старости он однажды воскликнул: «Ведь у меня какая мысль была: Клеопатру Египетскую написать! Ведь что бы со мной было!»

А кроме того, всевозможные эти группировки, мелкое политиканство, мышиная возня самолюбий, метание от темы к теме, от мнения к мнению... Я о том говорю, что, наверно, нелегко, когда закувыркаешься в кипящем и бурном котле, сразу и определить, где право, где лево, где верх, где низ.

Красноярский казак посмотрел, послушал, все понял и выбрал для себя линию поведения сразу и навсегда. Всякому бы из нас такую непреклонность, такое железо в характере!

А характер между тем понадобился с первых шагов. Ему предоставили по окончании академии двухгодичную поездку за границу на казенный счет. Этих поездок удостаивались наиболее одаренные выпускники. И вот неожиданно для всех одаренный выпускник Суриков отказывается от поездки за границу, а вместо нее просит позволения расписывать внутри храм Христа Спасителя, строящийся в Москве.

Из монографии в монографию ходит и повторяется смакуемая подчас сплетня о том, что Суриков был неправдоподобно скуп и жаден. Но если бы это было так, он, Суриков, при его работоспособности, писал бы день и ночь десятки и сотни картин, которые тотчас превращались бы в желанные деньги. Отчего же между картинами проходит по нескольку лет? Отчего же за всю долгую, непраздную жизнь — всего лишь семь основных картин? Семь полотен, семь поэм, семь совершенств, семь ступенек к вершине славы, не только своей, но и главным образом русского искусства.

Ну да, он не кутил, не играл в карты и на бегах, не роскошествовал, не заводил лишней (и вообще дорогой) мебели, не покупал ничего лишнего. Ну да, деньги были у него расписаны по годам, месяцам и даже дням. Но зато он имел возможность не заниматься поденщиной. Зато он имел возможность позволить себе другую, а если вдуматься,

В. Суриков. 1848—1916. СТЕПАН РАЗИН. 1907. Деталь картины. Государственный Русский музей.

В. Суриков. ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ ЕРМАКОМ. 1895.

Государственный Русский музей.

В. Суриков. ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА. 1891. Деталь картины.

Государственный Русский музей.

наивысшую роскошь — делать только то, что сам, как художник, считаешь нужным. Он весь был собран в единый крепкий кулак. Задумывая картину, он мыкался по донским степям в поисках казачьих типов, в поисках боевой казачьей утвари. Чтобы в точности воспроизвести пороховницу семнадцатого века, он готов был мчаться за тридевять земель. Такую роскошь он мог себе позволить.

Когда же картину выставляли и с какого-нибудь фланга начиналось шиканье и шипенье критиков, он мог позволить себе самую сладкую роскошь — наплевать на все и спокойно углубиться в обдумывание, в вынашивание, в создание нового полотна.

Он смотрел на деньги с единственно правильной точки зрения: они обеспечивали ему независимость, свободу и гражданского и творческого поведения.

...Семь шедевров Василия Ивановича Сурикова распределяются так: три первых (по времени написания) — в Третьяковской галерее, четыре остальных — в Русском музее.

Я спрашивал многих людей. Мнения разделяются. Большинство считает все же «Боярыню Морозову» вершиной суриковского творчества, хотя многие любят «Меншикова в Березове» и «Утро стрелецкой казни». Разговаривать мне приходилось главным образом в Москве, поэтому русскомузейный Суриков как-то невольно выпадал из поля внимания. «Переход Суворова через Альпы» меня волнует гораздо меньше. Суриков долго бился над этой картиной. У него была здесь, как и в каждой его картине, дополнительная, побочная цель. Ему хотелось во что бы то ни стало передать движение. Солдаты, ряд за рядом, съезжают по отвесному снеговому склону. Важно было создать иллюзию, что нижний ряд скользит стремглав, средний — только еще набирает разгон, а верхний — едва лишь начинает движение. Иллюзия эта Сурикову удалась, и он остался очень доволен.

Точно так же его мучила задача, чтобы сани в «Боярыне Морозовой» «ехали», чтобы было полное впечатление движения саней.

Точно так же должна была плыть лодка со Степаном Разиным, и даже не плыть, а почти лететь, парить над волжским простором.

Была своя задача и в самом, пожалуй, грандиозном полотне —«Покорение Сибири Ермаком». Но здесь сложнее. Здесь понадобилось передать не движение, а мгновение остановки, когда клин из лодок и воинов Ермака врезался в широкий строй ханского войска (а тут и берег), раздавил, разорвал, смял самый передний край и, естественно, остановился. Но в том-то и дело, что еще не остановился, но останавливается, остановится через несколько секунд.

Я посидел немного в первом Суриковском зале именно перед «Ермаком», и за это время прошло несколько экскурсий. Экскурсии задерживались около Сурикова от полминуты до двух минут, не более. Молоденькие экскурсоводки говорили исключительно о «Покорении Сибири», кроме одной девушки, о чем позже. Главная мысль у всех была одна и та же: Суриков хотел показать народ. Он не выделял роль вождя. Ермак не на первом плане, а в центре толпы. Он ничем особенным не выделяется, кроме руки, протянутой вперед. На первом же плане — казак с веслом, казак с ружьем, казак, заряжающий ружье...

Замечу в скобках, что мне приходилось бывать в Русском музее и раньше, лет пятнадцать назад, и я слышал, как экскурсовод объяснял: «Ермак расположен в центре композиции, чем подчеркивается его роль вождя, атамана, полководца. Он стоит под знаменем, под Спасом нерукотворным и под Георгием Победоносцем. Чувствуется, как его воля цементирует атакующее войско. Все воины сплотились вокруг него и готовы сложить головы, но не выдать своего атамана».

Все говорят о том, что картина создает впечатление многотысячного войска, между тем как изображено не более шестидесяти человек. Один экскурсовод выделял свирепого татарина на переднем плане, другой — растерянного эвенка, третий — казака, выдергивающего из своей груди стрелу, или обращал внимание на самого хана Кучума на обрыве. Но так или иначе все говорили о покорении Сибири Ермаком. Только одна очень милая светловолосая девушка повернула экскурсию лицом к противоположной стене и стала рассказывать о «Взятии снежного городка».

Было время, когда я проходил мимо этой картины, взглядывая на нее почти с недоумением. Судите сами: Суриков — исторический живописец. Он титан. Он выворачивает из истории такие глыбы, что каждая из них эпоха. И всюду трагизм. А еще точнее, героический трагизм, угаданные душой художника огромные внутренние конфликты, проецируемые в то же время на историю России, на отечество, на народ.

На телегах свозят стрельцов на казнь. Они обречены. Один крестится и прощается с народом. Около другого плачут родственники. Третье преображенец, бережно поддерживая, повел на плаху. Что-то будничное, будто съехались на лошадиный базар. А между тем через минуту польется кровь, и бородатый стрелец, отодвинув случайно оказавшегося около плахи царя, скажет: «Отойди-ка, царь, здесь мое место!»

Говорят, толчком к написанию «Казни» послужило подсмотренное где-то отражение пламени свечи на белом полотне (в картине оно на рубахе стрельца). С точки зрения живописной задачи и колорита — возможно. Но не слишком ли мало? Можно ведь было изобразить упомянутое пятно и в другом сюжете. Ну, там покойник под простыней, ну, там венчание, ну, там мальчик в холщовой рубахе на богомолье... Да мало ли... Нет... Казнь! Казнь непримирившихся стрельцов, спокойных, уверенных в своей правоте (постояли за старую Русь, за истинную православную веру), нераскаявшихся и нераскисших: «Отойди-ка, царь, здесь мое место!» «Твоя взяла, и получилось мое место. А могло бы быть вовсе не мое. Твоя взяла, руби!» По некоторым свидетельствам, Петр рубил и собственноручно.

Картина совершенна во всех отношениях. Разве что (единственный случай в творчестве Сурикова) немного не найден размер; немного замельчена. Но это была первая картина, и некоторая робость перед размерами вполне естественна. Зато потом уж все решалось тютелька в тютельку, до сантиметра.

О «Боярыне Морозовой» не говорю. Тоже будто бы натолкнула черная ворона, сидящая на белом снегу. И писал бы ворону. Пишут же художники и ворон, и галок, и зверей, и просто кустик, и даже просто селедку на тарелке. Все есть жизнь, и все есть живопись. Остальное зависит от масштаба.

Когда рассказывают про целую эпоху негодными живописными средствами — плохо, то есть даже ноль, если живопись без живописи, какая бы эпоха ни была. Когда рассказывают про селедку прекрасными живописными средствами — хорошо. Допустим даже прекрасно, ибо живопись должна быть живописью и ничем иным. Но когда прекрасными живописными средствами рассказывают о величии человеческого духа, тогда... тогда-то вот и получается настоящее, подлинное человеческое искусство.

В какой-то книге я читал... Но нет, неправда, неправда, что при восприятии картины, изображающей селедку, могут возникнуть в душе человека исторические ассоциации, высокие гражданские чувства, начнут оформляться собственные воззрения на мир, на историю, начнут формироваться собственные гражданские задачи. Что же делать, русское искусство не всегда было хорошо по живописи (ну, или там по литературным, чисто художественным качествам), но оно всегда стремилось быть искусством духа. В Сурикове мы видим замечательный синтез и духа и в узком смысле слова живописного мастерства.

Вот я и говорю, что, подолгу простаивая перед «Боярыней», перед «Меншиковым», перед «Казнью», перед «Степаном Разиным», перед «Ермаком», я недоуменно проходил мимо «Снежного городка». Как будто это даже и не Суриков, настолько «Снежный городок» казался мне на отшибе от всего остального, трагического и по сути своей кровавого искусства, хотя ни на одном холсте нет ни пятнышка крови.

Смотрите: казнь, боярыня, которую все равно казнят, побоище Ермака, суворовские солдаты, и Разин — не голубок и Меншиков... И вдруг на фоне этих грандиозных исторических полотен какое-то странное до нелепости взятие снежного городка. Но вот однажды я задержался перед этой картиной на минуту дольше, загляделся на свет, проникающий под санки (под те, что справа), залюбовался расписной дугой, перевел глаза на яркий красный кушак, да и не ушел от картины, пока не кончилось музейное время. В этот день я понял, что «Взятие снежного городка», может быть, самая удивительная из всех картин Василия Ивановича Сурикова, одно из самых удивительных произведений русской живописи.

Принято считать, что Суриков отдыхал на «Меншикове» перед «Боярыней Морозовой» и точно так же отдыхал на «Снежном городке» перед могучим «Покорением Сибири».

Несомненно, что и события личной жизни сыграли соответствующую роль. Вот случай, когда можно не постыдиться затасканной аллегории: в могучий, кряжистый дуб неожиданно ударила молния. Сурикову было сорок лет, когда он завершил третью свою картину. Его искусство катилось, словно огромные океанские валы. За валом вал. Пока что прокатился третий. У художника было все: силы, сознание правильности выбранного пути, любимая работа, любимая семья, любимое отечество и ощущение кровной, сыновней связи с ним.

Молния ударила не в самое смертельное, но, может быть, в самое больное место... Умерла жена, прекрасная молодая женщина, та, что сидит у ног опального Меншикова, завернувшись в соболью шубку.

Сначала художник схватился за то, что, пожалуй, было ближе всего под руками. Михаил Васильевич Нестеров так рассказывает о своем друге: «После тяжелой мучительной ночи вставал рано и шел к ранней обедне. Там, в своем приходе, в старинной церкви, он пламенно молился о покойной своей подруге, страстно, почти исступленно, бился о плиты церковные горячим лбом... Затем, иногда в вьюгу и мороз, в осеннем пальто, бежал на Ваганьково и там, на могиле, плача горькими слезами, взывал, молил...».

Недавно один, как видно, специалист и теоретик в этом деле убеждал меня, что большой корабль можно потопить, только торпедировав его сразу в несколько разных отсеков. Речь шла не то о гибели Есенина, не то о гибели Маяковского. Применительно к человеку, значит, этими «отсеками» в устах теоретика были: любовь, творчество, быт и семья, материальное благополучие.

Суриков был не только большим кораблем, но и кораблем повышенной плавучести, потому что и любимое дело и любимая родина стояли у него отнюдь не на последнем месте. Он был одержимым художником, а любовь к своему народу, чувство народа были его основной натурой. Только на время выронил он кисть из рук. Нужно же было инстинктивно, непроизвольно схватиться за раненое место. Год спустя он едет на родину, в Красноярск. Его могучие душевные резервы пришли в движение и действие. И вот вам великая загадка человеческой психологии вообще и психологии творчества в частности. В наиболее мрачный и тягостный период своей жизни Суриков создал самое яркое, самое жизнеутверждающее полотно. Оно все как один сплошной крик радости, вспышка веселья, смеха. Такое можно было сотворить только от избытка и физического и духовного здоровья, вдруг плеснувшего через край. Вероятно, такого здоровья было вдоволь у народа, к которому художник обратился в конце концов в тяжелую для себя минуту.

Вы только вглядитесь, с какой любовью выписано каждое лицо: девичье, женское, мальчишечье,— какой радостью светятся все они. А ковер на санках, а горностаевый воротник, а эти разноцветные шубки, платки, кушаки и пимы, а эта удалая серьезность на лице седока-победителя! Эти расписанные дуги, красивый, веселый и благополучный народ в минуту своей удалой игры — вот что такое «Взятие снежного городка».

Да, умеем воевать, врезаясь клином в кучумовские орды либо преодолевая заснеженные Альпы; умеем бунтовать (вскинутые боярыней два перста); умеем атаманствовать (летящая, как на крыльях, ладья атамана Разина), но умеем и веселиться.

Прошу вас, когда случится быть в Ленинграде, обязательно сходите в Русский музей, а придя в него, постойте перед удивительным творением Василия Ивановича Сурикова —«Взятием снежного городка». Поглядите, почувствуйте Россию.

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

Советская литература понесла тяжелую утрату — скончался народный поэт Грузии, действительный член Академии наук Грузии, трижды лауреат Государственной премии Георгий Николаевич Леонидзе. Творчество выдающегося поэта стало классикой не только грузинской литературы, но и ценным достоянием всей многонациональной советской литературы. Георгий Леонидзе был не только замечательным поэтом, но и талантливым прозаиком и крупным ученым, обогатившим своими трудами науку о языке и литературе.

Произведениям покойного поэта суждена долгая жизнь. Светлая муза Георгия Леонидзе продолжает служить советскому народу.

НЕТ, НЕ СМОЛКНУ

Растают снега, и май зазвенит.
С грозой и дождями нет сладу.
И скалы сверкающей пылью дробит
Весенняя мощь водопадов.
Нет, не успокоюсь! Я силу мою,
Красоты грузинского слова
Народу, надеждам его отдаю,
Путям, им проложенным, новым,
Всему, что любимо в народе родном,
Что жаждет очаг мой кавказский.
И если грохочет в стихах моих гром,
То вслед моя нежность и ласка.

В ВЕЙМАРЕ

Я в Веймаре. Здесь Гёте дом.
Все здесь его величьем дышит.
В цветущих липах под дождем
Пришелец имя Гёте слышит.
Поэта мудрого завет —
Бессмертный гимн грядущим веснам.
А душегубов больше нет,
Летевших с грузом смертоносным.
Когда я посмотрел вокруг,
Я потрясен был страшной встречей,
З д е с ь Бухенвальд увидев вдруг.
Его чудовищные печи.
Дом Гёте? Печи палачей?
Представить трудно это вместе.
Кто сделал так, по воле чьей
Смешали мудрость и бесчестье?
О лавроносец, полубог,
Встань в славе, при звездах, как в праздник
Чтоб ты свой край увидеть смог
Без нечистей позорных разных.
Во тьме планету утопить
Матерые убийцы жаждут,
Готовы кровь, как раньше, лить,
Как было это не однажды.
Но жизнь бессмертную хранит
Народ, подняв свой меч и щит.
Ах, утро в Веймаре! Я тут
Благоуханье лип вдыхаю.
Ребята с песнями идут.
И жизни нет конца и краю.
Я в Веймаре, где все в цвету.
Он, липами шумя, ликует
И, славя мир и красоту,
Над Бухенвальдом торжествует.

Перевел с грузинского Александр ГАТОВ.

Ана Мария МАТУТЕ

Рассказ

СЧА

Когда Лоренсо приехал на рейсовом автобусе в городок, уже смеркалось. Вода в кювете искрилась, как бы усыпанная мельчайшими блестками. Деревья, голые и черные, вырисовывались на фоне серо-голубого неба.

Автобус остановился против казармы гражданской гвардии. Двери и окна ее были уже закрыты. Над дверной вывеской тускло светилась лампочка. Несколько женщин, почтальон и полицейский ждали прибытия почты.

Выйдя из автобуса, Лоренсо почувствовал, как поскрипывает иней под ногами. Холод обжег лицо. Когда снимали с автобуса багаж, к нему подошел мужчина.

— Вы дон Лоренсо, новый доктор?— спросил он.

Лоренсо кивнул.

— Атилано Ригомес, альгвасил, к вашим услугам.

Он взял у приезжего чемодан, и они направились в сторону видневшейся невдалеке деревни. Темнота наступающей ночи окутала стены, камни, навесы. За деревней расстилалась равнина, слегка волнистая, с рассыпанными по ней зигзагообразно маленькими огоньками. Направо — мрачная тень соснового бора.

Атилано Ригомес шел быстрым шагом.

— Я должен сказать вам кое-что, дон Лоренсо.

— Говорите.

— Вам уже сообщили о наших трудностях с жильем? Вы знаете, что в этой деревне нет даже постоялого двора?

— Но мне сказали...

— Да, вам скажут! Судите сами: никто никого не хочет принимать в дом, не говоря уже о враче. Плохие наступили времена, знаете ли. Все здесь говорят, что как следует и накормить-то не сумеют... Мы сами можем обойтись чем-нибудь: куском копченого мяса, несколькими картофелинами... Женщины работают так же, как и мы. И зимой у них хватает забот. Они никогда не сидят без дела. Поэтому они не могут заниматься приготовлением всяких разносолов. Да они и готовить-то не умеют... Извините, дон Лоренсо. Уж такая у нас жизнь.

— Хорошо, но где-нибудь я должен остановиться...

— На улице вы не останетесь! Хотя те, которые согласились сначала принять вас, в последний момент отказали. Но все устроится.

Лоренсо остановился в замешательстве. Атилано Ригомес, альгвасил муниципалитета, обернулся, чтобы посмотреть на него. Сейчас доктор показался ему слишком молодым: круглые совиные глаза, кудрявая голова, руки запрятаны в карманы потертого пальто.

— Только не унывайте. На улице вы не останетесь. Но должен вам сказать, в настоящее время только одна женщина согласилась приютить вас. И еще хочу заметить, дон Лоренсо, что она, бедняга, сумасшедшая.

— Сумасшедшая?

— Да, но совсем безобидная. Не огорчайтесь. Я предупредил вас, чтобы вы не удивлялись тому, что она будет говорить... В остальном же она опрятна, миролюбива и очень аккуратна.

— Но не в себе... Какой вид сумасшествия?

— Ничего серьезного, дон Лоренсо. Это... знаете ли... Когда на нее находит, она говорит несуразности. Впрочем, я уже сказал — она тихая. Но вы остановитесь у нее всего на два-три дня, до тех пор, пока не найдется чего-нибудь получше.

Дом стоял в конце крутой улочки. Он был очень мал, с полусгнившим деревянным балкончиком. Рядом с домом — пустая конюшня.

Женщина с керосиновой лампой в руках открыла дверь. На вид ей было лет сорок, лицо широкое и приветливое, на голове платок, завязанный на затылке.

— Добро пожаловать в этот дом,— сказала она, мягко улыбаясь.

Ее звали Филоменой. В кухне, вблизи зажженного очага, она накрыла ему стол. Все было бедно, чисто, опрятно. Стены кухни были заботливо выбелены, и пламя отражалось красными отблесками на меди котелков и на желтом фаянсе горшков.

— Вы будете спать в комнате моего сына,— сказала она несколько приглушенным голосом.— Сын мой сейчас в городе. Вот увидите, какая это хорошенькая комната!

Он улыбнулся. Какое-то странное сочувствие вызывала эта маленькая женщина с быстрыми, ловкими движениями.

Комната была маленькая; железная кровать покрыта красным одеялом с длинной бахромой. Деревянные полы чисто вымыты. Пахло жавелем и известью. На комоде блестело зеркало, в углу которого были воткнуты три розы.

Женщина скрестила руки на груди.

— Здесь спит мой Маноло,— сказала она.— Поэтому можете себе представить, как я ухаживаю за этой комнатой!

— Сколько лет вашему сыну?— спросил он, чтобы что-нибудь сказать.

— Тринадцать исполнится в августе. Но он такой умный! А глаза какие!..

Лоренсо улыбнулся. Женщина смутилась.

— Извините, я понимаю, это все глупости, что я говорю... Но у меня в целом свете нет никого, кроме Маноло! Знаете ли, мой бедный муж умер, когда мальчику было два месяца. С тех пор...

Она пожала плечами и вздохнула. Ее светло-голубые глаза подернулись задумчивой грустью. Затем она быстро направилась к двери.

— Извините, подавать вам ужин?— спросила она уже на пороге.

— Да, я сейчас приду.

Когда Лоренсо вошел в кухню, женщина подала ему тарелку супа. Суп был вкусный.

— У меня есть вино,— сказала она робко.— Если вы хотите... Я всегда держу его про запас... к приезду моего Маноло.

Он начинал ощущать странное умиротворение в этом доме. Ему часто приходилось кочевать с места на место, останавливаться в вонючих пансионах, окруженных высокими серыми стенами, в сумрачных кварталах. Здесь же кругом была земля, прекрасная и большая, которая была ему близка и понятна.

Эта женщина безумна? Какая же это разновидность безумия? Ведь в ее широких и смуглых руках, продолговатых и полных покоя глазах есть что-то от самой земли.

Ана Мария Матуте — известная испанская писательница — родилась в 1926 году в Барселоне. Первый свой рассказ, «Театр марионеток», опубликовала, когда ей исполнилось 18 лет. Через два года выпустила роман «Авели», который принес ей литературную премию (1947 г.). Затем один за другим выходят рассказы и романы писательницы; некоторые из них вновь удостаиваются литературных премий.

В 1964 году в переводе на русский язык вышел роман А. М. Матуте «Мертвые сыновья». Публикуемый ниже рассказ взят из сборника «Артамилские рассказы» (1961 г.).

СТЬЕ

Рисунок Г. ФИЛИППОВСКОГО.

— А что делает ваш Мануель?— спросил он.

— Он на выучке у сапожника... там и другие есть. А он самый сообразительный! Вот посмотрите, какие башмаки он сделал мне к прошлому рождеству. Я даже не решаюсь их обновить.

Она вернулась с вином и картонной коробкой. Не торопясь налила ему вино жестом учтивой хозяйки, которая знает цену хорошим вещам. Потом открыла коробку, из которой пахнуло запахом кожи и горького миндаля.

— Смотрите, мой Маноло...

Это были простые ботинки из серой замши.

— Очень хорошие.

— Нет ничего в мире лучше, чем иметь сына,— сказала Филомена, пряча ботинки в коробку.— Я вам говорю: нет ничего лучше.

Потом она подала ему мясо и села у огня, скрестив руки на коленях. Они лежали спокойно, и Лоренсо подумал, что от этих огрубевших рук исходил необъяснимый, странный покой.

— Знаете,— сказала Филомена, смотря в пламя печи,— у меня не было причин для особого веселья. Только вышла замуж и осталась вдовой. Муж мой был поденщиком, и у меня не было никакого добра. Только своим трудом я могла жить. Но у меня был он, мой сын, и потому я была очень счастлива. Да, сеньор, очень счастлива. Видеть, как он растет, видеть его первые шаги, слышать, как он начинает говорить... Какая женщина не будет работать до изнурения, чтобы только увидеть это? Ну, а сколько было радости, когда он выучил буквы, почти одним махом! Знаете, здесь говорят, что я сумасшедшая... Сумасшедшая, потому что я оторвала его от земли и послала изучать ремесло. Потому что я не хочу, чтобы он стал человеком, сожженным землей, каким был его бедный отец. Сумасшедшая, мне говорят, знаете, потому что я не даю себе отдыха только ради одной цели: послать моему Мануелю деньги на оплату пансиона, покупку одежды и книг. Он такой любитель чтения! И такой любознательный, знаете. У скобянщика я купила две книги с цветными гравюрами, чтобы послать ему. Я потом вам покажу... Я не умею читать, но они, должно быть, интересные. Моему Мануелю они понравятся. В школе он получал самые лучшие отметки. Иногда он навещает меня. Был на пасху и снова приедет к сочельнику.

Лоренсо слушал молча и смотрел на нее. От женщины, сидевшей у огня, казалось, исходило сияние. Такой свет иногда исходит от земли, там, вдалеке, у самого горизонта. Великий покой, полный покой земли был в голосе женщины. «А здесь хорошо,— подумал он.— Наверное, я отсюда не уйду».

Женщина встала и убрала тарелки.

— Вот вы его увидите, когда он приедет на рождество.

— Мне очень хочется познакомиться с ним,— сказал Лоренсо.— Правда, очень хочется.

— Безумной меня зовут,— сказала женщина. И ему показалось, что в ее улыбке была вся мудрость земли.— Безумная, потому что не сдеваюсь, не обуваюсь, не позволяю себе ничего лишнего. Но они не знают, что это не самопожертвование. Это эгоизм, только эгоизм. Разве все то, что я делаю ради него, я делаю не для себя? Разве он — это не я сама? Этого не понимает никто. Ах, не понимают ни мужчины, ни женщины.

— Сумасшедшие — это другие,— сказал Лоренсо, покоренный ее тихим голосом.— Безумны другие.

Он поднялся. Женщина продолжала смотреть в огонь, как завороженная.

Когда он лег в кровать Мануеля, на жесткие простыни, как будто еще не обновленные, ему показалось, что счастье — широкое, далекое, свободное — окутало все уголки этого дома, наполняя и его, словно музыкой.

На следующее утро, около восьми, Филомена осторожно постучала в дверь.

— Дон Лоренсо, альгвасил пришел к вам...

Он набросил на плечи пальто и открыл дверь. Атилано стоял там с палкой в руке.

— Доброе утро, дон Лоренсо. Все уже устроилось. Хуана Гуадаррамас согласилась принять вас. Вот увидите, у нее вам понравится.

Лоренсо прервал его сухо:

— Я не хочу никуда идти. Мне и здесь хорошо.

Атилано посмотрел в сторону кухни. Слышался звон посуды. Женщина готовила завтрак.

— Здесь?

Лоренсо вспылил, как маленький.

— Эта женщина не безумна!— сказал он.— Она — мать, она хорошая женщина. Вовсе не безумна та женщина, которая живет своим сыном... Только своим сыном... и полна этим счастьем...

Атилано грустно опустил глаза, а затем предостерегающе поднял палец и сказал:

— У нее нет никакого сына, дон Лоренсо. Он умер от менингита по крайней мере года четыре назад.

Перевела с испанского
И. Ефимова.

Копилка Закариадзе...

Лир в сцене из третьего акта.

Разбойник из спектакля «Чинчрака».

Тбилисские сапожники утверждают, что во время спектакля «Под тенью Метехи» дядюшка Шакро — С. Закариадзе успевает починить не одну пару обуви.

Судья Денфорд в «Сейлемском процессе».

Г. СМЕТАНИНА

Фото И. КУРХУЛИ.

...Фильм о старом кахетинском крестьянине, отправившемся на фронт разыскивать сына, доверчивом и простодушном добряке, который становится мстителем, обошел весь мир. Картина была показана в 104 странах. И вместе со своим героем Серго Закариадзе тоже побывал во многих странах, сделав своего героя для миллионов зрителей человеком еще более понятным и близким.

Актер громадного творческого диапазона, Закариадзе сыграл в театре и кино свыше ста ролей. Он создал и комедийные и трагические образы, всегда глубоко философские.

Всю жизнь он старается ближе, полнее узнать человека, изучить и понять как можно больше людей, чтобы найти, говоря его словами, «ключ, которым можно открывать душу, ибо для каждого образа есть только свой ход, только свой инструмент». Может быть, поэтому Серго Александрович за всю жизнь ни разу не отдыхал в общепринятом смысле этого слова. Когда у него есть свободное время, он совершает путешествия по Грузии, обходя свою страну пешком, с рюкзаком за плечами. Ему это так же необходимо, говорит он, «как шило и молоток сапожнику, как пила и рубанок плотнику». Вот почему в игре Закариадзе всегда можно отличить гурийского крестьянина от кахетинского, свана — от месхи, и даже пьяный сапожник дядя Шакро ничуть не похож у него на пьяного крестьянина Алмасхана.

— В искусстве богат тот, кто накопил. А чтобы накопить, надо вложить огромный труд, надо не лениться,— так считает Закариадзе.— Кто ленится, кто перекладывает дела на завтра, тому трудно собрать душевные — а они-то и есть для актера — главное! — сокровища. И надо быть жадным, ненасытным!.. Чем эти качества острее, тем обеспеченнее твое театральное будущее! Те черты, внешние и внутренние, которые я выразил в «Отце солдата», найдены мною давно — лет на 20—30 раньше, чем я обнаружил их в своем нынешнем герое...

* * *

В творческую лабораторию Закариадзе мне посчастливилось проникнуть с первых минут знакомства с артистом.

В темном зале Тбилисской киностудии вспыхивали и гасли слова: «Тихо, идет звукосъемка». Озвучивалась новая картина режиссера Сико Долидзе, где Серго Закариадзе играет кулака Алмасхана — человека злого, затаившегося.

На экране умирала в роли бессловесной жены Алмасхана Пелагеи замечательная актриса Верико Анджапаридзе. У ее героини, прикованной к постели параличом, жило только лицо, полное муки. Алмасхан-Закариадзе подходил к ней пританцовывая, навеселе, с широченной улыбкой, напевая вполголоса старинную грузинскую песню. Добряк-добряком был этот Алмасхан у Закариадзе, и как-то не хотелось верить сценарию, где говорилось, что перед вами жестокий человек, никого и ничего не щадящий на своем пути. Сначала актер только невнятно напевал мелодию перед микрофоном, затем повторил роль полным голосом, а потом, все более и более проникаясь настроением, стал проигрывать ее во всю силу.

— Приготовились,— снова и снова повторял оператор.— Проба!..

Проб было бесчисленное множество. Экран опять вспыхивал и гас. Звук прослушивали отдельно и вместе с кадрами. Получалось хорошо, но актер все не был удовлетворен. И каждый раз он искал новую интонацию — ту единственную, которая должна стать самой выразительной.

Кругом все чувствовали точность, достоверность актерской работы, а Серго Александрович все еще не был доволен и опять стал повторять роль.

О работоспособности актера, о его требовательности к себе и к окружающим ходят легенды. Его неутомимость, поглощенность работой как-то подтягивают всех, кто находится рядом,— будь то партнер по пьесе, гример, костюмер или просто рабочий сцены... Актриса Саломэ Канчели, которая больше двадцати лет знает Серго по сцене и вместе с ним сыграла еще лермонтовский «Маскарад», а сейчас играет Гонерилью в «Короле Лире», рассказывает, что работать с Закариадзе столь же интересно, сколь и сложно. Он всегда нов, и не только в каждой новой роли, но и на каждом представлении. В спектакле Когоута «Такая любовь», который с громадным успехом прошел более 150 раз, Серго лишь считанные разы похвалил партнершу, сказав: «Вот сегодня — молодец!»

...«Жил в Грузии мастер... Он счастья не знал» — это стихи Табидзе о Нико Пиросманишвили.

Иван ХАРАБАРОВ

Настоящая жи

НА КРАЮ СВЕТА

Край света есть.
Вы не бывали там?
А впрочем, объясню, не ждя ответа:
На острове курильском Шикотан
Есть отдаленный мыс такой —
Край света.

Здесь резко обрывается земля.
Конец, конец ей, солнечной и нежной.
А дальше —
то ли лунные поля,
То ль в блеске солнца океан безбрежный.

Захватит дух, когда посмотришь вниз:
Там острый мыс
скалистым истуканом,
Совсем как тот угрюмый древний сфинкс,
Стоит в молчанье перед океаном.

А океан о берег глухо бьет.
Здесь, кажется, конец всего земного.
Но рядом дом, нехитрый огород.
И даже бродит пестрая корова.

И хоть вода, одна вода вдали,
И влага даже в воздухе осеннем,
Но грустно-грустно пахнет свежим сеном
У Края света, на краю земли!

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ РЕКУ БЕЛУЮ В СИБИРИ

Стоят на пароме, морозом дыша,
Все в ватниках — женщины и мужчины.
На зыбкий дощатый паром не спеша
Спокойно и грузно вползают машины.

И лошадь, взломав возле берега лед,
Взошла на паром, чуть у края замешкавшись.

— Ну что же, готов к отправлению флот,—
Паромщик-старик замечает с усмешкою.

Но стал наш паром —
ни вперед, ни назад:
Шуга!
Заработали люди баграми.
И вот заскрипел и напрягся канат.
Улыбки на лицах у всех заиграли.

И вот обступает меня красота,
Вовеки невиданная и особенная:
Вода, как слезинка, светла и чиста,
Из горных речушек по капельке собранная!

Пестры и суровы стоят берега —
То темные,
то малахитово-медные.
Плывет по серебряной глади шуга,
Как стая гусей,
величаво и медленно.
Паромщик, пуская махорочный дым,
В который уж раз говорит мне, что будто

Сейчас мало кто помнит, каким был в жизни Пиросмани — необыкновенный художник из народа. Человек чистый и непосредственный, как краски на его картинах, наивный и доверчивый, как люди, которых он писал, Нико предстал перед тбилисцами таким, каким создал его на сцене Закариадзе: простым и открытым, всецело поглощенным своим творчеством, очень уязвимым... Сейчас и фильм о Пиросмани готов, вскоре его увидят все.

Вживаемость Закариадзе в образ поражает порой даже тех, кто много лет близко знает актера. Известный кинорежиссер Сико Долидзе — он открыл Закариадзе еще в 1931 году и с тех пор поставил шесть фильмов с его участием — говорит, что, готовя роль старого почтальона в фильме «День последний, день первый», Серго похудел на 16 килограммов, так как, по его мнению, настоящий почтальон не может быть полным,— ведь сколько у него беготни!..

— Однажды мы с Серго — он в гриме и костюме почтового служащего, с сумкой, полной газет,— зашли к министру связи; Серго скромно остановился в дверях. Министр, разговаривая со мной, все посматривал на Серго, а потом не выдержал и спросил: «А вы кто? Из какого почтового отделения?..»

• • •

Трудно определить, когда понял Серго Закариадзе, что главное в его жизни — сцена. Может быть, это началось у него с участия в детском спектакле, где в роли было одно-единственное слово. Может быть, пришло с песенкой, спетой неокрепшим, детским голосом. Или возникло в те вечера, когда родители Серго, уложив детей спать, уходили в театр, а он, выскользнув из дому вслед за ними, пробирался тайком на галерку и с жадностью впитывал новые впечатления. Все другие увлечения пересилила тяга к театру. Но Серго не это считает важным и главным. А то, что, начав статистом в театре Руставели и играя потом под руководством выдающегося режиссера своего времени Котэ Марджанишвили, он вместе с ведущими актерами грузинского театра не боялся черновой работы и неуклонно, требовательно, жадно шел к мастерству, к поискам самого себя, своего места в жизни, в искусстве.

— «Я иду своей дорогой»,— повторяет Серго Закариадзе вслед за Пиросмани — своим любимым героем.

На этой дороге он всегда оставался режиссером собственных ролей, их соавтором. Он порой как бы дописывал, расширял содержание образа, делая его крупным, объемным, значительным.

Недаром в театре шутят:

— Когда Закариадзе на сцене, надо делать декорации как можно лаконичнее...

А сам актер признается:

— Меня всю жизнь увлекало творчество; так было и с Пиросмани, и с Эдипом Софокла, и вот сейчас — с Лиром. И, вероятно, не только в этих образах. У нас есть поговорка: «Ходить на волоске». Я люблю, где есть этот волосок, это «чуть-чуть» в искусстве. Ходить на волоске очень опасно, чуть — и нет его, оборвался, чуть — и нет искусства. Вот почему мне нравятся образы острые. Таким я и стараюсь играть Лира. Мы сами бываем виноваты в своих трагедиях, но как часто не осознаем этого!.. Так и Лир: мне хочется в трактовке этого образа вырваться из традиций, из привычного толкования Шекспира театром. Обычно его преподносят как мир огромных, недоступных обычному человеку страстей. А я хочу сделать Лира вполне доступным, понятным сегодняшнему зрителю. Мой Лир близок мне, я расстроен вместе с ним дочерней черствостью, неблагодарностью людской. Я хочу вложить в него человеческое страдание, происходящее от непонимания людьми друг друга, которое так часто встречается в жизни. Я играю трагедию человека, которая перерастает в трагедию государства. И когда я думаю о сложности создаваемого образа, то вижу аналогию с математикой, где присутствуют и простые арифметические величины и элементы высшей математики... Лир — это и есть высшая математика!

• • •

Жизнь Закариадзе связана со многими людьми. Представить себе актера одного, без его окружения, просто немыслимо. Руставелевцы — а многие из них находятся в театре с момента его основания — и вся актерская труппа, художники, музыканты очень сплочены и дружны. В их спектаклях — будь то древнейшая притча, классическая драма или пьеса о сегодняшнем дне — всегда присутствует точная гражданская позиция, позиция борьбы. И Закариадзе, как большое дерево, всеми корнями и ветвями связанный с театром, в своих творческих и гражданских исканиях не может не выражать главной мысли театра. Не может не решать его основной задачи. Поражаться можно только собранности Закариадзе, полноте его отдачи, умению успевать всюду, где он необходим.

Вместе со своими коллегами актер направляет широкий и сложный репертуар театра, помогает советом молодым актерам, постоянно поддерживая в них веру в свои силы. Как сказала одна актриса театра, Серго силен тем, что у него правильный взгляд. Вот этот-то взгляд и помогает всем наметить нужный ход работы и избежать в ней ошибок.

Я присутствовала на черновой репетиции пьесы Н. Думбадзе «Солнечная ночь». Это пьеса о молодежи, о том, что невозможно строить жизнь, если не веришь в себя и в другого человека. И надо было видеть и слышать Серго, когда он после репетиции вместе с автором, актерами, молодым режиссером Робертом Стуруа и театральными Кукрыниксами — так шутливо зовут в театре художников Ю. Чикваидзе, А. Словинского и О. Кочакидзе, которые работают только вместе,— обсуждал готовые куски будущего спектакля. Он и убеждал, и советовал, и спорил, и подсказывал, и поддерживал. Но больше всего он сердился за недоработки, за неточности, за неверно найденные интонации. Но это было так доброжелательно и принципиально, что никто не мог допустить и мысли об обиде.

• • •

...Каждый раз, когда приходилось видеться с Серго Александровичем, у меня было ощущение, что актеру страшно некогда, что в нем происходит скрытая внутренняя работа — какая-то творческая настройка, с которой невольно его сбиваешь...

И действительно, деля время между кино, спектаклями, репетициями, режиссерской коллегией, выездами в другие страны, встречаясь с избирателями: Закариадзе — депутат Верховного Совета СССР,— читая пьесу, сценарий, специальную литературу, Серго Александрович еще успевает продумывать книгу об актерском труде, о взаимодействии актеров и режиссеров, отвечать на десятки писем, которые приходят к нему от друзей со всех концов света...

Но вот избавь Серго от потока всех этих дел — и жизнь его, он чувствует это, станет беднее. В копилку Закариадзе входит все то, что он получает, общаясь с людьми. Поэтому-то при всей щедрости отдачи он не становится беднее.

— Если бы пришлось начать жить заново,— сказал мне актер,— я бы пошел по той же тропе, но был бы более внимательным и, может быть, еще больше взял бы от жизни! В искусстве можно быть талантливым и, несмотря на это, потеряться... При таланте необходимо иметь и счастье. А это и есть жизнь, которую строишь для тех, кто рядом.

Серго Закариадзе с внучками Нино и Тамрико.

ЗНЬ

Вон там, возле берега, ходит налим:
«Вот эдакий!
Около пуда!
Стоит это, паря,
разинувши рот,
И смотрит в глаза мне
такими вот зенками!»
А что же, быть может, старик и не врет —
Песчинка — и та здесь видна,
будто в зеркале!

Гляжу я на реку и думаю:
«Да,

Вот жизнь неподдельная,
жизнь настоящая:
И эти подводы,
и эта вода,
И в ватниках люди,
со мною стоящие!
Ей вовсе не нужен красивый покров —
Ясна и отчетлива,
как на ладошке:
С мазутом,
с веселой ругней шоферов,
С возами капусты,
с мешками картошки!»

Все шутят,
все спорят вокруг — кто о чем,
И веселы лица, от вьюг огрубелые...
А Белая тихо и плавно течет,
От снега и льдинок
и вправду вся белая!

ИНЖЕНЕР

«Да, горьких молитв тут феллах не жалел,
Труду предаваясь печальному»...
Задумчиво русский идет инженер
По берегу Нила песчаному.

Что он вспоминает?
Свой дальний Кузнецк?
Ту стройку ль под старым Кузнецком,
Подрубленных сосен стремительный треск,
Звон пил по глухим перелескам?
И он, еще мальчик,
с лопатой в руках
Врезается в землю промерзшую,
А эта земля не сдается никак,
Хоть плачь,
но ничем не проймешь ее!

Вспотел на морозе, хотя и одет
В одну телогреечку ватную.
В диковинку спецам на это смотреть
Из окон коттеджей с ваннами.
Им чистой валютой оплачены дни,
Измерена силы их трата.
Им платят исправно, и честно они
Исполнят свой долг по контракту.
А рядом —
не то что со светом, с водой,
Не то что в начищенных крагах,—
Народ все отчаянный и молодой —
В землянках,
в палатках,
в бараках!
Да, пóтом и кровью — не только деньгой —
Отчизна свой взлет оплатила
Затем, чтоб и здесь, над чужою рекой,
Сегодня вставала плотина!
Пускай нелегко ей.
Но все-таки ей
Задача великая выпала.
Во имя всесветного братства людей
Свой долг —
не контракт —
она выполнит!

А ночь отступила.
И время — жаре,
Палящему солнцу нещадному...
Задумчиво русский идет инженер
По берегу Нила песчаному.

ГЕЛИАНТУС, ЦВЕТОК СОЛНЦА

После поездки к академику В. С. Пустовойту

Николай БЫКОВ

Фото Б. Кузьмина.

Рано утром Василий Степанович уже на ногах.

О ТЕХ, КТО ВСЕГДА РЯДОМ

ВАСИЛИЙ Степанович заметно утомился от разговора, но не бросает его. В голосе появились торжественные нотки:

— Мы вправе сегодня говорить так, что советские селекционеры коренным образом переделали культуру подсолнечника.

Слова звучат немного официально, в них гордость за отечественную науку и ничего такого, что шло бы от тщеславия, от честолюбия. Такого в характере В. С. Пустовойта и в помине нет. Всем известна его нетерпеливая целеустремленность в делах и бескорыстие, даже равнодушие, когда наступает время пожинать плоды. В. С. Пустовойт—единоличный автор далеко не всех пустовойтовских сортов, он никогда не забывал заявить соавторами открытия своих учеников, а вернее, помощников, даже лаборантов, исполнителей технической стороны процесса, которым достается львиная доля физического труда при обработке материала. Вот почему этот необыкновенный селекционер значится часто соавтором своих сортов — им задуманных, но выведенных в содружестве с преданными помощниками. Вот почему он никогда не говорит: «Я, мой...»— а всегда: «Мы, советские селекционеры, наши сорта, сорта Круглика, или института масличных культур».

Полвека бок о бок с ним работал заветный друг Сергей Владимирович Рушковский.

Этот человек заслуживает особого внимания в рассказе о В. С. Пустовойте. Дело в том, что метод отбора с индивидуальной оценкой потомств требует проведения и биохимических анализов. Ведь В. С. Пустовойт вел отбор главным образом на высокую масличность. И питомник индивидуального изучения и участок третьего года, где высеваются семьи для размножения в условиях перекрестного опыления лучших с лучшими, каждый раз дают тысячи корзинок. И семена каждой требуют биохимического анализа. Так вот пропускная способность лаборатории в начале селекционного поиска была весьма ограничена. Зимы не хватало! Выведение сорта грозило растянуться на долгие десятилетия. И тогда выручил Сергей Владимирович Рушковский. Он разработал способ сухого остатка для определения содержания масла. Это было счастливое открытие. Друг как бы развязал руки селекционеру. В отбор были вовлечены тысячи вариантов одновременно. Без С. В. Рушковского селекционер был бы не в силах выстоять перед нарастающим потоком материала. После брата Евгения это самый близкий В. С. Пустовойту человек. Их всегда видели вместе — на протяжении пятидесяти лет. В лаборатории, в поле, на берегу Кубани. Они любили посидеть, помолчать.

— Так, Сережа?

— Да, Вася...

Сергей Владимирович брал балалайку или мандолину. Наигрывал... И в самые тяжелые времена они мысленно не расставались. Каждый продолжал молча общее их дело. А когда немцы подошли к пригороду Краснодара и все, кто мог, эвакуировались с институтом, то за старшего в Круглике на время оккупации оставили С. В. Рушковского. До сих пор люди помнят страшный час: немецкий офицер бил Сергея Владимировича, но подскочила библиотекарь института Н. А. Лихачева и защитила пожилого человека. А позже даже эта стойкость и преданность делу в дни временной оккупации не помогли С. В. Рушковскому. Возвратившаяся дирекция по чьему-то совету уволила его, оклеветанного, из института. Уволить могли, но отстранить от дела жизни, от друга? Не было таких сил. Василий Степанович хлопотал, как мог, за восстановление чести и доброго имени обиженного сотоварища.

Ученые и рабочие. В Круглике это была единая семья. И единой семьей институт встречал всегда до войны дорогого своего гостя — Николая Ивановича Вавилова. К таким приездам-праздникам готовились весело. Приводили еще и еще раз в порядок бесчисленные делянки, поля, жарили-парили, накрывали столы. Николай Иванович запомнился навсегда энергичным и умным, веселым и доступным, внимательным к проблемам науки и к нуждам практиков. Его любили, подлинно народного ученого, достойного президента Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени В. И. Ленина. И даже тогда, когда на Н. И. Вавилова уже легла тень гнусных наветов, когда «не рекомендовалось» его встречать, все равно были и цветы, и общий праздничный стол, и слова одобрения, и последние советы в поле. Потом этого человека не стало...

Друзья не забываются, они всегда рядом. Тридцать лет был рядом большой ученый Владимир Евгеньевич Барковский, и сейчас всегда рядом Дмитрий Парамонович Умен. Это не просто сотрудники — это история института масличных культур и в то же время страницы жизни В. С. Пустовойта. И его сорта. Ибо его дело на других селекционных станциях продолжают в иных почвенно-климатических условиях Василий Иванович Щербина, Константин Иванович Прохоров, Георгий Тимофеевич Романюк. У них уже свои сорта. Но это и жизнь В. С. Пустовойта. Его школа и его урожай.

Не только селекционеры, овладевшие методом учителя, но и рабочие. И они, отдавшие долгие и долгие годы подсолнечнику. В поле, в лаборатории, день за днем склонялись над тысячами образцов селекционного материала. Сначала были молоды, потом старились, потом стали умирать.

— Теперь рабочие не те, больше двух-трех лет не задерживаются: учиться уходят, хотят самостоятельно устроиться. А бывало, по тридцать и по сорок лет работали, великие мастера своего дела были,— несколько ворчливо говорит о своих верных помощниках, о лаборантах и рабочих, В. С. Пустовойт. Ученый, народный депутат, он долгое время был не согласен с малой заработной платой лаборантов, традиционно малой в научных учреждениях. И он добился своего, недавно эту зарплату вдвое увеличили.

Их много. Валентина Паладиевна Ягодкина, Надежда Герасимовна Плахти, Ольга Петровна Плюснина, Евгения Платоновна Буданова, которые в дни оккупации спасали семена, полевод Илья Прохорович Криушичев — ни одно имя нельзя пропустить. Потому что сорок лет с тяпкой — это тоже селекция, работа над сортом. Добрая тетя Катя Кравченко, красавица с пышной косой до пола, она лет десять работала у В. С. Пустовойта, не получая зарплаты. Так сказать, из любви к искусству. А ведь на руках у нее были пять сирот, ее племянников!.. Здесь помнят бывшего начальника милиции Лебедя, которого настолько увлекло дело селекционера, что он бросил свое и нанялся старшим рабочим в отдел В. С. Пустовойта. Жить негде было, так человек приходил ежедневно к наряду за двенадцать километров...

Лаборантка Марфа Максимовна Чуйко стала соавтором пустовойтовского сорта. И не одна она.

А как не упомянуть Василия Кузьмича Жилкина! Двадцатилетним парнем, демобилизовавшись из рядов Красной Армии, пришел он к Василию Степановичу. Тот определил его кладовщиком. Стать хранителем селекционного материала — это значит получить доступ к святая святых! И вот уже сорок лет Василий Кузьмич на посту. Все вокруг изменилось, не узнать старого Круглика, не узнать подсолнечника, из которого, по словам В. К. Жилкина, «масло аж сочится на пальцы». В сотни раз увеличились сокровища склада, прибавилось хлопот. Теперь Василий Кузьмич рассылает до сорока тысяч посылок с семенами суперэлиты и элиты в год! Все изменилось, только идеальный порядок на складе прежний, ни одного слу-

---

Окончание. См. «Огонек» № 33.

чая смешения сортов, ни одного перепутанного адреса. Постарели они, и В. С. Пустовойт и В. К. Жилкин, да ведь не расстанешься...

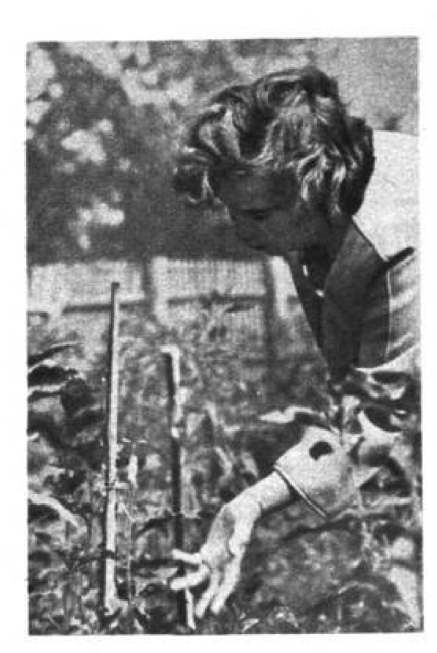
СЛОВО О МАРИИ НИКОЛАЕВНЕ

Жестоко обошлись с Кругликом оккупанты. Здесь расположилась карательная часть, а многочисленные постройки, амбары и роскошные аллеи мешали борьбе с партизанами. Немцы сначала издевались над С. В. Рушковским и до слез хохотали в поле над «бабьей агротехникой». Посмеялись, а потом принялись за дело. Стали жечь Круглик, жечь амбары, рубить деревья. А в амбарах — семена, почти все наработанное коллективом института за многие годы — не только подсолнечник.

В Круглике оставалась Мария Николаевна, жена В. С. Пустовойта, и дочь Галина Васильевна со своей больной девочкой. Так вот, когда стало известно о грядущем черном костре, Мария Николаевна забила комнату мужа семенами. Перетаскивали ночью мешки и мешочки Мария Николаевна, Галина Васильевна и Анастасия Ивановна Мелащенко — одна из тех рабочих, что сорок лет провели с тяпкой в руках на пустовойтовских делянках.

— Мама спасла сорокалетнюю папину работу,— рассказывает Галина Васильевна.

Маму все сейчас помнят в институте. Сильным и нежным человеком была Мария Николаевна. Познакомилась она с Василием Степановичем еще на его родине, в селе Тарановке, Харьковской губернии. Приехала в Тарановку молодая, лет восемнадцати, учительница. Народная, как тогда называли. Стала на квартиру к Пустовойтам. У тех у самих было девять детей, да старшие-то к тому времени разъехались. Кто куда, в основном, конечно, учиться. В Москву, в университет, в Харьков. А дом большой, вот и приняли в семью. Как дочь,— у стариков Пустовойтов были одни сыновья! Василий Степанович тоже учился — в Харькове, в земледельческом училище. Шесть лет учился, а летом наезжал домой. Встретились учительница и студент, будущий агроном. Они были юны и, наверное, очень хороши собой. Старые фотографии— тому свидетельство. На Кубань уже поехали вместе.

Галина Васильевна Пустовойт.

Галина Васильевна рассказывает:

— Мама у нас была удивительной женщиной. Сильная духом. Внешне вроде слабая, даже робкая, но внутренне была очень твердой. Иногда папа мог и раскиснуть, хотя внешне он, сами знаете, богатырь. А мама не такая. Тихая, женственная, добрая и мудрая. Дом держала в крепких руках. Бросила учительствовать, заболела селекцией, овладела премудростями лаборантской должности, безмолвно во всем папе помогала. После революции стала коммунисткой, избиралась депутатом краевого Совета... Спасла ценности Круглика, весь папин пакетный материал. Тогда, в дни погрома, немцы уже собирались драпать. Пакетный материал — это почти завершенные сорта, пакеты с семенами для конкурсного испытания. А когда вернулись наши, то люди, для которых слово «оккупация» было не горе, а клеймо, исключили маму из партии. Да, папа пережил и это...

Марию Николаевну селекционер ни разу не заявил соавтором своего сорта. Других помощников и лаборантов заявлял на ученом совете института непременно. Ее ни разу. А первым помощником была она. Сорок лет... Так получилось. Когда Марии Николаевны не стало, селекционер понял, какого бесценного друга и сподвижника он потерял.

НАСЛЕДНИЦА

Когда это случилось, Василию Степановичу уже было немало лет. Силы не те, а работы невпроворот и с каждым днем все больше. Нужен был рядом свой, очень близкий человек. А старых друзей уже не оставалось в живых. Тогда к нему в отдел пришла Галина Васильевна. Дочь. До того она работала по соседству, на Краснодарской селекционной станции, вела интересную тему по фитопатологии. Но вот отец остался один, и Галина Васильевна все бросила, перешла к нему.

Галина Васильевна Пустовойт — настолько самобытный человек, с таким своеобразным характером, и дело у нее такое интересное, что о ней надо бы писать совершенно отдельно и совсем иначе. Характер у нее огромной взрывчатой силы, и тут уж стиль эпически спокойного повествования никак не подходит. Но дело не только в натуре широкой, острой, чрезвычайно энергичной. Галина Васильевна — человек талантливый во всем. Она в детстве талантливо дралась и талантливо ныряла с кубанских круч, нависающих и сегодня над страшными омутами. Талантливо — иначе люди и не говорят — носилась верхом по степи. Василий Степанович любил лошадей, и в Круглике всегда были чудесные рысаки. Настойчивая и жадная до неизведанного, она прошла замечательную школу беззаветной преданности истине и науке. Для Галины Васильевны и сегодня хоть что, а она от своих убеждений, научных и гражданских, не отступится ни на шаг. Дочь В. С. Пустовойта, и корни талантливости, очевидно, в этом.

ЗЕЛЕНАЯ КРОВЬ ДИКАРЕЙ

Василий Степанович Пустовойт создал не просто высокомасличные сорта, что и само по себе уже подвиг, но сорта устойчивые против главных, извечных врагов подсолнечника — заразихи и моли. Василий Степанович вспоминает:

— Когда-то, до начала наших работ, моль была настолько страшна для подсолнечника, что выпадали годы, когда весь урожай улетал за веялку. А заразиха сводила все труды земледельца на нет. Поля лежали мертвые, покрытые ржавыми, уродливо скрюченными растениями. От красавца подсолнечника ничего не оставалось. И человек был бессилен чем-либо помочь. Районные инспектора выносили приговор: сеять подсолнечник впредь запрещается. Целые области разорялись.

В. С. Пустовойт вел отбор по многим признакам. Он добился, что высокомасличные сорта стали одновременно и устойчивыми против заразихи, а панцирность повысилась ровно настолько, чтобы семечки были не по зубам прожорливой моли. У агрономов гора с плеч свалилась. И у государства. Василий Степанович не без гордости подчеркивает:

— За многие последние годы ни копейки не потрачено в стране на борьбу с молью и заразихой!

Галина Васильевна высказывается более определенно:

— Защитить посевы на площади пяти миллионов гектаров — дело дохлое. А расходы какие! Только устойчивость сортов к заразихе позволяет нам сеять подсолнечник в таких масштабах.

— Но у подсолнечника есть еще другие враги. И их немало,— замечает Василий Степанович.

Враги эти — склеротиния, ржавчина, ложная мучнистая роса, сухая гниль, вертициллез. Наверное, это не все, есть и какие-то другие еще болезни. Такая уж особенность у подсолнечника. Он стойко наследует те приспособительные признаки, которые не всегда нужны селекционеру. Он охотно ветвится, он не прочь, чтобы ядро семени было поменьше, а лузги побольше, и так далее.

А вот перед болезнями вовсе бессилен. Галина Васильевна так объяснила эту особенность: «У подсолнечника отсутствуют гены иммунитета». Значит, надо добиться комплексной иммунности подсолнечника. Такова задача, которую поставил перед собой отдел селекции под руководством В. С. Пустовойта.

Выполняет эту задачу Галина Васильевна, ее группа. Вот мы и подошли к рассказу о ее работе.

А ЕСЛИ ПОДРОБНЕЕ!

Свои сорта В. С. Пустовойт выводил на сильно зараженном фоне. Все кандидаты в будущие сорта высевались на делянках, буквально набитых семенами заразихи, спорами прочих врагов, жаждущих благородной крови подсолнечника. Это правило было решающим в методике, разработанной В. С. Пустовойтом. Инфицированный фон — он его и практически и теоретически отстаивал в принципиальных спорах. Теперь-то В. С. Пустовойт почему-то не хочет поминать старого, избегает говорить на эту тему. Заразиха была побеждена, противники тоже.

Главный хранитель семян В. К. Жилкин.

Сегодняшняя работа Галины Васильевны уникальна — и по замыслу, и по исполнению, и по результатам, которых она уже добилась со своими помощниками. Дочь продолжает дело отца, но это верно лишь символически. А практически она ведет свою кровную, за десять лет выстраданную тему — старается скрестить диких прeдков подсолнечника с лучшими сортами отца.

Есть такое растение — топинамбур, или земляная груша, по-латыни: гелиантус туберозус. Да, тоже гелиантус, как и подсолнечник. Род один. С него и начали, с прародителя подсолнечника. Он славен никакой не золотой корзинкой, а тем, что его ни одна холера не берет. Полная противоположность подсолнечнику. Не заболевает — и все тут.

Но как добиться столь отдаленной гибридизации?

— А дедушка Мичурин зачем?— весело спрашивает Галина Васильевна. Перед гением Мичурина она преклоняется. И не только: она взяла из практики великого человека все, что ей хоть как-то помогало нащупать путь к фантастическому гибриду.

Еще лет семьдесят назад пытались селекционеры скрестить некоторые виды дикарей с культурным подсолнечником — и ничего. И вот собрав весь накопленный опыт по отдаленной межвидовой гибридизации, заручившись советами И. В. Мичурина и опираясь на сорта В. С. Пустовойта, Галина Васильевна ринулась на штурм крепости. Ее натиск был стремителен и глубоко аргументирован с точки зрения мичуринских воззрений на природу. Сейчас она уже говорит о 18 комбинациях скрещивания как о вещи вполне реальной. Используя смесь пыльцы, вегетативное сближение, температурные шоки (оплодотворение в сентябре, когда на Кубани резкие перепады температуры), она уже добилась получения гибридов десятого поколения.

Всего существует в мире около ста видов дикарей. Процветают они на американском континенте. Галина Васильевна собрала ред-

кую коллекцию — у нее до тридцати видов! «Дикая дивизия!»

Не стоит, наверное, объяснять, какое место занимает в глубинном поиске Г. В. Пустовойт хромосомная теория. Тема это хотя и актуальна, но, очевидно, не всякому по зубам. Коротко говоря, клетки у дикарей имеют от 32 до 102 хромосом. А у подсолнечника 34 хромосомы. Чем выше число хромосом, тем ярче проявляется дикое начало, клубневость и прочие признаки: ветвистость, огромное число листьев, мелкая корзинка, слабая плодовитость, но, главное — полное безразличие к болезням. В первых двух поколениях гибрид охотно приобретал это безразличие, но уже в третьем поколении расщеплялся, а к пятому терял столь дорого обошедшуюся иммунность.

Но Галина Васильевна переупрямила неподатливую природу межвидовых гибридов.

...Галина Васильевна привела в свой питомник. Вот они, дикари. На вид довольно невзрачные. Их зеленая кровь нужна великану и красавцу подсолнечнику, чтобы он навсегда унаследовал их стойкость к болезням.

— Мы уже получили некоторые гибриды, которые не расщепляются и в шестом и в десятом поколении, они стойко иммунны и бьют по урожаям контрольный сорт подсолнечника на тридцать четыре процента!— рассказывает о чуде как о вещи вполне обыкновенной Галина Васильевна.

— Вот мать, вот отец. Вот прививочки. Я взяла папины шедевры для скрещивания, лучшие его сорта. Это — большое испытание! Дело в том, что я не могу заявить свои гибриды для государственного испытания, пока они не будут иметь весь комплекс признаков сортов моего отца.

Галина Васильевна рубила до 80 процентов гибридов уже на четвертый-пятый год работы с ними, оставляла лишь те, что давали надежду на будущее. Наконец, в седьмом поколении гибрид приобретает внешне вполне подсолнечниковую форму, он гигантского роста, шикарно цветет, а главное — остается темно-зеленым рядом с побелевшим от мучнистой росы контролем. Не заболел! Не заболел!

Скрещивание разных по генотипу растений дает гетерозис, вспышку урожая до плюс 8—11 центнеров на гектаре — и ноль процентов (0 %!) поражения болезнями. А ведь у Галины Васильевны уже есть и трехвидовые гибриды, и хотя они пока в питомнике оценки, но она от них многого ожидает. Чем больше разнокачественной пыльцы при скрещивании, тем шире родительский диапазон. Это-то и дает эффект. А главное: гибриды наследуют от дикарей иммунность!

— Работа Галины Васильевны перспективна,— говорит академик. В его словах затаенная гордость.

О КЛАССИКАХ И О КОРАБЛЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Есть рядом и другой достойный продолжатель пионера селекции подсолнечника. Александр Ильич Гундаев использует в своей работе метод самоопыленных линий, тот самый инцухт-метод, или метод узкородственного скрещивания, который до недавнего времени оставался в подполье. Люди, претендовавшие на особую личную роль в развитии биологии в нашей стране, почему-то яростно возражали против межлинейных гибридов в селекции кукурузы, тем более в селекции подсолнечника. Даже «теоретически» обосновывали вред этого метода при селекции перекрестноопылителей. Им казалось, что якобы только слепая вера в лженаучные догмы так называемой формальной генетики вопреки здравому смыслу заставляла некоторых селекционеров держаться метода инцухта. Смущал, видите ли, и сам принцип размножения «в себе», переопыление родственников. Растеньица, полученные в результате самоопыления, обзывали «уродами», не желая знать, что скрещивание таких «уродов» ведет к эффектной вспышке урожая. Нет, потому что нет!.. К счастью, времена диктаторов миновали, в частности, и в биологии.

А. И. Гундаев считает, что использовать имеющиеся сорта только утилитарно, лишь в качестве посевного материала, теперь уже мало, недостаточно. А пора их использовать как материал для так называемых гетерозисных гибридов. Скрещивать даже не сами сорта, а полученные из них самоопыленные линии, то есть растения, резко ослабленные в результате внутриродственного размножения, но дающие вспышку урожая после гибридизации.

Кстати, когда-то и сам В. С. Пустовойт пытался работать этим методом. Теперь же перед его талантливым учеником открылись удивительные перспективы. Он преодолел первые препятствия. Какие? Не было самих линий. Теперь они есть. Ежегодно высевается около тысячи самоопыленных линий! Но главное препятствие таилось в особенностях подсолнечника, у которого цветки обоеполые. Чтобы пыльца материнского растения не перепутала всех его карт, селекционер удаляет пыльники вручную. Но как быть, если растений — тысячи, если их целое поле, если это не делянка, а колхоз? Выход один — искать стерильные формы, как они были найдены у кукурузы нашим замечательным современником М. И. Хаджиновым. И Гундаев нашел. Оказывается, у подсолнечника имеется несколько генов, определяющих стерильность пыльцы. И теперь из лучших имеющихся сортов, которым Александр Ильич уготовил роль материнских растений при создании будущих гибридов, получены линии с бесплодной пыльцой! Но как закрепить этот признак, как добиться, чтобы он передался по наследству, чтобы избавить колхозников от ручного труда на участках гибридизации? Отбор, отбор... А. И. Гундаев добился высокой стерильности — до 90 процентов растений в линии! Ученым создан богатейший материал для лепки самых фантастических гибридов. Уже сейчас, на пороге новых открытий, синтетические гибриды А. И. Гундаева и на конкурсных и на предварительных испытаниях превышают контрольные сорта и по урожаям и по сбору масла.

Разве это не праздник и В. С. Пустовойта!

Возможности, открывшиеся перед учениками,—это возможности нашего века. Настоящим гибридом можно назвать растение лишь тогда, когда убедишься в изменениях, происшедших в клетке. Но как заглянуть в живую клетку? Раньше нельзя было. Теперь есть электронный микроскоп. Но ведь «теперь»— это всего пятнадцать лет. Потому на нашей памяти и хромосомная теория принималась с оговорками, а существование генов начисто отрицалось. Знакомое «нет, потому что нет...». Теперь селекция могуче опирается на открытия генетики. Загляд в живую клетку позволяет увидеть действия таинственной ДНК, в которой записана программа синтеза. Почему все это важно, почему это говорится здесь, в рассказе о селекционере и его учениках? Да потому что многое из того, что мы знаем теперь о наследственности, а главное, о механизме передачи наследуемых признаков, об их изменениях, связано с жизнью и деятельностью живой клетки и с той информацией которую она содержит. Не зная всего этого, не пытаясь узнать, познать, расшифровать, нечего и браться за переделку природы.

Говорят, что иногда Василий Степанович грустит: якобы мало учеников, нет школы. Повод грустить дают и те, кто думает, что «ползучий эмпиризм» не в состоянии тягаться с методами вторжения в природу атомного века. Во всем этом надо спокойно разобраться. Молодые всегда не прочь «сбросить Пушкина с корабля современности». Да, наука сейчас ушла семимильными шагами вперед. А как же быть с отбором? А никак, такой проблемы — быть или не быть — не существует. Из рождения биологии на молекулярном уровне вовсе не следует, что индивидуальный отбор как классический метод селекционного улучшения растений пришло время отвергнуть. Конечно, куда легче и продуктивнее вести оценку признаков на ранних этапах работы, в условиях лаборатории, обрабатывая и бракуя, отбрасывая сразу, быть может, тысячи образцов, вариантов еще до выхода в поле. Ну, сколько делянок, гектаров, километров может окинуть своим опытнейшим глазом даже такой человек, как В. С. Пустовойт?

Мы живем в эпоху молекулярной биологии. Слова «наследственность», «гены» и «программирование» вот-вот сроднятся. Современную биологию надо рассматривать как точную науку. Наравне с физикой, математикой. До конца изучить процессы, протекающие в живой клетке, можно лишь на молекулярном уровне. Но ошибется и тот, кому покажется, что селекционер не вписывается в рамки сегодняшнего дня биологии, что он «кудесник», далекий от современных путей науки. Василий Степанович генетику преподавал еще до революции, когда многих нынешних ее жрецов не было на свете. Но вооруженность тогда у генетиков была не та, что нынче. А селекционер не ждал. Пошел талантливый человек своим путем. В степь. К растениям. И стал творить — в поле, под солнцем, заботясь не только о хромосомах, но и о мешках для семян. Потому что мешки — это тоже наука. Для В. С. Пустовойта биология не только в живой клетке, в тайне этой клетки, но и во всей шляпке подсолнечника. И высшая математика для него не только в современной обработке данных эксперимента, но и в расчете оборотов молотильного барабана у комбайна, идущего убирать подсолнечник.

— Но жизнь идет дальше,— словно угадывая мои мысли, говорит Василий Степанович.— И мы имеем в плане сорта с еще большей масличностью. Далеко за пятьдесят процентов! Они пройдут государственные сортоиспытания уже через год, через два. Конечно, мы понимаем, что есть предел повышения масличности. Но нет предела повышению урожайности! Сорта ближайшего будущего будут давать по двенадцать и более центнеров масла с гектара!

— Когда произносишь такие цифры, они звучат, как поэма!— вдруг улыбнулся В. С. Пустовойт.

МУЗЫКА ПРОЖИТЫХ ЛЕТ

Он ПО-ПРЕЖНЕМУ сидел прямо, не выдавая усталости. И по тому, как он торопился еще поспеть до конца рабочего дня в поле, в нем легко угадывался тот человек, без которого и Круглик не может быть Кругликом, родиной необыкновенного подсолнечника.

Жизнь и работа его увлекательны, но никак не развлекательны.

Обыкновенный человек, он необыкновенен тем, что ни разу не предал своего призвания. Однолюб в науке, он очень разносторонне развит. Гармонически, как говорят теоретики. Еще недавно, лет пять назад, Василий Степанович находился в великолепной спортивной форме. Но он и большой знаток музыки. В его доме, в Круглике, пел Собинов, он обожает Уланову, Андрея Иванова, Козловского, Рейзена. И сейчас любит книгу, а с Толстым, Чеховым прожил жизнь. Он до сих пор то и дело возвращается к ним. Сам силач, когда-то клавший на лопатки гиганта — истопника локомобиля, он знает пофамильно всех чемпионов страны по борьбе и боксу, а Попенченко — его кумир!

Хоккей и опера, книги и лошади, двухпудовая гиря у порога и стремительная Кубань — вот привязанности, вот стойкие слабости человека, посвятившего свою жизнь селекции.

Об этом и его книга-жизнь, которой живет Василий Степанович сам. Других к «столу» не подпускает. Мешают, очевидно, скромность и боязнь сенсаций, бестактностей. Есть большая жизнь, и есть золотая корзинка нового подсолнечника. Это — главное. Все остальное — частности, без которых не было бы ни этой корзинки, ни самой жизни.

Пусть же он дописывает, Василий Степанович Пустовойт, свою книгу, пусть пишет долго и счастливо!

Деревянные игрушки Наро-Фоминской фабрики известны далеко за пределами нашей страны. Их отправляют во многие страны, где они пользуются неизменным успехом. На снимке: молодая работница фабрики Зинаида Мурашева.

Фото Б. Виленкина и В. Харламова.

Байдарочницы.

ХЕРСОНСКИЕ ГРЕБЦЫ

В. МОРОЗОВА
Фото А. БОЧИНИНА.

Раннее утро. На пристани почти безлюдно. Только четверо мальчишек, свесив ноги, сидят на перилах. Переправа на левый берег начнется еще не скоро, но им, видно, не сидится дома. На той стороне Днепра их ждут байдарки, каноэ, плавательный бассейн, заботливые тренеры, которые будут их учить гребной премудрости.

Солнце поднялось выше, и к переправе подошла моторная лодка «Пионер». Собственный транспорт детской спортивной школы № 2. Пять минут — и мы уже на другом берегу Днепра. Направо городской пляж, на который в жаркие дни выезжает весь Херсон, налево детская спортивная школа, а за ней еще ряд станций спортивных обществ «Буревестник», «Спартак», «Локомотив», «Динамо» и другие.

Да, водный спорт в Херсоне любят. Недаром этот город — одиннадцатикратный чемпион СССР по гребле. Многие известные гребцы начинали именно здесь, на Херсонщине.

Мастер спорта по гребле Иван Сотников был рыбаком, впервые участвуя в областных соревнованиях, завоевал первое место, а после победы на всесоюзных соревнованиях его послали на Олимпийские игры. Сейчас он преподает в детской спортивной школе в Цюрупинске.

Люба Синичкина, международный мастер спорта, член сборной СССР по гребле, тоже начинала свой спортивный путь на этом днепровском берегу.

Заслуженный мастер спорта, член сборной СССР по гребле Николай Конников — также воспитанник херсонской детской школы. Сейчас он преподает физкультуру в Николаеве.

Школа херсонских гребцов достаточно хорошо известна в спортивном мире. С одним из основателей ее, заслуженным тренером УССР П. М. Комогорцевым, вы можете встретиться и сегодня, он ведущий преподаватель ДСШ. Вот идет он по мостику с рупором в руке, окруженный мальчишками.

Первые удары весел — неуверенные, слабые, вразнобой. Платон Максимович еще и еще заставляет ребят повторять движения. И постепенно находится общий ритм. Занятия с одной группой закончены, но тут подошли старшие ученики. Трое из них — Иван Шевченко, Вова Морозов и Валя Панюшкина — уже мастера спорта. Платон Максимович садится в моторку, а за ним гуськом устремляются байдарочники. Мимо тенистых берегов Ерека, Чайки, Конки весь кортеж выходит прямо на дистанцию.

— Сначала отрабатываем старт, — кричит в рупор Платон Максимович. — Потом тренировка на скорость...

Одни ребята после занятий остаются на дистанции для индивидуальных занятий, другие отправляются на охоту за раками, а Платону Максимовичу надо на совещание тренеров, после чего ему предстоит трудный разговор с одним папой, который никак не хочет, чтобы его дочь занималась греблей.

Сейчас в школе двести двадцать человек — байдарочников и каноистов. Работает и секция плавания. А количество юных спортсменов с каждым годом растет.

Платон Максимович Комогорцев.

Болельщики

На тренировку.

Стартуют четверки сильнейших.

Редакция «Огонька» пригласила участников и зрителей VIII чемпионата мира для того, чтобы обменяться впечатлениями, попытаться сделать хотя бы первые беглые выводы. В номере 33 журнала опубликованы выступления члена сборной команды СССР Альберта Шестернева и заслуженного мастера спорта Николая Старостина. На этих страницах мы предоставляем слово остальным участникам встречи.

ФУТБОЛ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

БРАТЬ ВСЕ ЛУЧШЕЕ

М. МЕРЖАНОВ

В чемпионате мира по футболу, как правило, побеждает страна того континента, на котором разыгрывается турнир. Было лишь одно исключение, когда Бразилия обыграла всех в Швеции.

В этом странном постоянстве чувствуется организующее начало. Явно оно ощущалось и в Англии, где хозяевам турнира были созданы самые благоприятные условия, начиная от жеребьевки с так называемым «рассеиванием», благодаря которой сильнейшие команды не могли встретиться с английской раньше полуфинала, и кончая «благосклонным вниманием» судей к потенциальным соперникам...

Я не хочу сказать, что англичане не по заслугам завоевали Кубок Жюля Римэ. В двух последних матчах с Португалией и ФРГ они показали отличный футбол. Во всяком случае, игра англичан соответствовала тому, что они хотели выразить, а хотели они показать модернизацию бразильской системы. В итоге им удалось создать прочную оборону, умно комбинировать в центре поля и остро, неожиданно атаковать. Эта модернизация изменила и схему расстановки игроков и была рассчитана в основном на активность Боби Чарльтона — универсального и высококлассного футболиста.

Английский чемпионат, как никакой другой, ставит вопрос об изменении формулы розыгрыша. Нельзя, чтобы одно случайное поражение лишало возможности сильнейшие команды мира продолжать борьбу. Видимо, принцип игры — «каждый с каждым» — должен применяться с начала и до конца турнира.

Нам удалось увидеть несколько матчей самого высокого уровня, которые не грешно назвать футбольной классикой. К ним я отношу встречи венгров с бразильцами, португальцев с англичанами и бразильцами и, наконец, финальный матч команд Англии и ФРГ. Заметьте, что среди участников этих приметных матчей находятся бразильские футболисты, которые, как известно, не вышли даже в четвертьфинал. Хотя они и не были похожи на тех футболистов, которых мы видели с вами в прошлом году на стадионе в Лужниках, все же это была хорошая команда, показавшая красивый, в меру мужественный, высокотехничный футбол.

Мне кажется, что на этом чемпионате европейский футбол, в частности англосаксонская его ветвь, победил южноамериканцев, в том числе и наиболее ярких представителей школы — бразильцев, мужеством, быстротой и более гибкой тактикой. На этот раз у бразильцев чувствовался шаблон, особенно в действиях защиты.

Но значит ли это, что поражение сборной Бразилии зачеркивает все то хорошее, что дала футбольному миру латиноамериканская школа? Думаю, что нет. Если бы стал вопрос, на кого же равняться, я ответил бы: на всех и на себя. Почему? Наша страна так велика и географически так удобно для футбола расположена, что мы по праву можем брать все лучшее и у англосаксонской школы, и у среднеевропейской, и у латиноамериканской. Конечно, с учетом особенностей отечественного футбола. Мне кажется, лучше других эту гибридизацию провели венгры. Они создали хороший футбол, который позволил им в прошлом футбольном поколении сенсационно уложить на лопатки гегемона тех лет — Англию, а в этом — Бразилию.

О ВИКТОРЕ МАСЛОВЕ

Л. ФИЛАТОВ

Я хочу поговорить о тренерах. Ходил по Лондону очень одинокий, молчаливый человек — Виктор Маслов. Был он на этом чемпионате непричастен к делам нашей сборной, всего лишь наблюдатель за игрой в той подгруппе, где наша сборная не играла. А этот человек имеет полное основание называться лучшим тренером советского футбола 60-х годов. Никто не имеет в своем послужном списке стольких достижений, кроме, может быть, Михаила Якушина. Вспомните успехи «Торпедо», ростовского СКА. Это — дело рук Маслова. И киевское «Динамо», где теперь работает Маслов, сегодня у нас наиболее современная по своей игре команда, схожая в чем-то с золотым и серебряным призерами чемпионата. Мы смогли в этом убедиться, наблюдая игру сборных Англии, ФРГ и Венгрии. Как много знакомого увидели мы в их действиях, основанных на том, что одиннадцать мест на поле не твердо обозначены, на том, что существует не арифметическая, а динамическая расстановка сил. Я думаю, что воспитанник Маслова Валерий Паркуян отлично освоил эту современную игру.

Надо ценить мастерство своих тренеров, считаться с их мнениями, прислушиваться к ним.

ФУТБОЛ — ЭТО ЗРЕЛИЩЕ

М. ШИШИГИН

Нашему футболу не хватает творческого начала. Вот пример: когда несколько лет назад появилась бразильская система, тренеры, не признавшие ее, стали считаться ретроградами. Но разве можно подходить к новой системе так формально? Конечно, хороший футбол может родиться на своей родной почве, когда учитывается человеческий материал, составляющий команду. Наблюдая за игрой даже лучших команд страны, видишь, что игрокам не хватает творческого подхода, артистизма. Игра в футбол — это зрелище, и оно должно захватывать, волновать.

Примечательный факт. Среди 1 600 журналистов, аккредитованных при чемпионате, была только одна женщина. Эту журналистку как-то спросили, кто, по ее мнению, самый красивый футболист и кто самый интеллигентный. Журналистка ответила: «Эйсебио и Воронин. Они играют приятно!»

Да, футбол — зрелище. И спортсмены должны помнить об эстетической стороне матча, о том, что ими любуются десятки тысяч людей. А как ведут себя наши футболисты на поле? Да так, словно они выполняют какую-то тяжелую работу, а не наслаждаются игрой.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—32.

НА НЕБОСКЛОНЕ ПОЯВИЛАСЬ ВЕНЕРА

Сегодня Птицын снова встретится с Петром Максимовичем. А пока надо стянуть в один узел все нити. Их уже достаточно, чтобы начинать анализировать, сопоставлять. Сообщения «Ландыша» и оперативных работников — богатая пища для размышления.

...В столице небольшого европейского капиталистического государства действует кем-то щедро оплачиваемый разведцентр. Не последнюю, видимо, роль в нем играет немец Карл, опытный разведчик, официально выступающий в роли физика. Эти хищники рыскали только в одном направлении — советская наука. Теперь их интересовал большой научный институт, где работает профессор Алексей Михайлович Круглов.

«Ландыш» — молодец: операция с шифровкой прошла блестяще. Чертовски сложным оказался ключ, но расшифровать все же удалось: «Любой ценой нужно раздобыть данные о последних работах профессора Круглова. Потребуйте от Венеры самых активных действий. У нее есть все возможности. Вероятно, буду ваших краях».

Кто это — Венера?

«Ландыш» сообщает, что у них свой человек в самом институте. Кто? Сейчас это — самое главное. Кто он?

ЕЩЕ ОБ АРТИСТИЗМЕ

Н. ТАРАСОВ

Мы видели футбол вблизи, и, оставаясь игрой, он еще в большей мере был для нас зрелищем.

Защитные тенденции современных тактических схем снижают зрелищный интерес к матчу. Игра на отбой в защите, может быть, и надежна, но очень скучна, а чтобы играть иначе, нужна филигранная техника владения мячом. Такую технику демонстрировали лучшие игроки чемпионата. Я далек от мысли канонизировать мастерство бразильцев или португальцев. Но их игра в защите, например, чем-то напоминала мне работу матадора, который может, но не хочет убивать быка сразу. Пусть посмотрят, поволнуются, пусть по достоинству оценят его искусство!

Несколько слов о телевидении. Благодаря ему 400 миллионов человек смогли увидеть матчи чемпионата. Это великолепно. Но хочу заметить, что впечатление с трибуны и впечатление с экрана телевизора — вещи разные. И дело не только в том, что это не сама жизнь, а ее отражение. Экран делает нас соучастниками борьбы за мяч, но предельно сужает кругозор, оставляет за рамками большую часть матча. Вы видите не столько игру, сколько ее гипертрофированные фрагменты. Так что, если вы хотите видеть матч, идите на стадион, а если вам интересен только итог игры, оставайтесь дома и включайте телевизор.

ДВА ЗАМЕЧАНИЯ

П. МИХАЛЕВ

Хочется сказать о том, чего мы не писали из Англии.

Тысячи людей вместе с нами задают вопрос: почему на матч с Португалией не был выставлен отлично зарекомендовавший себя В. Паркуян; почему он — наш самый результативный форвард — был обойден бронзовой наградой?

Старший тренер сборной Н. Морозов объясняет это тем, что Паркуян молод, что у него все впереди. Но доколе же футболист 22 лет должен ходить в коротких штанишках? Это самый расцвет спортсмена, самое время для игры в футбол, что, кстати, Паркуян блестяще и доказал в Англии.

Мне показалось, что наставнику наших футболистов присуще хорошее упорство в своих позициях и оценках. Нельзя не отдать должное выдержке, характеру Н. Морозова в период подготовки сборной к Англии. Пожалуй, ни один другой коллектив доселе не готовился к чемпионату мира в атмосфере такого неверия в силы команды, ее возможности, как сборная СССР по футболу. Но старший тренер, судя по его довольно частым интервью, сохранял спокойствие, твердость духа.

Но вот чего я не понял в позиции нашего тренера. Вскоре после окончания матча СССР — ФРГ Н. Морозов был приглашен корреспондентом Би-би-си к телевизионной камере для дачи традиционного интервью.

Первый же вопрос, который был задан Морозову английским журналистом, носил явно предвзятый характер (англичане мечтали о присуждении звания лучшего вратаря мира своему голкиперу Бенксу): «Мистер Морозов, вам не кажется, что Яшин повинен во втором пропущенном голе?» Наш тренер ответил: «Да, и я уже сказал ему об этом».

Можно ли говорить так о вратаре, взявшем в этом матче четыре-пять «мертвых» мячей?

Наутро, задолго до финального матча Англия — ФРГ (который, кстати, Бенкс провел не лучшим образом), из недр Би-би-си родился на свет не столько символический, сколько мифический состав сборной мира, непонятно кем составленный, в которой место стража ворот было отведено английскому голкиперу.

В заключение мне бы хотелось сказать, что, по моему убеждению, благодаря четвертому месту и почетным бронзовым медалям мы имеем сейчас в нашем футболе благоприятную обстановку для дальнейшего шага вперед. Итоги чемпионата мира в Англии в общем-то вдохновляют миллионы наших мальчишек. А большому футболу бронзовые медали позволяют шире расправить плечи.

НУЖНА ПОДДЕРЖКА

Ц. СОЛОДАРЬ

Уверяю вас, что от нас, болельщиков, многое зависит. В этом я еще раз убедился в Англии.

Как болельщики помогали своим футболистам! Как они заряжали их своими эмоциями, своей верой в победу! Чилийские, итальянские, немецкие любители футбола, не говоря уже об английских, поистине не жалели своих сил.

Да, без болельщиков команде трудно выступать на футбольном поле. Наши ребята из сборной мне рассказывали, что когда они приехали в Ливерпуль для встречи с командой ФРГ, то еще на улицах увидели сотни немцев, которые с плакатами, распевая песни, двигались к стадиону.

Но для того, чтобы с такой страстью поддерживать свою команду, надо в нее верить. А как часто встречаешь теперь людей, изверившихся в футболе! Среди наших болельщиков немало таких, которые по-настоящему не уважают даже любимую команду.

Лечение тут одно. И должны его проводить сами футболисты — играть получше, поярче. Тогда болельщики в них будут верить.

ИГРАТЬ ПО-РАЗНОМУ

А. СТАРОСТИН

Четвертое место в чемпионате — это немало. Но дело не только в табели о рангах. Важно еще качество игры, а с точки зрения эстетики футбола мы явно отстаем.

Наши тактические и технические методы сделаны как бы из грубошерстного материала. Уровень мастерства, которым располагают ведущие футбольные страны, высокий, и нам еще надо многое доделать. Что же именно? Никаких прямых рецептов нет. Вводить единый тактический мундир, единомыслие в футбол было бы ошибкой. Унификация никогда к добру не вела.

Более восьми лет многие говорили о том, что играть надо по-бразильски. Если теперь наши тренеры начнут говорить, что отныне следует играть по-английски, то мы придем к новому чемпионату не подготовленными тактически. Играть надо по-разному. В зависимости от географии, национальных черт складывается взгляд на футбол в той или другой команде. Грузинский футбол более близок к бразильскому, чем московский, и оба по-своему хороши. Играть надо так, как подсказывает творческое мышление и то игровое мастерство, которым располагают футболисты.

Особенность чемпионата в отличие от чилийского — многообразие тактики. Англичане не отказались от системы 4—2—4, но они быстро перестроили свои концепции, так же, как венгры и португальцы.

Нашу команду возглавлял опытный мастер Н. П. Морозов. Он угадал, что нетерпеливое продвижение через центр, опора на нескольких игроков — игра нерентабельная. Оставив старые формы борьбы, он влил другое содержание: максимальное напряжение, стремление держать противника в цейтноте. Вспомните, венгры тоже не давали ни секунды передышки. Так же действовали англичане.

Что нового у нынешних чемпионов мира?

Мы увидели стоперов, которые стоят на своем посту. Мы увидели игроков, которые вторгаются в рубежи противника. Вторгаются не только по центру, атакуют через фланги. Защитник Роберт Мур несколько раз вторгался в штрафную площадку противника. Англичане расширили задачи игроков, так что они все время атаковали. И с шестью защитниками можно играть в атакующем стиле.

Надо готовить футболистов-атлетов, чтобы в случае контратаки они всегда успевали вернуться к своим оборонительным рубежам. Мур успевал это делать.

Этими качествами мы располагали в 50-х годах. Максимальный темп был нашим оружием. Англичане переняли его.

Главный вывод — необходимость раскрепощения тренеров, избавление их от тактических стандартов, творческая свобода нашим командам, нашим школам, футболистам.

Мы не можем жаловаться на судейство в Англии. Не должны. Но судите сами: наши футболисты выиграли у итальянцев, и вдруг итальянский судья судит нашу игру с ФРГ! Да если бы он и хотел быть объективным, то вряд ли это ему могло удаться.

Есть обстоятельства настораживающие: через несколько дней после беседы Птицына с Петром Максимовичем Карл покинул СССР досрочно, не пробыв даже всего туристского срока. И, что самое главное, он больше не встречался с Егоровым. Почему? Теперь он, вероятно, будет искать другой путь к институтским секретам. На кого надеются? Известно, что Карл, его разведцентр связаны с работником, представляющим в Москве крупное капиталистическое государство. Известно, что они встречались здесь.

Известно, известно... А вот два неизвестных так и остаются нераскрытыми... Резидент и кто-то в институте. Кто? Главное — найти резидента. Эх, «Ландыш», «Ландыш»!.. Правда, она прислала пленку со снимком, предупредив: «Есть основания полагать, что это резидент. Координаты попытаюсь раздобыть».

Появилась еще одна ниточка, и можно за нее уцепиться. Живет в Сибири ученый, Константин Петрович, на которого у Карла есть свои виды. Да еще какие! Замахнулся широко, а рука почему-то все еще не опустилась. В чем дело? Прошло уже много времени с того дня, когда вот здесь, в этом кабинете, майор выслушал тяжкую исповедь легкомысленного человека. Низко опустив голову, боясь взглянуть в лицо Птицыну, он долго и сбивчиво рассказывал, как сбился с пути.

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Жизнь его в небольшом южном городке сложилась с самого детства нескладно. Отец — электромонтер, мать — маникюрша. Отец приходил домой всегда пьяный, любил играть в карты, якшался с какими-то темными людьми. Ночью, протрезвев, в ярости начинал бить жену. Отец бросил их, уехал на Север зашибать деньгу. Мать умерла в тот день, когда сыну вручили аттестат зрелости,— это было летом 1940 года. Он остался один-одинешенек.

Костя пошел работать на завод. Руки у него были золотые — с детства приходилось мастерить. Дела шли преотличнейшим образом. Молодому слесарю дали уже пятый разряд. Жизнь складывалась удачно. И вдруг все рушится. Война!.. На следующий же день после начала войны он был отправлен на фронт, а через три месяца появился в родном городе — здесь уже хозяйничали оккупанты — в весьма непрезентабельном виде: изодранные, замасленные брюки, кургузый пиджачишко неопределенного цвета и какие-то чоботы на ногах...

От дома, где он жил, остались развалины. Побрел на окраину, где в тихом переулочке обитал Фомич, старик, когда-то посвящавший Костю в таинства слесарного искусства: «Может, там на первых порах отдам якорь». Старик ахнул, когда увидел Костю.

— Откуда ты, вояка?

— Из окружения, батя. Думал, что уже конец. А выполз. На брюхе, да выполз.

Фомич усмехнулся.

— Нет, сынок, это не то. Не туда выполз... Если бы к своим, другое дело. А ты от немцев — к немцам. Ладно, давай устраивайся. В тесноте, да не в обиде... Найдем для тебя и здесь подходящее дело. Фронт, он везде фронт...

Вначале парень не понял, о каком фронте речь. А потом сообразил, что к чему. С месяц по-всякому Фомич проверял парня, пока решился наконец приобщить его к той горстке смельчаков, что по заданию горкома партии во главе с его секретарем действовала в городе.

Под Новый год, в тот день, когда подпольщики должны были подорвать немецкий склад, Костю схватили гестаповцы. Выдал его провокатор. Парня долго и тяжко пытали. Но ничего добиться не смогли. Костя сидел в камере-одиночке в тягостном ожидании еще более изощренных пыток, а может, и самого худшего. Впрочем, худшее ли это? Мелькнула и такая мысль: уж лучше конец всему.

Однажды ночью дверь камеры с грохотом раскрылась, и на пол был брошен окровавленный человек. Он пришел в себя лишь на рассвете и поведал Косте, что провалилась еще одна группа подпольщиков. Среди них и он,

Забавные мелочи забавные

УРОК ГИГИЕНЫ

Приучить малышей чистить зубы — задача не из легких. Вот почему взрослые решили обратиться за помощью к орангутангу по имени Хасуко. Привезенный из токийского зоопарка Хасуко продемонстрировал ребятам, как нужно чистить зубы. Теперь эта процедура кажется детям не таким уж неприятным занятием.

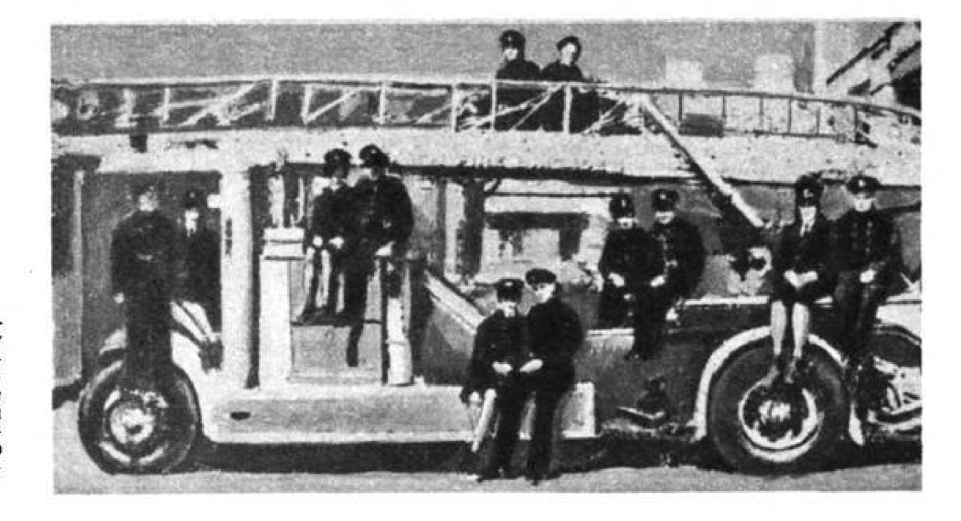
УДАЧА РЫБОЛОВА

Тридцать лет Иосип Врбан все свое свободное время отдает рыбной ловле. Недавно ему очень повезло: в реке Саве он поймал огромного сома весом в 66 килограммов.

КРЫЛАТАЯ КОНДИТЕРСКАЯ

В Братиславе на одной из улиц стоит отслуживший свой срок самолет. В его салоне устроена детская кондитерская.

ЭКИПАЖ МАШИНЫ ОГНЕВОЙ

Подряд шестую свадьбу сыграли в этом году члены добровольной пожарной дружины города Бат (Англия). Все молодожены пожелали работать вместе. Из шести новобрачных пар сформирован экипаж одной машины.

ОЧКИ-ХАМЕЛЕОНЫ

Одна нью-йоркская фирма выпустила очки со специальными стеклами. На свету такие стекла темнеют, а в комнате становятся прозрачными.

Михаил Пузанов (Костя где-то слышал о нем), и что провокатор действует вовсю — Михаил это понял на вчерашнем допросе.

— Все пропало, друг. Все... А последняя военная сводка? Срамота. Снова наши отступают. Нет, брат, никуда не денешься, никуда от немца не сховаешься. Может, откупимся от гестапо? Чего таить? Все равно найдут и твоих и моих корешков...

Костя взревел от ярости:

— Сволочь! Ты что предлагаешь, гадюка?!

Ночью те же люди, что подбрасывали Пузанова в камеру, увели его. А через ночь Костю снова потащили на допрос, снова били, снова требовали назвать фамилии, клички, явки. И в сотый раз Костя повторял: «Не знаю, никакого отношения к подпольной организации не имею».

— Что же, мы поможем тебе. Введите рыжего.

Ввели рыжеволосого Михаила Пузанова, а дальше все разыгрывалось по нотам. Пузанов клялся, что Костя сам предложил ему откупиться, выдав группу товарищей. Он, Пузанов, вначале сопротивлялся, а потом тоже согласился — «все равно погибать»... Костя молча смотрел на него — вначале изумленно, потом негодующе, а затем уже с презрением...

— Чего же молчишь? Раздумал? — издевался Пузанов. — Ребят из твоей десятки уже взяли. Сейчас сюда приведут, а ты упираешься.

И действительно, привели трех молодых, отчаянно смелых ребят из Костиной десятки. Они уже были «обработаны по высшему классу» и еле стояли на ногах.

— Ну что, свиньи, молчать будете или говорить? Признаваться или комедию играть?

Они молчали. И тогда гестаповец стукнул кулаком по столу и, тыча Костю в грудь, заорал:

— Вот кто подтвердит... Он все про вас знает, все рассказал!

Костя завыл от бессильной ярости:

— Не верьте им! Не сдавайтесь!..

Он стоял подавленный, разбитый, уничтоженный, но несломленный. Все физические боли его меркли перед одной кровоточащей болью сердца: неужели поверят, неужели не поймут, что это подлая ловушка?

Арестованных увели, а его оставили. Допрос продолжался. Собственно, это уже был не допрос. Это была изощреннейшая охота за его, Костиной, совестью. Осада велась со всех сторон, и так, и эдак, и по-хорошему, с тысячью разных посулов, и с угрозами, зуботычинами.

— У тебя нет другого выхода. Чего ерепенишься? — орал Пузанов, вопил переводчик, неистовствовал гестаповец.

Но судьбе угодно было указать Косте другой выход. Когда его, избитого до полусмерти, везли в какой-то тыловой немецкий лагерь, поезд попал под бомбежку советских «П-2», и группе заключенных, среди которых оказался и Костя, удалось скрыться. Это было где-то на Украине. Местные жители спрятали их, пока могучий вал наступающих советских войск не докатился до тех мест. Теперь Костя снова вступил в ряды Советской Армии и вместе со своим саперным полком прошел до Берлина, заслужив два боевых ордена и звание лейтенанта. Но после демобилизации он не вернулся в родные края. Решил поселиться в сибирском городе, где жил его фронтовой друг. «Заедем, брат, ко мне домой. Места у нас хватит на всех. А там как бог даст...»

Так началась новая для него жизнь. Поступил на большой машиностроительный завод, стал учиться в вечернем вузе. После получения диплома был приглашен в научно-исследовательский институт, женился на сотруднице этого же института. В науке весьма преуспел: сравнительно быстро защитил кандидатскую, а звание доктора присвоили без защиты.

Жил он легко, весело, для всего находилось время: и гостей принять и в ресторане с друзьями посидеть.

РУБЕЦ НА ШЕЕ

Несколько недель назад профессора послали в заграничную командировку. Он хорошо владел немецким и несколько хуже английским. В столице небольшого западноевропейского государства Константин Петрович знакомился с работами коллег. В отличнейшем настроении профессор готовился к отъезду, когда грянул гром.

Ему во всех деталях запомнился тот июльский день: бульвар с многолетними липами, слитный шум города, зеленая скамейка на бульваре — он присел отдохнуть, собраться с мыслями перед последней встречей с коллегами. И вдруг к нему подходит немолодой человек, вежливо раскланивается и на чистом русском языке несколько жеманно приветствует его:

Цепная реакция

Елена ЦУГУЛИЕВА

Рассказ

— Ура! — крикнул я, стоя на пороге новой квартиры.— Ура!

— Ура-то ура,— сказала жена,— да в окне дыра. Видишь, уголок стекла отбит?

— Пустяки! — беспечно сказал я.— Пойду и вызову стекольщика.

— Пустяки! — сказал и бригадир отделочников Демидов, к которому я обратился.— Гаврилыч, ты свободен? Бери свои причиндалы и сделай стекло... В какой вы квартире? Сорок девятой? Вот туда.

Покладистый Гаврилыч взял свой ящик, новое стекло и в один момент привел окно в порядок. Но в последний момент зацепил какой-то острой железякой по стене и отодрал порядочный клок обоев.

— Пустяки! — сказал он. — Возьмите кусок обоев двадцать на двадцать и заклейте. Есть у вас картофельная мука?

Я пошел к бригадиру.

— Чертовня! — сказал он.— Таких обоев уже нету. А есть зеленые.

— Зачем мне зеленые! — возмутился я.— Вся комната кремовая, а на самом видном месте будет зеленая латка.

— Подумаешь! — вяло сказал бригадир.— Некоторые даже нарочно делают. Вон в сто пятой каждая стена имеет отдельный цвет. А прихожую черной бумагой обклеили за свой счет. Модерняга там поселился. А отец с матерью приехали — они снова все ободрали. Мы, мол, не хотим в гробе жить... А может, вам черные дать?

Черных я тоже не хотел.

— Э, и делов-то! — воскликнул Демидов.— Купите обоев по вкусу на всю комнату, и мы вам живо обкатаем.

Я купил другие обои.

— Еще лучше раньших! — похвалили мой вкус обойщики.— Где брали? Ну идите, погуляйте, а мы тут в момент...

Когда мы с женой вернулись с рынка, все было кончено. Я восхищался, задрав голову. И тут услышал шепот жены:

— Но что это сделалось с полом?

Я поглядел вниз — и опечалился. Весь свежий паркет был в буграх и выбоинах...

— А ты куда глядел? — обрушился на меня бригадир. На правах старого знакомого он перешел со мной на «ты».— Надо было застлать полы-то. Тут ведь не балерины ходили, а другие люди. С грубыми ногами.

— А что теперь?— прошептал я, бледнея.

— Известно,— сурово сказал бригадир,— циклевка требуется.

Услышав об этом, жена сказала, что переезжать погодит. Лучше она с детьми пока поживет у мамы, а я пусть тут побуду.

Пришел веселый циклевщик, назвался Митей.

— Сделаю в лучшем виде,— сказал он.— А вы идите себе на работу. Я понимаю: вам идти надо. Вашу раскладушку и чемоданчик я пока на кухню перебазирую, а потом сам обратно перетащу.

Жена уехала к маме, а я пошел на работу.

Вечером все было готово.

— Ну как?— самодовольно спросил Митя.— Чистый атлас!

Полы действительно были чудесные.

— Счастливо вам тут жить,— пожелал Митя, уходя. Только тут я заметил, что он, видимо, перетаскивая раскладушку, ободрал краску с кухонной двери.

— Слушь-ка, сорок девятая, надоел ты мне до озверения,— сказал мой приятель Демидов.— Ведь сколько я с этой квартирой нянькаюсь! Прямо отупел весь. Ну чего тебе еще надо? Проциклевал? В лучшем качестве? Так чего тебе?

Я сказал, чего мне.

— И что ты на циклевщика мотаешь? Он же в комнате работал. Зачем ты его на кухню пускал? Зачем, я спрашиваю?

Я молчал.

— Ладно,— смягчившись, сказал глава отделочников.— Устрою, так и быть. Маляры-то уже ушли на соседнюю стройку. Придется оттуда приглашать. С ума сойдешь тут с вами... Колер-то какой в кухне? Салатный? Сделаем.

Утром меня разбудили две разбитные девушки. Они сначала спросили, не я ли актер Дружников. Потом сели завтракать.

— Ну что вы тут вертитесь? — спросила та, что постарше.— Шли бы себе. Не беспокойтесь, сделаем лучше, чем была, хоть вы и не актер.

— И кто только красил вашу дверь! — подхватила другая.— Руки бы оборвать за такую работу. Лупится, как картошка. Вот мы сделаем — только рубанком откарябаешь, а больше ничто не возьмет.

Я поехал к теще — повидать жену и детей. Вернулся на другой день вечером. Дверь была окрашена замечательно. Ровно, гладко, без потеков. Но когда я опустил свой взор долу, в глазах у меня позеленело.

Не в переносном смысле. В прямом.

Пол кухни, покрытый прекрасным светло-серым линолеумом, был густо изукрашен крупными лепешками той самой краски, которой была выкрашена дверь.

Я не стал ничего говорить Демидову. Я взял его за руку и привел в квартиру.

— Это что же такое? — закричал он.— Не успел въехать, а всю кухню изуродовал. Ведь эту краску хоть зубами грызи — не ототрешь. Тут, брат, циклевать нельзя. Понял?

Я заплакал.

— Гляди, еще и обижается,— сказал Демидов.— Ну ладно. Ты вот что. Не горюй. Я тебе пришлю...

— Нет! — в ужасе завопил я.— Никого больше не надо! Не пущу. Вот лягу на пороге — и только через мой труп!

— Чего ты разорался? — снисходительно сказал Демидов.— На пороге он, видите, ляжет. Не хочешь мастера — сам попробуй почистить.

Я испробовал все. Скипидар и ацетон. Растворители и разбавители. Пемзу и наждак. Соду и спирт. И добился лишь того, что у меня растворились ногти на руках и слезла кожа с колен.

— Пижон ты! — дружески заявил Демидов.— Теперь другого выхода нету, как менять.

— Квартиру менять? — тупо спросил я, отколупывая с рук ошметки кожи.

— Зачем квартиру! Линоль менять. Хочешь, я тебе пришлю... Ну, ну, чего ты! Кидается, как овчарка. Не хочешь, перестилай сам. Я тебя научу. Смеряй площадь и по смерку купи линоль. Этот отдери. Навари вару или смолы — и клей себе. Пустяки.

...Через два дня я получил приглашение в отдел распределения жилой площади. Пошел.

— Дорогой товарищ! — с доброй улыбкой сказал мне заведующий отделом.— Вы как будто жаловались, что у вас подсобные помещения тесноваты. Так вот. Есть возможность поменять. В той же секции освобождается квартира номер шестьдесят пять. Там кухня и коридор побольше. Только в комнате есть одна небольшая недоделка. Трещина в потолке. Но это пустяки. Вам ее заделают в один момент. Так если вас устраивает...

— Что вы! — невинно глядя на него, сказал я.— Никогда в жизни я не жаловался и никуда больше переходить не намерен. Я, знаете, как-то привык к этой своей квартире.

И ушел, оставив его в некоторой растерянности...

Я думаю, что в общем-то отделочники — ребята хорошие и уважают труд своих коллег-предшественников... Это, видимо, только мне не повезло. Знать, родился я в недобрый час.

— Привет тебе, желанный друг, под сенью города большого.

— Простите, с кем имею честь?

— Не узнаете? Впрочем, понятно... Прошло, кажется, более двадцати лет. Но у меня память на лица особая. И кое-какая информация о гостях нашего города. И вот этот рубец на вашей шее. Здорово он вас тогда...

Сердце в груди профессора затрепыхалось так, что в глазах пошли черные круги. На несколько минут он потерял дар речи. В закоулках памяти во всей своей отвратительной отчетливости всплыла та страшная ночь в гестапо. Сквозь туман времени встало перед ним лицо хищника. «Рубец на шее...» Теперь он вспомнил этого смуглого, лысого, с усиками, сухощавого хлыща, который, как и тогда, нагло, с издевкой, в упор смотрел на него из-под косматых бровей. Хлыщ служил переводчиком в гестапо. Немцы звали его Серж. Это при нем появился в ту ночь рубец на шее.

— Вот видите, снова встретились. Судьбе угодно-с было! Рад за вас. Вы тогда в общем-то отделались легкими ушибами... А, между прочим, версия та, не знаю, ведомо ли вам, пошла гулять по вашему городу.

— Какая версия?

— Костя-провокатор своих выдал. Говорили, будто гестаповцы вас на службу в другой город перевели. По ихней, так сказать, линии. Ну, ну, батенька, вы не кипятитесь... Это уж дела давно минувших дней, преданья старины глубокой. Это я так, к слову... Вы, кажется, большим ученым стали? Я о вас в здешней газете читал и фотографию вашу видел.

— А вы? Вы что здесь делаете?

— Пока живу, надеюсь! Надеюсь на лучшие времена. А пока коммерция... Комбинирую. Как говорят немцы, желание—отец мысли. Если есть желание хорошо, легко жить, то появляются и кое-какие мыслишки на сей счет. Может, заглянем в ресторан, отметим встречу соотечественников? Честно говоря, порой охватывает грусть... Родина, дом, русская зима... Не перечеркнешь. Ну так как?

— Простите, но я занят. И потом, как бы вам поделикатнее сказать... стоит ли?

— Вы не обижайте земляка. Не брезгуйте. Так приятно встретить русского! Иногда появляется желание вернуться... Но не знаю, как примут. Страшновато...— И Серж сразу как-то сник.

Профессор удивленно посмотрел на собеседника.

— Прошу прощения, но, как говорится, рога трубят...— Поднялся с места и, не подавая руки, раскланялся, перехватив колючий взгляд хлыща.

Поздно вечером, вернувшись в гостиницу, профессор по обыкновению спустился в ресторан поужинать. Он только вошел в зал, как тут же был перехвачен Сержем.

— Прошу к нашему столу. Не обижайте. Я обещал одной даме познакомить ее с русским гостем. Она, между прочим, тоже говорит по-русски. Вы не представляете, как тоскливо и горько на чужбине! И как мы рады встрече с каждым человеком оттуда! Забудьте и простите нам былое. За нашим столом ваш коллега. Вы уже встречались с ним... Ну, будьте же русским человеком с русской доброй душой... Прошу вас...

За столом в обществе молодой красивой женщины действительно оказался его коллега — один из тех местных ученых, с которым профессора познакомили в здешнем научном институте и который, как это выяснилось в ходе их недолгой беседы, вел исследования примерно в том же направлении, что и он сам. Ученый этот — его звали Карлом — запомнился профессору еще и потому, что в отличие от своих друзей он почти свободно, с легким акцентом говорил по-русски.

Коллега представил даму:

— Дженни... Женя... А мир тесен. Серж говорил, что вы, кажется, когда-то встречались.

Профессор нахмурился и зло буркнул:

— К сожалению, да.

Беседа явно не клеилась. Напряженную обстановку разрядила Дженни. Она задорно посмотрела на профессора, сидевшего рядом с ней, взяла его под руку и сказала:

— Какой вы, однако, колючий! Ну что вы хмуритесь?

— Будьте как дома,— сказал Карл.— Я с удовольствием выпью с вами, коллега, за процветание науки, которая не знает границ. Нам, ученым, нечего делить. Мы едины в своих устремлениях к прогрессу...

И Карл чокнулся с советским профессором. Он посидел за столом еще минут двадцать и, извинившись — «дела, дела»,— раскланялся.

Они пили, закусывали, танцевали. Серж предложил гостю перейти в номер. Предложение было принято. Вскоре явился официант. Распоряжения отдавал Серж. Потом поехали к Дженни...

События минувшей ночи явно окрылили Сер-

Г. РЫКЛИН

Расскажу все...

Посетитель нервничал. Но старался держать себя спокойно.

— Итак, гражданин следователь, вы все знаете. Чувствую, что вы изучили мое дело.

Поэтому не буду валять дурака и расскажу все без утайки. Можете записывать.

Но предупреждаю, я не мастер художественного слова. А посему прошу извинить, если будет не совсем гладко.

В Москве я недавно. Раньше работал на периферии. Ближе к природе, к подсобным хозяйствам.

Я занимал скромную должность завхоза в одном небольшом, но вполне бесхозяйственном учреждении. Жил я неплохо, можно сказать, даже припеваючи.

Но в прошлом году меня вдруг потянуло к столичной жизни. И потянуло, откровенно говоря, не потому, что я хотел быть поближе к «Лебединому озеру».

Перебрался я в Москву только ради масштабов и расширения кругозора.

— Василий Васильич! — категорически заявил я самому себе.— Надо в Москву! Расти можно только в столице. А тебе уже сорок пять — пора расти!

И вот я начал расти в районе Плющихи. Там я поступил в известный вам трест на вакантную должность юриста-экономиста.

Согласитесь, это неплохо звучит. Встреча двух передовых отраслей науки. Юрист-экономист! Меня всегда привлекали всякие двойные названия: машинистка-стенографистка, беф-строганов, пиво-воды.

Должен вам чистосердечно признаться, что ни в каких университетах я никогда не бывал. Даже самый ярый мой недоброжелатель не может обвинить меня в высшем образовании.

Но в тресте никто меня об этом не спрашивал. А я с малолетства так воспитан: раз меня не спрашивают, я молчу.

Завкадрами, принимая меня на службу, до безумия увлекся одной из моих бабушек. Его интересовали мелкие подробности из жизни покойницы: ее девичья фамилия, род занятий, в каком состояла профсоюзе и даже, если память мне не изменяет, ее отношение к воинской повинности. Три четверти просторной анкеты заняла старушка, мир ее праху!

Что же касается моей квалификации, диплома и тому подобных пустяков,— об этом не сказано было ни полслова.

Так среди бела дня я был утвержден юристом-экономистом. С таким же успехом я мог быть назначен инкассатором-калькулятором.

Должен вам сказать, что хотя и без специального юридического образования, но со своей работой я справлялся отлично. Это объясняется главным образом тем, что работы никакой не было.

За все время только раз курьерша вместе с чаем принесла мне какую-то бумажку. Я чай выкушал, а бумажку сдал в архив.

Но однажды моему безмятежному существованию пришел конец. Дело в том, что старого завкадрами сняли с работы и на его место пришел другой дядя. Такой вежливый, деликатный, мягкий... В этом отношении он мне напоминает вас, товарищ следователь.

Вот он вызывает меня к себе и вежливо, деликатно, мягко начинает мне задавать кое-какие вопросы. Я сразу иду с козыря — с моей покойной бабушки, с этой испытанной и проверенной старушки.

А новый завкадрами опять-таки вежливо, деликатно, мягко заявляет:

— Меня интересует не бабушка, а ее внук. То есть вы, товарищ Телятин.

Я, конечно, был польщен и не преминул поблагодарить его в самых изысканных выражениях.

— Так вот что, товарищ Телятин,— продолжал он.— В вашем личном деле не хватает одного документа. Я думаю, вам нетрудно будет представить его нам. Речь идет о дипломе. Вы его потеряли? Но ведь копию можно достать. Буду вам очень благодарен, если поторопитесь с этим делом.

Все! На этом закончилась наша дружеская беседа, которая, как мне показалось, протекала в обстановке полного взаимопонимания.

Что делать? Не должен же живой человек пострадать из-за какой-то бумажки. «Я достану эту бумажку!» — решил я твердо.

И достал. Нет, не фальшивку, а настоящую, подлинную. Я не жулик, чтобы орудовать «липами».

В несколько южных городов, где имеются высшие учебные заведения, я разослал письма такого содержания: «Прошу срочно выслать мне копию диплома об окончании мною вашего института в 1930 году».

Не всюду сидят бюрократы. Пять институтов не ответили. Шестой ответил.

И вот что написал шестой:

«На ваш запрос сообщаем, что копию вашего диплома об окончании вами института мы, к сожалению, не можем вам выслать, так как все документы были уничтожены еще в 1941 году, при эвакуации».

Больше мне ничего и не надо было. А главное: больше ничего не надо было этому вежливому, деликатному, мягкому завкадрами.

И я опять еще с большим прилежанием приступил к исполнению своих несуществующих обязанностей. И вдруг...

И вдруг я очутился здесь, у вас. Как? Почему?

Ничего не понимаю. Как лицу, несколько заинтересованному в этом вопросе, мне хотелось бы узнать, каким образом все это всплыло наружу? А?

Вы улыбаетесь, гражданин следователь. Держу пари, что эта вежливая, деликатная, мягкая улыбка не сулит мне ничего приятного...

жа. Утром он поднялся в номер к профессору, застав его в состоянии весьма смущенном и подавленном. Серж говорил тихо и вкрадчиво.

— Вот здесь,— он показал на свой портфель,— магнитофонная лента и фотокадры. Так сказать, свидетели прошедшей ночи. Здесь,— он показал на кармашек пиджака,— счет ресторана на ваше имя. Это тоже прошедшая ночь. У вас, кажется, не хватило валюты на оплату счета? Пустяки, счет будет оплачен мною. О соответствующей расписке я позабочусь сам. А здесь,— он постучал пальцем по лбу,— сохранились некоторые любопытные сведения касательно еще одной ночи. В гестапо. Я, кажется, уже имел честь напомнить вам, что версия о Косте-провокаторе после той ночи весьма энергично пошла гулять по городу. Нет-нет, боже упаси, я ни на чем не настаиваю. Клевета? Возможно. Но ее надо как-то опровергнуть. А ведь есть свидетели. Кто? Ну хотя бы ваш покорный слуга.

— Вы не запугивайте меня. Я не из робкого десятка, я...— Профессор замахал руками, но нужных слов или не нашел, или они застряли у него в горле, и сам он весь затрясся, побледнел.

— Поменьше эмоций, господин профессор. Пока еще ничего страшного не произошло.

— К чему вы все это говорите? Что вы от меня хотите?

— Сущие пустяки. Поверьте слову русского человека. Мы расстанемся добрыми друзьями. Вот вам значок с видом Эйфелевой башни. Сохраните его, пожалуйста. Человек, который вам предъявит там, у вас дома, такой же значок, будет нуждаться в некоторых услугах... В самых мелких, ничего не значащих. Вы меня поняли, профессор? Не удивляйтесь, если этим человеком буду я.

А ЖИВ ЛИ Я?

...Прилетев в Москву, профессор несколько дней занимался отчетом по командировке, отчетом научным. Дела в какой-то мере отвлекали его от отчета перед собственной совестью, отвлекали от тяжких раздумий. Но ночью он не спал. Ворочался с боку на бок на широкой гостиничной постели. «Неужели так и останешься в ловушке, старик? Ловко они поймали тебя на крючок... Нет, не поймали... Черта лысого, пусть попробуют, мы еще поборемся. А как?..» И с этим безответным вопросом он оставался наедине с самим собой, до рассвета не сомкнув глаз. Иногда среди ночи профессор поднимался с постели и выходил на балкон, всматриваясь в безлюдные, притихшие улицы. Воздух очень медленно остывал после изнурительного дневного зноя, и от этого становилось нестерпимо душно. Профессор жадно глотал настоянный бензином воздух, и ему казалось, что удушье не от погоды, что душит его ни на минуту не утихающая, то щемящая, то колющая боль сердца. В туманной летней ночи вся его трудная жизнь сейчас, в страхах и тревогах без конца и начала, проходила перед ним одной какой-то смутной, непонятной сценой. И перед мысленным взором ученого вставали то Пузанов, то гестаповец, то Серж, то Дженни. Он где-то, кажется, у Бёлля, прочел, что и живые бывают мертвыми, а мертвые живут. И профессор, временами впадая в то страшное состояние, когда человек чувствует холод могилы, сам себя спрашивал: «А жив ли я?»

...Решение созрело в канун того дня, когда он должен был улетать домой, в Сибирь. Профессор пошел на Кузнецкий мост, разыскал дом с вывеской «Приемная Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР» и попросил начальника приемной выслушать его.

Профессора попросили, если это не нарушает его планы, на день отложить вылет в Сибирь. С ним хочет побеседовать сотрудник, немного уже знакомый с господином Карлом. ...Майор Птицын внимательно слушает сибиряка, не задает вопросов и не прерывает его. И только когда профессор, рассказывая о памятной ночи в гостинице, запнувшись и покраснев, обронил: «Противно даже вспоминать...» — Птицын не удержался:

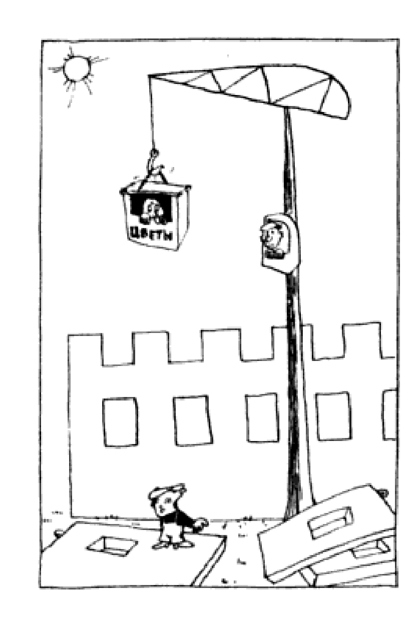
— Можете не вспоминать.

Сибиряк встрепенулся, посмотрел на собеседника, а тот, все так же улыбаясь, мягко и несколько участливо сказал:

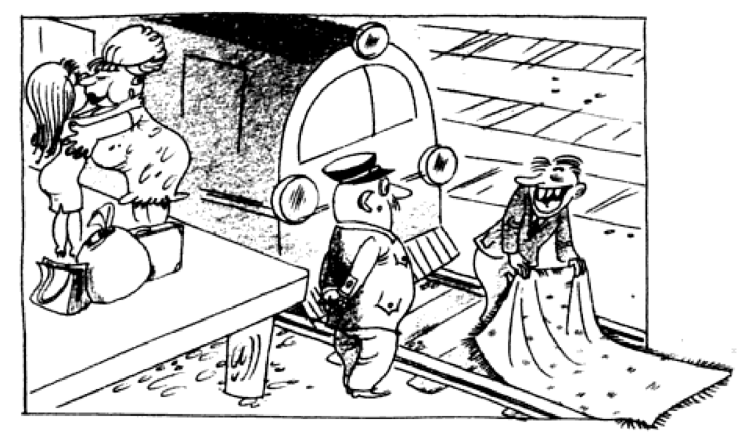
— Вы не расстраивайтесь. Самый главный

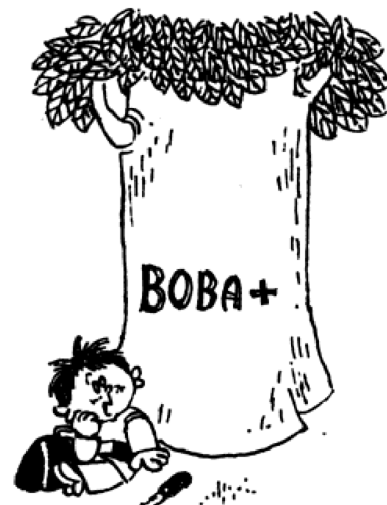
Возмездие.
Рисунок Ф. Дарбиняна.

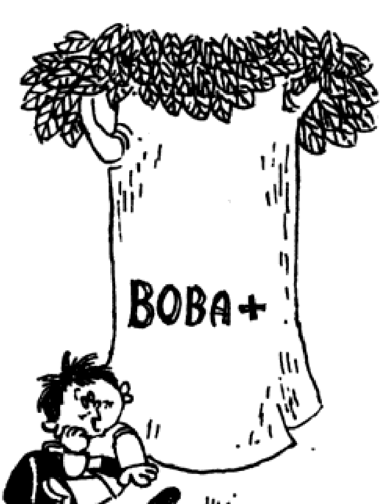

— Эй, бросай! Не тот блок взяли.
Рисунок Е. Шабельника.

— Теща уезжает!
Рисунок О. Корнева и Н. Станиловского.

— Интересно, как же ее будут звать?..
Рисунок В. Тильмана.

— Берите пример с пожарного Водягина: он никогда не горел на работе.
Рисунок Н. Станиловского.

Без слов.
Рисунок Е. Шабельника.

и правильный шаг уже сделан. Это когда вы пришли в приемную. Человек вы... как бы это вам помягче сказать... в данном случае оказались недальновидным, что ли... Однако образумились вовремя, и это делает вам честь. Сейчас нечего губы кусать. Выпейте воды... Возьмите же себя в руки, будьте мужчиной. Нам о серьезных делах беседовать. Продолжайте, я вас слушаю.

Птицын слушает, а мысленно разговаривает с «Ландышем». «Нет, зря я сетую на тебя, «Ландыш». Молодцом!» Три дня назад от нее пришло важное и достаточно подробное сообщение: в сети Карла и Дженни попался какой-то ученый из Сибири, занимающийся примерно теми же проблемами, что и Круглов. Карл хвалил Дженни и Сержа-шантажиста за отличное выполнение задания и называл профессора Константином Петровичем.

...Прошло уже много времени с тех пор, как профессор улетел домой, в Сибирь. А судя по данным сибирских товарищей, никто еще пока не выходил на связь с Константином Петровичем. Неужели забыли о нем, оставили в покое? Нет, так не бывает. Еще побеспокоят. Тогда, вероятно, и резидент объявится. И Птицын еще и еще раз перечитывает сообщение «Ландыша», запись «исповеди» Константина Петровича, читает, думает, анализирует.

...Бывают же такие совпадения: размышления майора прервал лейтенант.

— Только что получена телеграмма от сибиряков: профессор выехал в Москву.

У Птицына сразу поднялось настроение. Однако пора собираться: через двадцать минут встреча с Петром Максимовичем.

Егоров не мог ничего нового рассказать Птицыну. Как и следовало ожидать, Карл от вторичной встречи уклонился. Позвонил по телефону, поблагодарил за гостеприимство, произнес несколько восторженных тирад о Москве и на прощание сказал: «А что касается статьи для журнала, то пока надобность в ней отпала. Надеюсь, это вас не огорчает?»

— И что же вы ответили ему?

— Всегда к вашим услугам.

— Петр Максимович, нам еще, возможно, придется встретиться с вами. Не возражаете? Ну и отлично. Будьте здоровы.

— Насколько я понимаю, надо держать в секрете свои переговоры с иностранцем.

Птицын на какое-то мгновение призадумался.

— Конечно, пока... Да, чуть было не забыл... К вам в институт приехал из Сибири на консультацию профессор, Константин Петрович. Вы его хорошо знаете?

— Не совсем хорошо.

— Долго он пробудет у вас?

— Это зависит от шефа. Он связан с ним непосредственно.

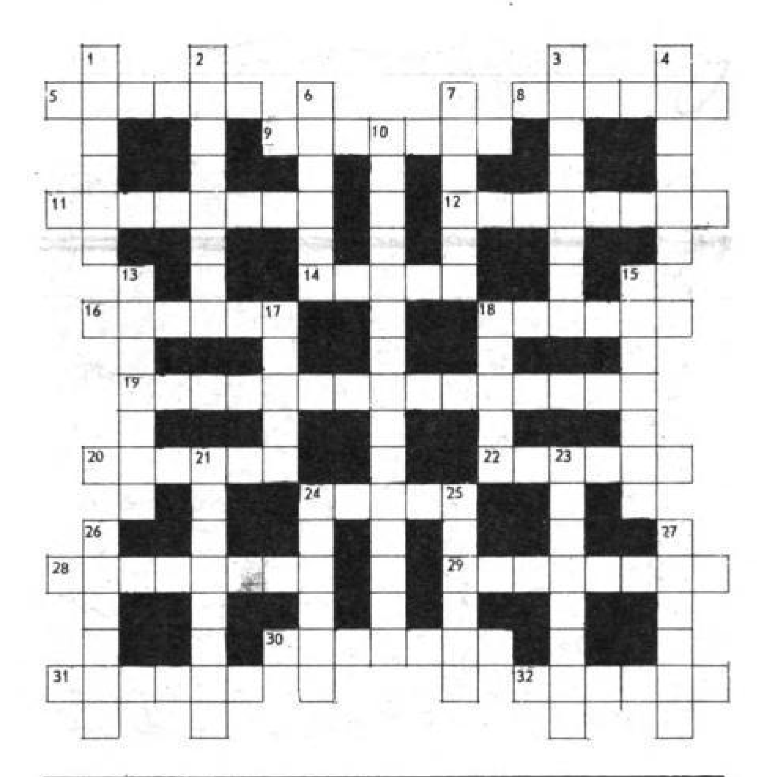
Окончание следует.

После выступления «Огонька»

СИРЕНЕВЫМ САДАМ ЦВЕСТИ!

В № 25 журнала «Огонек» в статье под этим заголовком ставился вопрос об использовании сиреневого сада москвича Л. А. Колесникова. Начальник Управления лесопаркового хозяйства города Москвы П. П. Волков сообщил редакции, что вслед за выступлением «Огонька» Л. А. Колесников обратился в исполком Моссовета с просьбой принять от него сиреневый сад в дар столице.

Исполком Московского Совета вынес решение принять сиреневый сад Леонида Алексеевича Колесникова и поручил Управлению лесопаркового хозяйства перебазировать сортовые сирени в питомник декоративных растений. Там будет организовано их размножение для украшения города Москвы. Там же будут продолжены селекционные работы для выведения новых сортов.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Река на Северном Кавказе. 8. Драма Б. Лавренева. 9. Город в ГДР. 11. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 12. Государство в Европе. 14. Оттенок звучания. 16. Французский естествоиспытатель. 18. Бег лошади. 19. Порт на Эгейском море. 20. Произношение. 22. Большое состязание на спортивных судах. 24. Чешский писатель-сатирик. 28. Раздел теоретической механики. 29. Остров в Индийском океане. 30. Место для приема солнечных ванн. 31. Голландский мореплаватель XVI века. 32. Яровой рапс.

По вертикали:

1. Командир крейсера «Варяг». 2. Самый крупный удав. 3. Теплообменный аппарат. 4. Украинский зодчий XVIII века. 6. Железнодорожная платформа. 7. Звезда в созвездии Большого Пса. 10. Стихотворение В. Маяковского. 13. Серебристый мягкий металл. 15. Птица семейства сов. 17. Прозрачная, тонкая ткань. 18. Сооружение над шахтой. 21. Большой резервуар для хранения жидкостей. 23. Приемник подводных звуков. 24. Часть речи. 25. Печатный шрифт. 26. Сельдяной кит. 27. Лиственное дерево.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали:

7. Хачатурян. 8. Календарь. 9. Треска. 11. Чистик. 13. Шатун. 14. Плакат. 16. Лакмус. 17. Олимпиада. 21. Ессентуки. 24. Вернер. 25. Камбуз. 26. Посол. 27. Савона. 29. «Кармен». 30. Диаграмма. 31. Коробочка.

По вертикали:

1. Труба. 2. Скетч. 3. Кадриль. 4. Рябушкин. 5. Лаванда. 6. Артикул. 10. Сакраменто. 12. Секундомер. 15. Торшер. 16. Ластик. 18. План. 19. Бутлеров. 20. Терапия. 22. Септима. 23. Курейка. 28. Амаду. 29. Крона.

●

На первой странице обложки: Талашкинский Теремок под Смоленском (см. в номере репортаж «Теремок не из сказки»).

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Лесное озеро.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10677. Подписано к печати 17/VIII 1966 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 2 000 000. Изд. № 1360. Заказ № 2177.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Жест, понятный рыболовам всего земного шара.

Наши корреспонденты Д. БАЛЬТЕРМАНЦ и З. ХИРЕН ведут репортаж с воскресного соревнования рыболовов-спортсменов.

С субботы на воскресенье вместе с сотнями москвичей мчимся по Минскому шоссе на Можайское море. Москва давно позади, но у работников ГАИ здесь дела не меньше, чем на самых шумных улицах столицы. Все понятно: завтра выходной...

Однако свой рассказ о воскресных удочках мы начнем не с жезла, регулирующего поток машин, а вот с этого международного, понятного на всех материках — континентах рыболовецкого кода: широко разведенные руки! В нем, в этом жесте,— и восторг души рыбака и жалоба: «До чего же непостоянно счастье рыболова, какой лещ — и ушел!..»

Но вот перед нами лещи... неушедшие. Хотя бы вот эта парочка. Сегодня уже многие приходили кланяться им, и сварщик Александр Матвеевич Корнев, признаться, устал давать интервью. А интервью берут такие же, как и он, рыболовы: метростроевцы, строители, ученые, машинисты. Всех волнует вопрос: где выловил он этих лещей? Ответ лаконичный: «Здесь, в Можайском море».

От интервьюеров нет отбоя.

Такие летучие интервью вспыхивают то в одном, то в другом месте. Больше всего досталось московскому токарю Алексею Григорьевичу Егорову. Его улов достиг почти четырех килограммов. Причем лещи не мельче, чем у Корнева. В интервьюерах недостатка не было.

...Идет соревнование рыболовов спортивного общества «Локомотив». На рыбалку они выехали в третьем часу ночи. Жеребьевка — кому какая лодка достанется,— советы капитанам, напутственная речь главного судьи горного инженера Георгия Никифоровича Воронова и — старт!

В десятом часу утра в небе вспыхнула ракета, и лодки одна за другой стали возвращаться к пирсу. Каждый рыболов нес в сетке к весам судей свои трофеи. Впрочем, не всем потребовались весы. Обратите внимание на снимок, где у весов стоит рыбак, которому нельзя не посочувствовать: «Да, и такой бывает улов!..»

Мучительно долго судьи решают — так по крайней мере представляется рыболовам,— кто получит кубки. Совет держат за закрытыми дверьми. И наконец решение объявлено.

Сперва вручают награды капитанам лучших команд, а затем уже рекордсменам. Медленно опускается флаг. Мимо опустевшего пьедестала почета шагают рыболовы-спортсмены. В следующее воскресенье на этом же вот море предстоит новая встреча.

Но рыба рыбой, а кислород, солнце, лес, вода, веселый отдых, громкий, радостный смех людей с воскресными удочками превыше всего. Каждый отдыхает, как ему нравится...

Обмен опытом.

Случается и такой улов.

Лодки одна за другой возвращаются к пирсу.

На пьедестале почета.

По домам...

Парочка лещей.

СНЫЕ УДОЧКИ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663